

ISSN: 2616-8162

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Д
**Филология
и психология**

1/2024

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.

Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**

Члены редколлегии: д-р наук по соц.ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, канд. психол. наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р филол. наук, проф. **А.В. Домашенко**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук **А.И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**, д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблев**, д-р филол. наук, доц. **А.А. Кудряшова** (Московский центр качества образования), д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, доц. **М.Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН), д-р психол. наук, доц. **Е.Г. Максименко**, д-р филол. наук, проф. **Г.Н. Манаенко** (Северо-Кавказский федеральный университет), канд. филол. наук **М.Н. Панчехина**, д-р филол. наук, проф. **М.Л. Ремнёва** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р психол. наук, доц. **Е.Н. Рядинская** (Донбасская аграрная академия), д-р психол. наук, проф. **С.В. Сарычев** (Курский государственный университет), д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, проф. **Г.Г. Слышкин** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), д-р филол. наук, доц. **Л.В. Соснина** (Донецкий национальный технический университет), д-р филол. наук, проф. **В.И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-педагогический университет), д-р филол. наук, проф. **В.В. Тулупов** (Воронежский государственный университет), д-р филол. наук **Н.В. Усова**, д-р филол. наук, проф. **Н.В. Уфимцева** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р филол. наук, доц. **Е.В. Филатова**, д-р филол. наук, доц. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**.

Editorial Board of journal “Bulletin of Donetsk National University

Series D: Philology and Psychology”

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**

Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhanyan** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Prof. **V.A. Domaščenko**, Doctor of Philology **A.V. Ivanitskiy** (Russian State University for the Humanities), Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliuščenko**, Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev**, Doctor of Philology, Associate Prof. **A.A. Kudryashova** (Moscow Center for the Quality of Education), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Associate Prof. **M.Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the RAS), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.G. Maksimenko**, Doctor of Philology, Prof. **G.N. Manaenko** (North Caucasian Federal University), Candidate of Philology **M.N. Panchehina**, Doctor of Philology, Prof. **M.L. Remnyova** (Moscow State University), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.N. Ryadinskaya** (Donbass Agrarian Academy), Doctor of Psychology, Prof. **S.V. Sarychev** (Kursk State University), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Prof. **G.G. Slyshkin** (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Doctor of Philology, Associate Prof. **L.V. Sosnina** (Donetsk National Technical University), Doctor of Philology, Prof. **V.I. Suprun** (Volgograd State Socio-Pedagogical University), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Tulupov** (Voronezh State University), Doctor of Philology, Prof. **N.V. Ufimtseva** (Moscow State University), Doctor of Philology **N.V. Usova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **E.V. Filatova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018), с 20.02.24 включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 5.9. Филология; 5.3. Психология. **Адрес редакции:** ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк, **Тел:** +7 (856) 302-92-33.

E-mail: vi.terkulov@mail.ru, s.vildgrube@mail.ru, v.korobova-latyntseva@mail.ru.

URL: <http://donnu.ru/vestnikD>.

Печатается по решению Учёного совета ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».
Протокол № 4 от 12.04.2024 г.

© ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», 2024

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Д: Филология и
психология

№ 1/2024

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Филология

- Домашенко А.В.* Из заметок о французском контексте романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: Барбе д'Оревилли 3
- Кудряшова А.А.* Своеобразие автобиографического жанра: индивидуальный стиль В.И. Гусева «Год неспешный. 2013–2014. Сады – город» 16
- Савина Л.Н.* Пространство детства в цикле рассказов С.Н. Синякина «Сталинградские зёрнышки» 27
- Ширина Е.В., Балюнис Е.В.* «Мужчины, идущие своим путем»: медиа гомогендерных объединений как феномен социальной коммуникации 36
- Ахметгареева О.Ф.* Концепт «оккупация» в военном дискурсе 47
- Коробейникова А.А., Дмитриева Н.М., Егорова Н.В.* Способы гармонизации в конфликтной речевой ситуации: на материале «Капитанской дочки» А.С. Пушкина 56
- Косолапова Т.В.* Лингвотоксичные проявления в переводах научно-популярной литературы по психологии и саморазвитию 64
- Кузнецова Е.В., Тишина Е.В.* Прилагательные со значением 'некрасивый' в говорах Волгоградской области 73
- Пономарева Н.Е.* Художественная рецепция антропологического пространства возраста (на материале поэзии 1970-х – 2000-х годов) 81
- Щипанова Ю.В., Егорова Н.В., Полуфакина А.А.* Лексика ограниченного употребления в текстах телеграм-каналов современных российских военных корреспондентов 88
- Губарева М.А.* Пути земные и духовные: путешествие как импульс личностной эволюции в контексте геопэтики 99
- Сян Янань* Потенциальный маркер-аппроксиматор как будто (бы) в русской повседневной речи 108

Психология

- Егорова И.А.* Современные тенденции социализации личности в условиях цифровой трансформации 115
- Джура Г.С.* Психосоматика в групповой психотерапии 125
- Правила для авторов 133

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

**Series D: Philology and
Psychology**

No 1/2024

CONTENTS

Philology

- Domashchenko A. V.* From notes about French context of novel “The master and Margarita” by M.A. Bulgakov: Barbey d’Aurevilly 3
- Kudryashova A. A.* Originality of autobiographical genre: individual style of Vladimir Gusev in “The unhasty year. 2013-2014. Gardens – city” 16
- Savina L. N.* Space of childhood in collection of stories “Stalingrad Grains” by S.N. Sinyakin 27
- Shirina E. V., Balyunis E. V.* «Men going their own way»: homogender communities media as social communication phenomenon 36
- Akhmetgareeva O. F.* Concept «occupation» in military discourse 47
- Korobeynikova A. A., Dmitrieva N. M., Egorova N. V.* Ways of harmonization in conflict speech situation (case study of “Captain’s daughter” by A.S. Pushkin) 56
- Kosolapova T. V.* Linguotoxic manifestations in translations of popular science literature on psychology and self-development 64
- Kuznetsova E. V., Tishina E. V.* Adjectives with meaning ‘ugly’ in dialects of Volgograd region 73
- Ponomareva N. E.* Artistic perception of anthropological space of age (based on poetry of the 1970s – 2000s) 81
- Shchipanova Yu. V., Egorova N. V., Polufakina A. A.* Vocabulary of limited use in texts of Telegram channels of modern Russian war correspondents 88
- Gubareva M. A.* Earthly and spiritual paths: travel as impulse of personal evolution in context of geopoetics 99
- Xiang Yanan* Potential marker-approximator *kak budto (by)* in Russian everyday speech 108

Psychology

- Egorova I. A.* Modern trends of personality socialization in digital transformation climate 115
- Dzhura G. S.* Psychosomatics in group psychotherapy 125
- Guidelines for authors 133

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 801.73

DOI: 10.5281/zenodo.10945244

ИЗ ЗАМЕТОК О ФРАНЦУЗСКОМ КОНТЕКСТЕ РОМАНА М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»: БАРБЕ д'ОРЕВИЛЬИ

© 2024 *А.В. Домащенко*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

ORCID 0000-0003-0616-7322

В статье речь идет о книге Барбе д'Оревилю «Те, что от дьявола» («Les Diaboliques») как контексте, актуальном для адекватного понимания романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». И в том, и в другом случае мы имеем дело с причудливой игрой тьмы и света, в которой непременно запутается незадачливый читатель, привыкший все понимать буквально. При сопоставлении книги французского писателя и романа особое внимание уделено вопросам поэтики, как она понимается в границах эйдосного теоретико-литературного дискурса: принципам создания образа, живописным деталям, обозначающим доминанту образа и открывающим смысловую перспективу рассматриваемых произведений, колористике и т. д. Обращено внимание на жанровую природу булгаковского романа. Автор статьи определяет его как мистериально-буффонадный роман. Мистериально-буффонадным началом обусловлено также художественное своеобразие книги Барбе д'Оревилю.

Ключевые слова: Михаил Булгаков, Барбе д'Оревилю, мастер, Маргарита, Воланд, живописная образность, цвет, эйдосный дискурс, мистерия, буффонада, поэтика.

Для цитирования: Домащенко А.В. Из заметок о французском контексте романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: Барбе д'Оревилю / А.В. Домащенко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 1. – С. 3–15. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.10945244>, <https://zenodo.org/records/10945244>.

В этих заметках я оставляю в стороне вопрос о том, как именно контекст, о котором здесь идет речь, связан с романом Булгакова: напрямую, опосредованно или это в каких-то случаях всего лишь совпадения. Как бы там ни было, ни то, ни другое, ни третья теория литературы не должна игнорировать.

25.11.2017

Ж.-А. Барбе д'Оревилю в предисловии к книге «Те, что от дьявола» (1874) пишет, что глаза природы цветом своим соответствуют двум типам женщин: один её глаз голубой (bleu; те, что от Бога), а другой – черный (noir; героини его книги). Вот оно как... Только я при этом вспомнил глаза Воланда? У него, конечно, обошлось без голубого глаза, но его зеленый глаз тоже о многом говорит.

О чем? Ну, вот, например, красноречивая деталь в портрете молодого Менильгранда, которая существенно сужает круг возможных интерпретаций: «...Сине-зеленые (glauques [10, р. 323]), будто налитые кровью, как у очень породистых и горячих коней, глаза...»¹ (рассказ «Кошунственный обед») [1²]. Посредников между

¹ Вот откуда ахматовское «Сам себя сравнивший с конским глазом...» (1936) и предшествующее «Как конский глаз, с подушек, жаркий, искоса / Гляжу, страшась бессонницы огромной» (1919) Б. Пастернака.

этой деталью и Воландом можно найти в ранних редакциях романа. Утвердив приговор Синедриона после трех попыток спасти Га-Ноцри, Пилат, у которого во время разговора с Каиафой цвет глаз постоянно менялся, «оглянулся, окинул взором мир и ужаснулся. Не было ни солнца, ни розовых роз, ни пальм. Плыла багровая гуща, а в ней, покачиваясь, нырял сам Пилат, видел зеленые водоросли в глазах и подумал: “Куда меня несет?..”» («Копыто инженера») [3, с. 47]. Пилат – единственный персонаж романа, который, будучи наглухо закрытыми в своем времени, то есть, не являясь мистериальным, в то же время, в отличие от нескончаемого потока москвичей и жителей окраин, не становится и буффонным³.

Зеленые глаза Пилата⁴ и Менильгранда, которым позволено быть не шутами, – знак того, что они – любимцы дьявола⁵, глядящие на мир и на людей тем его глазом, для которого, в отличие от черного, закрыт мистериальный смысл происходящих событий. Поэтому они, несмотря на свою очевидную незаурядность, в мистериальном отношении слепы, в решающие минуты оказываясь, вследствие этого, послушным орудием дьявола.

Именно о нем и вспоминает в ранней редакции Пилат в ответ на лицемерное опасение Каиафы, что их может кто-то услышать: «– Разве дьявол с рогами... – и голос Пилата начал мурлыкать и переливаться, – разве что только он, друг душевный всех религиозных изуверов, которые затравили великого философа, может подслушать нас, а более некому» [3, с. 47].

Образный синкретизм первоначальной редакции, когда то, что впоследствии обособится («мурлыкать», разные глаза и т. д.), пока еще принадлежит одному персонажу.

Другой признак любимца или любимицы дьявола – черный цвет. Отзыв о виконте де Брассаре, которым так восхищен рассказчик: «...Маркиза де Б..., знавшая толк в мужской красоте и в подражание Далиле обкорнавшая не меньше дюжины Самсонов, именно тогда с торжеством носила на широком, золотом с чернеными клетками, браслете, похожем на шахматную доску, смоляной кончик уса виконта. Заключенный в особый медальон, он чернел на голубом фоне, а смолил его, я думаю, сам дьявол» («За темно-красной шторой»).

Вспомним исключительно черные одежды Маргариты.

Живой зеленый глаз Воланда – это мертвая вода, тогда как его черный глаз – живая вода, приобщающая к тайне. В мертвой воде нужно искупаться, чтобы ожить для мистерии. Этим объясняются метаморфозы, которые происходят с Маргаритой под действием крема в золотой коробочке: «Справившись с собою, Маргарита открыла ее и увидела в коробочке жирный желтоватый крем. Ей показалось, что он пахнет болотной

² Далее цитаты из этой книги приводятся по этому изданию.

³ Впрочем, к Пилату необходимо присовокупить другого участника спора о судьбе Иешуа Га-Ноцри: «Разве должность наместника несменяема? – спросил Каиафа, и Пилат увидел зелень в его глазах» [там же]. Один из глаз Пилата в этой сцене – мертвый. Этим глазом Пилат на мгновение прозревает будущую судьбу Каиафы, который с момента вынесения приговора Иешуа Га-Ноцри будет навсегда лишен покоя. Все это – и разные глаза, и покой – в последней редакции будет связано с Воландом и мастером. В ней у Пилата уже не мертвый глаз, а мертвые глаза, то есть одинаковые. И получается, что его якобы пророчество – просто угроза. Над его угрозой смеется Каиафа, у которого и в последней редакции глаза остаются одинаковыми, но не зелеными, а темными. Спор слепых.

⁴ Неугасимый «зеленый огонь» под веками Пилата в последней редакции в сцене оглашения приговора – огонь, от которого загорелся его мозг.

⁵ При этом в каждом конкретном случае нужно отдельно разбираться, не является ли этот знак мистификацией.

тиной. Кончиком пальца Маргарита выложила небольшой мазочек крема на ладонь, причем сильнее запахло болотными травами и лесом. <...> Ощипанные по краям в ниточку пинцетом брови сгустились и черными ровными дугами легли над зазеленевшими глазами». Всё искусственное, поддельное сразу исчезает: «...Парикмахерская завивка волос развилась. На тридцатилетнюю Маргариту из зеркала глядела от природы кудрявая черноволосая женщина лет двадцати...». Маргарита возвращается к своей подлинной сущности. А слово «ведьма» в прощальной записке мужу употреблено для наивных читателей, ничем не отличающихся от фабульных персонажей романа, всё понимающих буквально.

Нарисовав в своей книге черный глаз, Барбе-д'Ореви́льи говорит, что второй сможет нарисовать, если отыщется достаточно небесной лазури (bleu). Эти цвета в его книге играют ключевую роль, что должно быть учтено при переводе: малейшая неточность в их употреблении искажает смысл произведения.

В рассказе «Счастливые благодаря преступлению» доктор Торти в позднее время остановился близ замка Савиньи и чтобы определить время, взглянул на месяц: «...Он уже опустился довольно низко, показывая на темно-синем циферблате, что время перевалило далеко за полночь...». Здесь переводчик решил исправить автора и сделал это неудачно. В подлиннике циферблат не темно-синий (bleu foncé), а просто синий (bleu) [см.: 10, p. 191].

Словесная живопись в этом эпизоде не импрессионистическая, из которой исходит в своем исправлении переводчик, а символическая, когда небо даже ночью остается синим, потому что не может измениться цвет глаза, которым природа с небесной высоты взирает на темные дела человеческие. Темно-синий, или, как удачно дано в русском переводе, «иссиня-черный», цвет важен в «историях» Барбе д'Ореви́льи и тоже имеет символическое значение, впрочем, несколько иное.

Весьма красноречиво сочетание зеленого и черного в облике пантеры; ее отблеск падает на вторую пантеру («panthère contre panthère!» [10, p. 146]) упомянутого выше рассказа – Отеклер, одну из тех, кто от дьявола, с ее черной одеждой, иссиня-черными волосами («poir bleu» [10, p. 196]) и глазами, которые сами по себе – явление поэзии: «Неподвижно лежащая пантера под взглядом женщины словно бы окончательно окаменела, однако, как кошка от слишком яркого света, не шевельнув ни единым мускулом, не повернув головы, не дрогнув даже кончиком уса, только несколько раз моргнув, не в силах больше выносить напряжение, медленно опустила занавес век, спрятав за ними зеленые звезды глаз. Замкнулась в себе, заперлась, превратилась в черное изваяние».

Той поэзии, о существовании которой ни Берлиоз, ни Иван Бездомный не подозревают.

28.11.2017

Похоже, сталинский афоризм «Писатели – инженеры человеческих душ» – слегка измененный вариант афоризма кюре из рассказа Барбе д'Ореви́льи «Лучшая из возлюбленных Дон Жуана»: «Священники – хирурги⁶ человеческих душ», то есть, говоря попросту, заимствование. Но у этих афоризмов есть нечто общее, что в значительной степени делает вопрос о заимствовании несущественным: они в равной степени упрощают то, о чем говорят.

В другой раз уже рассказчик называет доктора Торти «знатоком человеческих душ» («Счастливые благодаря преступлению»), что еще ближе к сталинскому

⁶ «Chirurgiens» [10, p. 129], а не «фельдшеры» (aide-médecin), как дано в русском переводе. До aide-médecin кюре не снизошел бы.

афоризму. Но потому и ближе, что здесь переводчики в большей степени повторяют Сталина, чем переводят. У Барбе д'Ореви́льи доктор Торти – «большой знаток человеческой природы» («се grand connaisseur en nature humaine» [10, p. 149]).

Мы помним, что в одном из ранних вариантов романа Булгакова будущий Воланд предстает перед нами в качестве инженера. Не родилась ли сама идея романа из коллизии, порожденной в сознании Булгакова сталинским афоризмом? Даже если это так, присутствие этой коллизии в последней редакции романа можно только реконструировать. Но эта процедура вовсе не бесполезна для его более глубокого понимания.

29.11.2017

«В наше дивное время, когда рассказывают правдивую (подлинную; vraie) историю, есть все основания полагать, что её диктует (dicté [10, p. 137]) дьявол». Разве этот художественный принцип «Тех, что от дьявола» Барбе д'Ореви́льи не является определяющим и в дьяволиаде Булгакова, включая роман, о котором идет речь? В справедливости этих слов, являющихся эпиграфом к рассказу «Счастливые благодаря преступлению», не приходится сомневаться, особенно обладая опытом XX века, но, как правило, нужно еще отыскать, кому именно из персонажей он диктует, потому что и здесь без дьявольских уловок не обходится. Не удивительно поэтому, что большинство исследователей, лишенных не только дьявольской, но и всякой иной проницательности, попадает на уловки. Кому дьявол диктует в романе «Мастер и Маргарита»?⁷ Мастеру? Конечно, нет. Как он может диктовать мастеру, который сам является творением Маргариты? Дьявол диктует той, что от него, той, кто напрямую связана с ним: Маргарите. Ей стало смертельно скучно от пустоты жизни в другом столетии, в которое она попала по ошибке, и она вообразила (известно, с помощью кого) всю эту фантазмагорию от Ершалаима до современной ей Москвы. А между этими крайними пространственными и временными вехами – родное ей XVI столетие и родная ей Франция.

Иешуа Га-Ноцри – не Иисус Христос. Это евангельская история, увиденная глазами поднимающегося, верящего в свои безграничные возможности Ренессанса. Именно этой коллизией обусловлено неизбежное последующее «крушение гуманизма» [см. 2, т. 6, с. 93–115; см. также: 8, 9], катастрофические последствия которого мы сейчас переживаем.

Маргарита имеет прямое отношение к Ренессансу, а мастер – нет.

Возможность такой интерпретации, когда мастер оказывается творением Маргариты, становится очевидной, стоит лишь напомнить о значимости Прекрасной Дамы в лирике Блока: попробуйте однозначно ответить, кто чей творец в его стихотворном цикле с этим названием. Можно этим не ограничиться и вспомнить о Беатриче и Данте. Помимо этого, не нужно забывать об универсальном для

⁷ Оставляем пока в стороне вопрос, в самом ли деле диктует дьявол. То, что это так, представляется очевидным: все с уверенностью говорят о ершалаимской сюжетной линии как о евангелии от сатаны. Но так обстоит дело лишь до тех пор, пока мы не выходим за пределы буквального понимания булгаковского произведения, которым оно отнюдь не исчерпывается. Прошу обратить внимание на подсказку, которой удостоил своих читателей Барбе д'Ореви́льи и к которой посчитал излишним прибегнуть Булгаков: «Те, что от дьявола» не имеют никакого отношения к дьявольщине и готическим ужасам, это реальные истории, почерпнутые из нашего прогрессивного времени, порождения нашей дивной, божественной цивилизации, вот только, когда я перенес их на бумагу, мне показалось, что продиктовал их дьявол».

В данных заметках я сознательно остаюсь в пределах традиционного понимания романа, которое обусловлено авторским замыслом и является авторской мистификацией.

художественной литературы принципе эстетической завершенности. Степень эстетической завершенности Маргариты является величиной постоянной и не зависит от ситуаций, в которые она попадает. А мастер, который, разумеется, не является автопортретом Булгакова, сразу же становится полутенью, как только к нему приближается Маргарита, то есть, как только разрывается эстетическая дистанция между творцом и творением. Вспомните, как мудр и проницателен мастер⁸ вдали от Маргариты в разговоре с Иваном Бездомным, сразу поняв, с кем тот пообщался накануне на Патриарших прудах. Он досадует, что не ему, а Ивану довелось встретиться с Воландом. Надевая шапочку, он сурово и гордо говорит Ивану: «Я – мастер...».

Но как только встреча с Воландом произошла, вся его проницательность и мужество исчезают, так что без поддержки Маргариты никакого разговора вообще не получилось бы: она поддерживает его, как держала бы куклу своей рукой, и даже подсказывает (пример, так сказать, *dicté* второй степени), что он должен говорить. Когда Воланд спрашивает, почему Маргарита называет его мастером, ему и в голову не приходит ответить «сурово и гордо». Напротив, он робко и растеряно извиняется за Маргариту перед Воландом. А на прямой вопрос Воланда, верит ли он в действительность происходящего, мастер отвечает не лучше, чем Иван, если бы тот оказался на его месте: «Приходится верить..., но, конечно, гораздо спокойнее было бы считать вас плодом галлюцинации». Разве после этого разговора можно серьезно утверждать, что именно мастер был тем, кому Воланд мог что-то продиктовать? У нас нет оснований сомневаться, что такая двойственность мастера, обусловленная игрой завершенности – незавершенности, входила в творческий замысел Булгакова, и ни в коем случае не является свидетельством художественного несовершенства романа. Это ключ к роману, никем из исследователей не замеченный.

Характер отношений Отелло и графа Серлона де Савиньи такой же: «Рассматривая красивую пару более пристально, вы убеждались, что женщина в ней была мускулом, а мужчина – нервом». Не случайно доктор Торти полагал, что «в их любовном дуэте мужскую партию исполняет она» («Счастливые благодаря преступлению»).

А знаете, почему Маргарита и мастер по-разному относятся к Воланду? Потому что Маргарита лучше, чем мастер, знает, кто такой Воланд. Увы, мастер – всего лишь жертва мистификации Булгакова, как и литературоведы, писавшие о романе. Не говоря уже о простых читателях.

И, наконец, вспомните, кто дорожит романом, несмотря на все испытания, а кто его возненавидел и при первой возможности попытался сжечь.

Мастеру навязана роль, которая ему не по силам, поэтому он озабочен только тем, чтобы спрятаться, скрыться, исчезнуть, освободиться от Маргариты. Современный человек, даже самый лучший, – не чинквечентист. Как сказал Блок, наше время таких людей не рождает.

В мастера Маргарита вообразила одного из своих возлюбленных рыцарей, а может быть, и единственного своего возлюбленного. Но сосуд оказался слишком хрупким, чтобы вместить многократно превосходящую его жизненную силу. Как у Блока, выполняющего для Булгакова ту же роль в поисках мистериального смысла, которую Вергилий выполнил для Данте: «Мое знание очень углубляется. Мое знание о

---

⁸ Даже мастером она его назвала, и другого имени у него нет, как не может быть другого имени у героев Сервантеса или Гоголя. И сам мастер в разговоре с Иваном другого имени не признаёт, а может быть, и не помнит, как не помнит имя своей бывшей жены.

тебе – с особенной силой. В прошлых столетиях я вспоминаю тебя» (письмо жене от 27 февраля 1908 года) [2, т. 8, с. 231].⁹

Важное уточнение: факт, что мастер – творение Маргариты, открывается лишь тому, кто способен прочесть роман Булгакова глазами человека XVI века. Ведь и блистательный граф де Бюсси целиком является творением королевы Марго: кто бы знал его как самого благородного человека своего столетия, если бы не ее мемуары, со страниц которых он пришел в лучший роман А. Дюма?

30.11.2017

Благодаря Барбе д’Оревилли, вернее, его герою доктору Торти, рассказывающему о графе Серлоне де Савиньи и Отеклер Стассен, мы можем лучше понять, почему и Булгакову понадобился контекст XVI столетия, чтобы рассказать о любви мастера и Маргариты: «В XVI веке, самом пылком и страстном в истории человечества, главной причиной влюбленности становилась опасность. Любовным объятиям придавал особую прелесть грозящий любовнику удар кинжала. Муж мог отравить любовника своей жены её помадой – поцелуем женщины, ради которой шли на все мыслимые и немыслимые глупости. Постоянная опасность не убивала любовь, она её дразнила, разжигала, делала непреодолимой».

– А ты действительно стала похожа на ведьму, – говорит мастер Маргарите. Прекрасной чертовкой (“cette belle diablesse [10, р. 209]”) доктор Торти называет Отеклер.

Булгаковская Маргарита – родная сестра «Тех, что от дьявола», как их определил XIX век, утративший способность к таким чувствам.

Тем более это не XX век, в трусливой любви которого не осталось ничего от поэзии. Вы можете представить себе бухгалтера Шурыгина («Рынок любви» Николая Никандрова) в ситуации, в которой некий роковой соперник угрожает ему кинжалом?

Когда Блок пишет:

*Ты всегда мечтала, что, сгорая,
Догорим мы вместе – ты и я,
Что дано, в объятиях умирая,
Увидать блаженные края... –*

это его рукой пишет XVI век.

06.12.2017

Те, что от дьявола, – всё это женщины, «достойные родиться в XVI веке» (Барбе д’Оревилли). Как графиня дю Трамбле де Стассвиль («Подоплека одной партии в вист»). Как Маргарита. Почему её жизнь была пуста? Потому что XX век – не XVI. Маргарита это исправила. В том числе придумала тень тени – невозможного для XX столетия мастера, который темой своего романа всех, кроме Маргариты, напугал, а Воланда рассмешил.

Мастер не из XVI века. Он экскурсовод по XVI веку. А Воланд и вся его свита оттуда.

Из какого столетия мастер? Это легкий вопрос. Когда Иван попросил его продолжить рассказ о романе, мастер отвечает: «Извольте-с». Словоерс здесь – не просто проявление утонченной вежливости, которую Иван Бездомный, разумеется, должным образом оценить не может, то есть, не просто обозначение бездонной пропасти, разделяющей Ивана и мастера, но также указание на XIX век русской

---

⁹ В этом абзаце я небольшой стилизацией поминаю профессора В.В. Федорова. В 2017 году это было шуткой, а теперь приобрело совсем другое значение. (03.03.2024).

литературы и, шире, культуры как актуальную временную границу, имеющую решающее значение для понимания мастера.¹⁰

Почему мастер так болезненно воспринимает новость, что его сосед по палате – поэт? Никакая другая профессия и близко не вызвала бы такой реакции. Потому что поэты по определению призваны быть хранителями огня, о существовании которого другие, лишённые высшего зрения и слуха, давно забыли. Но когда об этом забыли и те, кто называет себя поэтами, надеяться уже не на что.

14.12.2017

«В мире всегда есть странствующие рыцари. В наши дни они не ополчаются с копьем против несправедливостей, но исправляют нелепости насмешкой. Менильгранд относился к их числу» («Кошунственный обед»¹¹). К их числу относится и странствующий Воланд со своей бездомной свитой. Насмешка – последнее оружие странствующего рыцаря в XIX-XX веках, когда были окончательно упразднены все его традиционные атрибуты. «Отчаянное остроумие», как сказано в «Кошунственном обеде» о Менильгранде. И ещё: «едкая соль насмешки». Всё это, конечно, одновременно – амбивалентное отрицание сущности рыцарства: Дон Кихот никогда не шутит, а темно-фиолетовый рыцарь, бывший Коровьев, предстал перед Маргаритой, как мы помним, «с мрачнейшим, никогда не улыбающимся лицом».

Отсюда и рваньё Коровьева: странствующий рыцарь всегда беден.

К слову, автор чуть ранее говорит о «дьявольской крепости» натуры молодого Менильгранда, которому, тем не менее, как и Воланду в романе Булгакова, «перевалило за сорок». Эта «дьявольская крепость» позволила Менильгранду «поладить с огнем», родной ему стихией, то есть «вынести прижигания» во время болезни: контекст для мистификации Булгакова.

«Горячая, как лава, жижа обжигала руки, но Маргарита, не морщась, стараясь не причинять боли, втирала её в колено» Воланда. Огонь – единственное известное им лекарство. Оно же – кара.

Кстати, источник болезни у них тоже один – «излишества любви». Судя по всему, ведьма в Брокенских горах была в самом деле очаровательной. Как и многочисленные ведьмы, которых любил Менильгранд. Не менее очаровательны, чем Маргарита.

Гостей, собиравшихся в доме его отца по пятницам на «кошунственные обеды», он назвал однажды «готовым экипажем корсарского судна». Это не так уж далеко от кошунственных ужинов в доме Грибоедова, умелым распорядителем которых был «флибустьер».

«...Ровно в полдень Папа садится за стол и перед тем, как приняться за трапезу, посылает благословение всему христианскому миру. Святое благословение Папы неизмеримо смешило вольнодумцев. Издеваясь над ним, старый де Менильгранд (высокий и тонкий, заметьте. – А. Д.), услышав первый из двенадцати ударов колокола на городской колокольне, с вольтеровской ядовитой улыбкой, змеящейся трещиной по неподвижному лицу, непременно произносил тонким фальцетом:

---

¹⁰ У Барбе д'Оревилю о Наполеоне, точнее – об ударе судьбы, «который разбил вдребезги империю и низверг того, кого называли просто императором, словно вершина славы и величия обезличивает, лишая имени». По аналогии и обезличенного булгаковского героя можно считать олицетворением великой русской литературы XIX века – века мастеров в самом возвышенном и благородном смысле этого слова.

¹¹ Этому рассказу предпослан эпиграф – слова английского проповедника XVI века Уильяма Аллена: «Похоже, эти люди не знают, что существует Бог». Такой эпиграф вполне мог бы предшествовать первой главе романа Булгакова («Никогда не разговаривайте с неизвестными»).

– За стол, господа! Добрые христиане вроде нас с вами не могут остаться без папского благословения!»

Становится понятнее, почему у непрестанно «змеящегося», «высокого и тонкого» Коровьева непременно должен быть именно «треснутый» фальцет, прошу прощения, «тенор».

В буквальном переводе совпадение еще более явственное: старый богохульник «говорил в высшей степени высоким фальцетом, с вольтеровской улыбкой, которая раскалывала порой надвое его неподвижное, круглое лицо («immobile face lunaire» [10, р. 341])».

Каждый, кто внимательно читал роман Булгакова, непременно задумывался, зачем Коровьеву пенсне, которое ему явно не нужно?

В пенсне Коровьева, как мы помним, «одного стекла совсем не было, а другое треснуло». Не так уж нелепо предположение, что это круглое треснутое стекло – портрет старого Менильгранда, каким его описал Барбе д’Оревилли. В таком портрете ничего необычного нет – он целиком в духе времени. В «Истории одного посвящения» Марина Цветаева дает ироничный словесный портрет самой себя в детстве. Называется рисунок «Марина Цветаева за сочиненьями», а одна из важнейших его деталей – «лицо – луна».

Не удивительно, что обратный по сравнению с Воландом и его свитой путь Маргариты тоже отмечен треснутым стеклом: «Сделав несколько втираний, Маргарита глянула в зеркало и уронила коробочку прямо на стекло часов, от чего оно покрылось трещинами». Трещина на лице старого Менильгранда или на стекле часов и пенсне – знак проницаемости пространства и времени, когда любая граница оказывается искусственной. Поэтому и появляется в разговоре Воланда и Берлиоза Кант, которого Блок по той же причине назвал «страшным»¹².

Не забудем также про шутовской головной убор старого Менильгранда, восседавшего на обедах во главе «синедриона чертяк», да и его самого автор именует «старшим чертом в хлопчатобумажном колпаке» («се grand diable en bonnet de coton» [10, р. 338]). При этом никому из присутствующих не пришло бы в голову назвать его «гаером» («bouffon» [там же]). Не от этого ли колпака ведет свою родословную амбивалентная, торжественно-комическая, потому что засаленная, шапочка мастера с буквой «М»? Первая буква совпадает.

В таком случае старый Менильгранд, как в разбитом зеркале, по-разному отражается в разных булгаковских образах. Впрочем, одинаковое остается: мастер высок («черная длинная фигура»), как и Коровьев, и в этом они оба подобны старому Менильгранду. Не подменяет ли он в разных эпизодах на мгновение Коровьева и мастера, в гротескном варианте первого и в смягченном и облагороженном – второго?

20.12.2017

Но и молодой Менильгранд включен в эту игру.

Помните первое появление Коровьева в романе? «...Длинный, сквозь которого видно, гражданин, не касаясь земли, качался перед ним (Берлиозом. – А. Д.) и влево, и вправо».

Такое впечатление, что появлению Коровьева на Патриарших прудах непосредственно предшествовало его участие в обеде атеистов: «Менильгранд (речь идет о молодом Менильгранде. – А.Д.) уже не подпирает рукой щеку, он сидел, гордо откинув голову назад. И по мере того, как говорил о своей готовности поклониться,

¹² «Страшный Кант ставит пределы познанию» (Дневник, 27 марта 1919) [2, т. 7, с. 357].

словно бы рос на глазах; подобно коринфской невесте Гёте, Менильгранд, не вставая со стула, стал ростом до потолка».

30.12.2017

Влияние цветовой символики Барбе д'Оревилли на русскую литературу ещё только предстоит изучить, Булгаковым она, конечно, не ограничивается.

Первый сборник Ант. Ладинского называется «Черное и голубое» (1930). Вот последняя строфа первого стихотворения сборника:

*Всё кружится, и мы не знаем сами –
Привыкнуть надо к высоте жилья –
Не черные ли небеса над нами,
Не голубая ли земля?*

Распределение голубого и черного цветов между Богом и дьяволом у Барбе д'Оревилли не абсолютно, есть исключения, и касаются они тех, кто принадлежит XVI веку больше, чем XIX-му: исключительных личностей ренессансного масштаба. У Отеклер, напомним, длинные завитые локоны «иссиня-черного» цвета («d'un noir bleu»). И когда мы в истории «Подоплека одной партии в вист» видим томную, охваченную благостной ленью мадемуазель Лауру д'Альзан, распрямляющую иссиня-черный локон («une de ses longues anglaises d'un beau noir bleu» [10, p. 275]), о которой мы больше ничего не узнаем, нам ничего больше знать и не нужно. Её томность и лень не введут нас в заблуждение: мы понимаем, что это одно из перевоплощений Отеклер с той же неукротимой силой страсти.

Казалось бы, к той же категории лиц принадлежит некая «мадам Генрих III» («une Mme Henri III»; рассказ «Месть женщины»), которая, подражая упомянутому монарху – единственному, как полагают, подлинно ренессансному французскому королю, – носила «темно-синее» платье из бархата (velours) и, в качестве пояса на нем, четки в виде маленьких золотых черепов. Но в переводе мы опять видим неудачную попытку отредактировать автора: в оригинале платье упомянутой дамы *не темно-синее*, а просто *синее* (bleu) [10, p. 407]. Ошибка, очевидно, объясняется тем, что переводчики не уловили авторской иронии в сообщении о Mme Henri III, восприняв ее всерьез. Между тем, ирония особенно явственно проявляется в слове «velours», входящим в целый ряд французских идиоматических выражений, обозначающих что-либо, делаемое легко, без риска: sur le velours (как по маслу) jouer sur le velours (играть на выигранные деньги) etc. Речь, стало быть, идет о даме, которая не ставит свою судьбу на карту, как те, что из XVI столетия, а только играет принятую роль, ничем не рискуя. Отсюда ирония.

По отношению к тем, на кого распространяется иссиня-черный колорит, никакой иронии быть не может. Там даже velours не такой, и если счастье, то полное, а не поддельное; если смерть, то величественно-трагическая и подлинная, а не вообразаемая.

У мужчин, когда речь идет о колорите и одежде, дело обстоит несколько иначе: Коровьев нас научил, что здесь нужно особое внимание обратить на панталоны, то есть на брюки. У него они не только клетчатые, но также узкие и короткие. Это не что иное, как описание мужских брюк, которые у французов называются «corsaire». Этим же словом обозначается женский костюм, состоящий из узких коротких брюк и жилета или курточки. Так что Коровьев для полноты комического эффекта наряжен у Булгакова в женский костюм, а неназванный, но подразумеваемый «корсар» не только предшествует, но также предсказывает будущего флибустьера с адскими танцами в его заведении.

Если быть более точным, клетчатое рваньё Коровьева – не столько женский костюм «corsaire», сколько имитация этого костюма: его «брючки» не короткие, а подтянуты настолько, чтобы казаться короткими. По будущей моде.

Скажут: слова «corsaire» в таком значении Булгаков не мог знать. Ну, и что? Булгакову такое значение слова было неизвестно, зато оно, без всякого сомнения, было известно Коровьеву: «подумаешь, бином Ньютона» – предвидеть до малейших деталей, в каких узких и коротких брюках в модную клетку Брижит Бардо, прогулявшись в 1959 году, ровно через тридцать лет, по Сен-Тропе, сведет с ума всех мужчин не только по обе стороны Атлантики, но и по обе стороны Тихого океана. Мы же ещё по представлению в Варьете знаем, что мода, в том числе и женская, – слабость Коровьева, бывшего щеголя высшего тона, если вспомнить его родное столетие, о котором он упоминает в разговоре с Маргаритой.

Здесь можно с полным основанием повторить то, что было когда-то сказано о Шекспире: сам Булгаков не знал того Булгакова, которого знаем мы.

Это пример гениальности творческого воображения писателя, чьи образы предугадывают и вбирают в себя то, что привносит в нашу жизнь быстротекущее время.

Важны детали и в описании молодого Менильгранда – одного из немногих мужчин в историях Барбе д’Оревилли, достойных стать вровень с его героинями. На обед атеистов он приходит в черном жилете и в «прюнелевых панталонах с отблеском скабиозы (un pantalon de prunelle à reflets scabieuse [10, p. 339])». Цветки скабиозы могут быть разного цвета: голубые, фиолетовые, розовые и даже белые. Каким же был отблеск? На него указывает цвет жилета, а также материал панталон – прюнель. Prunelle – по-французски не только ткань, но также терновая ягода; prune – слива, темно-фиолетовый, сливовый цвет. Темно-фиолетовый – он же иссиня-черный. Панталоны у молодого Менильгранд черные с фиолетовым отливом, а не клоунские лиловые, как дано в русском переводе. Prune – это цвет, которым у Барбе д’Оревилли обозначены все, кто родом и духом принадлежит XVI веку. Коровьев-Фагот, становясь темно-фиолетовым рыцарем, а иным он и не мог стать, возвращается к самому себе и к тем, кто равен ему.

31.12.2017

Аббат Невер (abbé Reniant – un nom fatidique!¹³ [10, p. 345]), один из участников обеда атеистов, сообщает сотрапезникам, где некая Жозефина Тессон прятала доверенную ей священниками дарохранительницу: «...Entre ses tetons!»

«– Тысяча бомб! – воскликнул с восхищением Рансонне.

– Не тысяча, а всего только две, господин Рансонне, но очень большого калибра, – смеясь собственному каламбуру (en riant de son calembour [10, p. 349]), ответил старый греховодник».

Каламбур – опознавательный знак французского остроумия. Поэтому и происхождение неудачного каламбура темно-фиолетового рыцаря следует искать во французской литературе. Не в истории, потому что мастер – писатель, а если он «историк», то исключительно в том смысле, в каком историком является Барбе д’Оревилли – автор «историй», продиктованных ему дьяволом (или якобы продиктованных, кто там разберет?).

Где именно? О, там, где никто никогда даже не предполагал искать.

06.03.2024

Никто этого не замечает: мастер не говорит Маргарите, что она ведьма. Он говорит, что она *стала похожа на ведьму*. Что значит: вошла в роль настолько, что веришь беспрекословно: «...Я ведьма и очень этим довольна!». Не каждый поймет, что

¹³ «...Какая подходящая фамилия!» Reniant – от renier (отвергать, отрицать). Фамилия подходящая, но перевод отнюдь не таков, поскольку бывший аббат оказывается в неуместном контексте с благородным герцогом де Невером («Горбун» Поля Феваля). Так что лучше бы оставить эту фамилию без перевода.

здесь нет никакого кощунства. Чувство Маргариты сродни удовлетворенности художника, когда он создает эстетически совершенный образ, даже когда этот образ очень далек от нравственного совершенства. Разграничив эйдосный и персоналистский теоретико-литературные дискурсы, мы научились не смешивать эстетическое и нравственно-этическое [см.: 4, с. 10–25].

Та же история и с Воландом: на его вопрос мастер не отвечает, что он – сатана. Мастер говорит: «Приходится верить...». Ответ мастера, если вспомнить К.С. Станиславского с его сакраментальной для театрального искусства фразой, следует понимать так: «Игра убедительна».

Но ведь нас интересует не сходство тех или других внешних проявлений, а сущность. Что ж, скажем несколько слов о сущности:

05.01.2024

Не шалю, никого не трогаю, починяю примус.

Бегемот

Несколько лет тому назад энтузиасты или, может быть, деловые люди, желающие учредить еще одну востребованную экскурсионную точку в столице, решили поставить на Патриарших прудах памятник героям романа «Мастер и Маргарита». С этой, казалось бы, безобидной идеей категорически не согласились жильцы ближайших домов, причем наибольшее их негодование вызвало присутствие в проекте примуса: именно в нем для упомянутых москвичей главным образом сосредоточились все зло и вся опасность предполагаемого памятника. Этот бунт против нового культурного объекта был совершенно бессмысленным. Вызван он был катастрофическим непониманием упомянутого романа и свидетельствовал лишь о том, что изображение в нем москвичей было верным не только во времена Булгакова, но нисколько не устарело и в наши дни.

Примус является важным предметом буффонадной части булгаковского произведения. Но один из основных законов мистериально-буффонадного романа, каковым является роман «Мастер и Маргарита», гласит: любая буффонадная деталь отражается в преображенном виде в мистериальной его части, при этом самое презренное и низкое становится самым значимым и высоким. Так происходит и с примусом, как только он из буффонадного пространства переходит в пространство мистерии. Что на самом деле «починяет» Бегемот, а если говорить шире, что в Москве 1929 года стремятся «починить» Воланд и его свита?

Сразу после слов, приведенных выше в качестве эпиграфа, Бегемот говорит: «...И еще считаю долгом предупредить, что кот древнее и неприкосновенное животное». Эти слова сразу переводят нас в пространство мистерии, в котором «primus» – не только «первый», но также «начальный, образующий начало, важнейший, высший», но одновременно: «свежий, молодой», то есть всегда наполненный не скудеющей силой и волей к «восхождению».

В словах Бегемота, стало быть, шутовской маской прикрыто то, о чем говорят исполненные трагизма слова Гамлета: «*The time is out of joint. O cursed spite / That ever I was born to set it right!*» («Век расшатался, – и скверней всего, / Что я рожден восстановить его!» Пер. М.Л. Лозинского)¹⁴

Вышли из сустава самые первоосновы духовного существования человека, и их нужно вправить заново, чтобы восстановить строй жизни, соответствующий человеческому статусу и достоинству. Вот кто такие Воланд и его свита, и вот в каком контексте их нужно воспринимать, чтобы, наконец, начать понимать этот роман более-

¹⁴ В переводе М.М. Морозова: «Век вывихнут... О, проклятое несчастье, что я родился на свет, чтобы вправить его!» [7, с. 38].

менее адекватно. Но все по инерции продолжают писать о «Евангелии от Сатаны», как будто в этом выражении есть хоть какой-то смысл. При этом инфернальное начало в романе, конечно, наличествует, но его постоянно «находят» не там, где нужно. Многие на этом основании призывают исключить роман из школьной программы.

Суеверия, суеверия...

Как удивились бы эти критики, если бы узнали, что в «Божественной комедии», например, не просто присутствует демонизм, но есть «стих-родоначальник всего европейского демонизма» [6, с. 222]. Кто на этом основании посмеет утверждать, что в ней есть – хотя бы как возможность – «Евангелие от Сатаны»?

Не исключить ли заодно и «Божественную комедию» из всех программ?

Вполне допускаю, что от изучения булгаковского романа в школе действительно нужно отказаться, но исходя из других соображений: по причине его сложности не только для учеников и студентов, но также для школьных учителей и преподавателей вузов.

Необходимо выбирать что-то одно: либо исключить роман Булгакова из всех учебных программ, либо радикально повысить качество преподавания литературы, довести его до такого уровня, когда изучение романа станет возможным. Первое, разумеется, легче, но это вовсе не значит, что оно – лучше. Впрочем, боюсь, второе случится не скоро, потому что в наше время даже далеко не все преподаватели университетов понимают, что их задача – не работать по методике репетиторов, готовящих учеников к сдаче ЕГЭ, а научить студентов мыслить самостоятельно.

Роман Булгакова говорит, что произошла катастрофическая для человеческого существования подмена первооснов жизни, и пока эта подмена не будет опознана, все надежды человечества на достойную жизнь останутся пустыми иллюзиями. Галлюцинациями.

Идея этой последней заметки в готовом виде родилась в моем сознании после прочтения следующего фрагмента из книги Э.Р. Курциуса: «Шестеро поэтов (включая Стация) объединяются в некое идеальное сообщество: «славную школу» (la bella scuola) со вневременным авторитетом, каждый из членов которой равен остальным. Гомер – только *primus inter pares* [первый среди равных]» [5, с. 94].

Так что же в итоге получается? Москвичи из окрестных домов, восставшие против примуса, были правы? Ведь вроде бы выходит, что они протестовали против недолжного основоположения, обуславливающего содержание нашей жизни.

Нет, они были не правы. Им и в голову не приходило подумать о каких-то там «основоположениях». Они полагали, что из-за этого соседства в их домах начнутся пожары.

Это суеверие.

А за суеверие Азazelло может и руку отрезать.

06.03.2024

И, если позволите, последний совет: чтобы понять роман «Мастер и Маргарита», нужно включиться в игру, которую затеял автор. А если вы играть не можете, обходите этот роман стороной.

Два варианта ответа на одну и ту же ситуацию, в которой оказалась страна: Бахтин ответил теорией диалога, Булгаков – игрой. При этом цель у них одна – «тайная свобода» мыслителя и художника, о которой писал Пушкин, а позднее – в ситуации, аналогичной той, которая воссоздана в романе, – Блок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барбе д'Ореви́льи Ж. Те, что от дьявола. Имени нет. Избранные произведения / Ж. Барбе д'Ореви́льи / Пер. с фр. М. и Е. Кожевниковых. – М.: Энигма, 2006. – 624 с. [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: https://booksafe.net/book/barbe_d_orevili_zhyul_amede-te_chno_ot_dyavola-243493.html (дата обращения: 23.03.2024)

2. Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. / А.А. Блок. – М.; Л.: ГИХЛ, 1960–1965.
3. Булгаков М.А. «Мой бедный, бедный мастер...»: Полн. собр. редакций и вариантов романа «Мастер и Маргарита» / М.А. Булгаков. – М.: Вагриус, 2006. – 1006 с.
4. Домащенко А.В. Об интерпретации и толковании / А.В. Домащенко. – Донецк: ДонНУ, 2007. – 277 с.
5. Курциус Э.Р. Европейская литература и латинское Средневековье. Т. 1 / Э.Р. Курциус / Пер. с нем., коммент. Д.С. Колчигина. – 2-е изд. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. – 560 с.
6. Мандельштам О.Э. Разговор о Данте. Соч.: в 2 т. Т. 2 / О.Э. Мандельштам. – М.: Худож. лит., 1990. – С. 214–254.
7. Морозов М.М. «Гамлет»: перевод, комментарии, статьи / М.М. Морозов. – М.: Лабиринт, 2009. – 288 с.
8. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства / Пер. С.Л. Воробьева // Эстетика. Философия культуры / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Искусство, 1991. – С. 218–260.
9. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер Время и бытие; Пер. В.В. Бибихина. – М.: Республика, 1993. – С. 192–220.
10. Barbey d'Aureville J. Les diaboliques : Les six premières / J. Barbey d'Aureville. – Paris : Lemerre, 1874. – 469 p.

Из моих книг «Ars Poetica», кн. 2 и «Заметки о книге Э.Р. Курциуса “Европейская литература и латинское Средневековье”» (в работе)

Поступила в редакцию 02.04.2024 г.

FROM NOTES ABOUT FRENCH CONTEXT OF NOVEL “THE MASTER AND MARGARITA” BY M.A. BULGAKOV: BARBEY d’AUREVILLE

A.V. Domashchenko

The article deals with the book of Barbey d'Aureville “The Devilish”, viewed as a context relevant for adequate understanding of the novel “The Master and Margarita” by M.A. Bulgakov. In both cases, we deal with a bizarre play of darkness and light, in which the unlucky reader, accustomed to taking everything literally, will certainly get confused. When the book by the French writer and the novel are compared, a special attention is paid to issues of poetics, as it is understood within the boundaries of eidōs theoretical discourse. Among the issues touched upon are the principles of creating an image, pictorial details that indicate the dominant image and open up the semantic perspective of the works in question, color scheme, etc. A special attention is paid to the genre nature of Bulgakov's novel. The author of the article defines it as a mystery-buffoonery novel. The artistic originality of Barbey d'Aureville's book is also accounted for by the mysterious-buffoonish beginning.

Key words: Mikhail Bulgakov, Barbey d'Aureville, master, Margarita, Woland, pictorial imagery, colour, eidōs discourse, mystery, buffoonery, poetics.

Домащенко Александр Владимирович.
Доктор филологических наук, профессор.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», Российская Федерация, г. Донецк.
Профессор кафедры истории русской литературы и теории словесности.
ORCID 0000-0003-0616-7322
E-mail: a.domashchenko@bk.ru

Domashchenko Aleksandr Vladimirovich.
Doctor of Philology, Professor.
Donetsk State University, Russian Federation, Donetsk
Professor at Department of History of Russian Literature and Theory of Literature.
ORCID 0000-0003-0616-7322
E-mail: a.domashchenko@bk.ru

Научная статья

УДК 82-09

DOI: 10.5281/zenodo.10978632

**СВОЕОБРАЗИЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ЖАНРА:
ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ В.И. ГУСЕВА
«ГОД НЕСПЕШНЫЙ. 2013–2014. САДЫ – ГОРОД»**

© 2024 А.А. Кудряшова

ГАОУ ДПО «Московский центр качества образования»

ORCID 0009-0005-9246-691X

В статье впервые исследуется индивидуальный стиль В.И. Гусева, писателя и теоретика литературы второй половины XX – начала XXI века. Стилизовое своеобразие автобиографического жанра рассматривается на материале заключительного литературного дневника писателя «Год неспешный. 2013–2014. Сады – город». Особое внимание сосредоточено на индивидуальном стиле, авторской интонации, повествовательной структуре романа-дневника, ключевых мотивах и изобразительно-выразительных приемах позднего Гусева. Свообразие индивидуального стиля в автобиографическом методе сопоставляет доминанту лиризма и отступления в прозе в повествовательной структуре, создавая целостность «картины мира» писателя. Ассоциативные связи, подобные организации музыкального произведения, не только позволяют увидеть ключевые мотивы и образы в поэзии и прозе, но и раскрывают ценностную систему координат строя души поэта. Ключевые идеи, мотивы и образы находят особое воплощение в приемах словесной живописи. Многочисленные аллюзии и реминисценции выявляют диалог современного автора с русской классической литературой.

Ключевые слова: индивидуальный стиль, авторская интонация, автобиографический жанр, литературный дневник, роман-дневник, лубок, уличная зарисовка, пейзаж, портрет, натюрморт.

Для цитирования: Кудряшова А.А. Свообразие автобиографического жанра: индивидуальный стиль В.И. Гусева «Год неспешный. 2013–2014. Сады – город»/ А.А. Кудряшова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 1. – С. 16–26. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.10978632>, <https://zenodo.org/records/10978632>.

Введение. Масштаб писательского таланта В.И. Гусева общепризнан не только в России, но и за рубежом. Феномен его таланта заключается в соположении творческого дара писателя и поэта и литературного критика, теоретика литературы, продолжающего академические традиции отечественного литературоведения. «Академический романтик» – так именовали Гусева его друзья и коллеги.

Проблема изучения стилизованных особенностей литературного дневника с точки зрения эволюции жанра **актуальна** для современного литературоведения и **впервые предпринята** в данной статье. Обратим внимание, что литературный дневник («Дневник – 91» [1]; «Дневник – 92» [2]; «Дневник – 93» [3]; «Год как день. Дневник метрический (1996)» [4]; «97. Конец эпохи» [5]) является излюбленным жанром писателя, именно он позволял ему осмысливать исторические события и духовное состояние общества и отдельной личности. Авторское понимание автобиографического жанра раскрывается в предисловии к «Дневнику – 92»: «Это не дневник-хроника, а скорее дневник души, хотя и хроника присутствует; это не дневник в собственном смысле, хотя все записи подлинны, а некое произведение, в котором отсутствует сугубо личное и присутствует личное – общезначимое на взгляд автора» [2, с. 3]. (Подробнее о теоретических основах жанра в русской автобиографической прозе нами рассмотрено ранее [см. 9, 10]).

В понимании индивидуального стиля мы опираемся на академическую традицию отечественного литературоведения. П.Н. Сакулин считал, что «всякий большой стиль <...> есть формальное выражение определенного мировоззрения, которое понимается не в узком смысле, а в широко философском как поэтическая концепция жизни и мира» [14, с. 141]. Его трактовку развивает Ю.И. Минералов: «Личный стиль воплощает особый ход мысли, присущий данному автору, особый ход художественных ассоциаций, ему присущий [11, с. 20]. В.И. Гусев под категорией стиля понимает идею «стыка содержания и формы, воплощаемого и воплощенного, духовного и выразительного» [7, с. 3]. Под авторской интонацией мы понимаем жанровое своеобразие автобиографического повествования, лироэпический синтез, который раскрывает, с одной стороны, прозаизацию лирики, с другой, четкость и афористичность отступлений в прозе, где диалектика мысли приобретает универсальный характер обобщения. Гусев под *авторской интонацией* понимал «нечто еще более неуловимое, чем сам живой ритм. Именно в нем вся суть <...> это, так сказать, неуловимое в неуловимом, это тот первичный «стык» внешнего и внутреннего, от которого все происходит и в самом ритме, который все время явственно ощущаем, но как целостность невычленим. <...> Итак, интонация объемна, генерально целостна не сама по себе; просто *за ней* (курсив автора) с очевидностью стоит весь объем искусства, а за ним весь объем духа» [8, с. 88]. Особое внимание в статье уделяется художественному содержанию.

Научная новизна статьи заключается в стилевом анализе автобиографического жанра романа-дневника В.И. Гусева «Год неспешный. 2013–2014. Сады – город» [6]. Выявление стилевых черт на уровне жанрообразования и повествовательной структуры, лироэпического синтеза, а также синтеза различных средств художественной выразительности определяет научную новизну данной статьи.

Филологическое исследование авторской интонации и стилевых доминант романа-дневника определяет также и методическую ценность статьи, материалы которой могут быть использованы для разработки курса по новейшей литературе.

Целью статьи является исследование автобиографического стиля романа-дневника В.И. Гусева «Год неспешный. 2013–2014. Сады – город».

Основная часть. Автобиографическая проза «Год неспешный. 2013–2014. Сады – город» — явная отсылка к жанру художественного дневника («роман-дневник в лирических стихотворениях и отступлениях в прозе»). Не останавливаясь подробно на истории жанра литературного дневника, упомянем наиболее значительные этапы его развития, например, трансформацию жанра к XVIII в. от эпистолы к запискам («Из записок А.Т. Болотова, написанных самим им для своих потомков», «Записки Андрея Тимофеевича Болотова» (1789–1816), «Записки» княгини Е.Р. Дашковой (1805), «Своеручные записки» княгини Н.Б. Долгорукой (1767), автобиографические записки Гавриила Романовича Державина (1743–1812) и др.). Ко второй половине XIX в. литературный дневник ярко представлен в творчестве двух писателей – Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. Так, для Л.Н. Толстого ведение дневника носило глубоко личный характер: известно, что писатель начал вести его 18-летним студентом и вел всю жизнь. В «Дневнике Писателя» Ф.М. Достоевского (1876–1877, 1880–1881) собственно автобиографическое реализуется как ежемесячный журнал, дневник общественной жизни, пропущенный через личное писательское восприятие. Первая половина XX в. ознаменовалось появлением уникального произведения «Уединенное» В.В. Розанова (1912), в котором лирико-философское осмысление себя и жизненного процесса приобретает нарочитую недосказанность и ассоциативность. Во второй половине

XX века жанр литературного дневника встречается в прозе В.А. Солоухина «Камешки на ладони» (1982), лирических миниатюрах «Затеси» В.П. Астафьева (ведение тетрадей он начал в 1960-е годы и писал их до конца жизни; всего написано 7 тетрадей).

Несомненно, В.И. Гусев наследует традицию жанра литературного дневника: название «Год неспешный. 2013–2014. Сады – город» фактографически, как и его прежние дневники, фиксирует год 2013–2014. Особенностью художественного дневника В.И. Гусева является повествовательная организация текста. Такая организация сближает его стиль с «Уединенным» В.В. Розанова: «Шумит ветер в полночь и несет листья... Так и жизнь в быстротечном времени срывает с души нашей восклицания, вздохи, полумысли, почувства... Которые, будучи звуковыми обрывками, имеют ту значительность, что «сошли» прямо с души, без переработки, без цели, без преднамеренья, – без всего постороннего...» [12]. В статье «Неоконченная «партитура» Розанова» С.Р. Федякин пишет: «Повествование движется не по законам логики (если «а», то «б»; или тезис – антитезис – синтез»), но по закону удивления: забрезжило что-то неожиданное, и мысль побежала в новом для себя направлении» [16]. Интересны и его размышления о целостной структуре содержания и формы «Уединенного», в котором также угадывается стиль В.И. Гусева: «Чем разнообразнее части единого целого, чем они на первый взгляд – не сходней, тем мощнее проявление этого единого в мироздании. Когда за разнообразием частей уже не видно этого единого, когда оно лишь чувствуется, тогда розановские «полумысли – почувства» превращаются в лейтмотивы, в темы, в такты большой партитуры» [16]. Именно в мелочах, в деталях лучше ощущается целое.

Обратим внимание и на другую характерную особенность: авторское определение жанра книги «Год неспешный. 2013–2014. Сады – город» изначально обозначено как «роман-дневник в лирических стихотворениях и отступлениях в прозе». Таким образом, автор акцентирует внимание на романном, эпическом начале с присущим романной форме изображением человека в сложных формах исторического процесса, с многолинейностью сюжета, охватывающего судьбы ряда действующих лиц. С другой стороны, жанр дневника определяет доминанту исповедального и лирико-философского начала в осмыслении жизненного потока событий. Особый контраст «романа-дневника» реализуется и на уровне сюжета: ожидаемая эпически развернутая форма повествования с причинно-следственной последовательностью событий реализуется в отдельных стихотворениях и прозаических заметках о событиях жизни героя, его чувствах и мыслях. Обратим внимание и на комментарий автора: «Это не дневник, а Дневник души // Повторы предусмотрены», который подтверждает доминанту лирического начала, а значит и ассоциативность в организации повествования. Мысль С.Р. Федякина о музыкальности повествовательной структуры в «Уединенном» находит воплощение и в автобиографическом стиле В.И. Гусева. Такая чувственная доминанта отличала и раннее творчество Гусева. В 1969 году Юрий Трифонов писал, «Проза <...> похожа на стихи, в ней скрыт ритм. Но ведь ритм есть и в дожде, правда? И в крови, бьющейся в жилах. Слишком много однообразно крикливой, шумной, пёстрой и расчётливой прозы, профессиональной прозы, где рассказывается о каких-то делах и событиях, и так мало вот такой, естественной, монотонной, ибо душа монотонна, а эта проза – о душе» [15].

Интересен и смысл второй части определения автобиографического жанра: лирические стихотворения и отступления в прозе. Лироэпический синтез акцентирует внимание на доминанте личностного начала, как говорилось выше, то есть развертывание повествования подчинено лирическому сюжету с ассоциативными

связями и образом автора, который высказывает свои мысли, сообщает о своих чувствах, разъясняя и дополняя своё повествование. Так, пушкинская и гоголевская традиция лирических отступлений реализуется у В.И. Гусева как нарочитая игра «наоборот» – отступления в прозе. Не лирические отступления, а прозаические комментарии отражают авторскую оценку переживаемых событий, становятся философским принципом и моралью. Несомненно, их краткость и афористичность сближаются с жанром максимы (от лат. *propositio maxima* – высший принцип), так дневниковая субъективность обобщается до универсальности жизненного правила. Таким образом, лирические стихотворения и отступления в прозе организуют целостность автобиографического повествования.

Итак, обратимся к художественной практике. В начало повествования вынесено короткое трехстишие.

*Белый жасмин
Горд, сукин сын,
Будто он в мире один [6, с. 3].*

Начало повествования как сильная позиция в структуре текста – явная отсылка к хайку. Традиционно гармония внутренней формы хайку заключается в лаконичной и емкой форме запечатления момента бытия. Обратим внимание и на интересный нюанс: в классическом хайку центральное место занимает природный образ, который явно или неявно может быть соотнесен с временем года. Для этого в качестве обязательного элемента используется киго – «сезонное слово». Природный образ белого жасмина ассоциативно соотносится с весной, временем цветения и становится аллюзией хронотопа рождения писателя – 18 мая. Итак, в начале повествования представлен ключевой образ, т.н. «словесная живопись» – изображение – «белый жасмин» как отождествление и своеобразный портрет автора. Вторая и третья строки уже характеризуют образ лирического героя: гордость и одиночество с одной стороны, атлант, сила и стать, возложение на себя ответственности с другой. Упоминание «сукин сын» есть не только пушкинская аллюзия, но и гордость принадлежности, возможность прочтения себя в ряду, пусть и ассоциативном, с Пушкиным. Любопытно, что мотив одиночества, завершающий лирический сюжет, читается многозначно. Призрачность одиночества подчеркивается словом «будто», однако эпитет «белый» не только раскрывает образ лирического героя, но и ассоциативно может стать отсылкой к идиоме белой вороны, метафорично создающей образ, отличный от других своим поведением или системой ценностей. Так, композиционно лирический сюжет закольцовывается и становится лейтмотивом, эпиграфом – «свернутым сюжетом» к роману-дневнику.

Сады, вечер

*Назавтра будни, а сегодня
Ты выкинь все из головы.
Побудь ты втайне посвободней
Хотя б отдельно от Москвы.*

*На этот миг, кажись, упала
Свобода от «крутых» забот.*

*Скажи судьбе, спасибо, малый,
Не изводи в гримасах рот.*

*Свобода, вещая свобода,
И солнце, небо и листва.
Продлится ли это?..
Но Природа
Поет: как хошь, а я права. [6, с. 3]*

Стихотворение «Сады, вечер» ярко обозначает ключевую *антитезу*: будни–заботы–Москва–повседневность и свобода–Природа. Время («на этот миг») освобождения от «крутых» забот подчеркивает призрачность этих забот, их сиюминутность. Эпитет «вещая» звучит как «предвидящий будущее, пророческий» [13], создает образ свободы в ее неразрывной связи с Природой («И солнце, небо и листва»), что воплощается в пейзажной зарисовке. Обратим внимание, что пейзаж не детализирован – «солнце, небо и листва», он масштабно воплощает универсальные стихии, выполняя важную эстетическую нагрузку. Он есть выражение идеи прекрасного: целостный и гармоничный образ Вселенной, где Природа (с заглавной буквы) всегда права. Характерно, что пейзаж воплощает и фетовское мгновение в статике («на этот миг»), и динамическое начало, подчеркнутое риторическим вопросом: «Продлится ли это?..». Вечный вопрос и незавершенность философского размышления лирического героя обозначены многоточием... Ассоциативно прочитывается тютчевское «Продлись, продлись, очарованье», что раскрывает семантическую связь с названием стихотворения «Сады, вечер». Запечатление мгновения красоты и гармонии Природы в стихотворении В.И. Гусева оказывается созвучно стихотворению Ф.И. Тютчева «Последняя любовь», в котором образ вечернего времени как заката жизни усиливается заклинательной формой: «Помедли, помедли, вечерний день». Любопытно, что завершается лирический сюжет утверждением истины: Песнь Природы – «поет: как хошь, а я права» – ассоциативно связана с лубочной картинкой (лубок – картинка с подписью, или без. — Прим. автора), в которой лаконизм и емкость изображаемых образов сочетается с их нарочитой простотой, усиленной здесь просторечием «как хошь» (в нем-то и угадывается фольклорное «хошь не хошь»), то есть, вне зависимости от желания истина принадлежит Природе. Так, завершающая строфа в незатейливой форме лубка утверждает абсолютную истину, в которой песнь и Природа не только образуют фольклорно-поэтическую связь, но и раскрывают философию и ценность жизни поэта.

Любопытно, что стихотворение «Сады, вечер» указывает на неразрывную связь свободы (пророчества и истины) и Природы, а «отступление в прозе» «Все желают иметь права, никто не желает иметь обязанности» [6, с. 3] обозначает свободу для человека, которая связана с границами и вписывается в философское понимание свободы человека как его ответственности.

В Москве

*...Да, вход в метро: толпа
Толпа у эскалатора.
Раздавят, как клопа,
Философа, оратора.*

*У дома ж тут – скворец!
В садах скворцов не видно.
Смеешься ль ты, Отец.
Хоть это не обидно... [6, с. 5]*

В стихотворении «В Москве» тема сопоставления сады–город продолжает свое развитие. Лирический сюжет начинается с уличной зарисовки: образа города и человека в нем, которая метафорично воплощается в толпе. Не случайно образ толпы повторяется, им завершается первая строка и начинается вторая, что создает закольцованное пространство, своеобразную метафору движущейся лестницы и ритма жизни города, где человек чувствует себя клопом. Если в первой строфе создается символический портрет толпы и состояния человека в метро, то вторая строфа – ненарочитая антитеза: «У дома ж тут – скворец!». Частица *не* отсутствует, но в частице *ж* прочитывается сравнение Дома, скворца с толпой и метро как олицетворения Москвы, причем философская вертикаль Небесное–земное усилена символикой подземного (образ птицы и метро).

Пространство «В садах» – это явная отсылка к названию книги «Сады», в которой угадывается благословение Дома, где человек чувствует себя не клопом, но ребенком, дитя, у которого есть Отец. Божественное начало – Отец, дарующий радость, не насмешку, от которой не может быть обидно... Так завершается лирический сюжет. Казалось бы, многоточие в финале и в начале стихотворения пунктуационно закольцовывает сюжет, но семантически обозначает разные вещи: образ человека в толпе противопоставляется образу человека как божественного творения. Таким образом стихотворение «В Москве» метафорически развертывает сюжет названия романа-дневника «Сады – город».

***

*Коль всё и вся против любви
И сам предмет тебе не в помощь –
Оставь ты замыслы свои
И погляди на фрукт и овощ.
Вот фрукт военный лебеда,
Вот виноград, хорош И зелен,
Вот таз, черешнею устелен,
Картоха, видишь, молода,
И огурец: он мил – всегда...
Ну, я понятно говорю?
Горел, горел – и не горю... [6, с. 5]*

Философская зарисовка «Коль всё и вся против любви» о смысле жизни и её истинных ценностях воплощается в натюрморте. Образы «фрукта» и «овоща» в словесной картине символически воплощают незыблемые ценности жизни. Анафора указательной частицы «вот» нарочито акцентирует внимание на этих незамысловатых ценностях. Особая семантика воплощается в образе лебеды, которая ассоциативно (через эпитет «военный») становится отсылкой к историческому времени. Любопытна и крыловская аллюзия «виноград, хорош и зелен», которая, возможно, ассоциативно

обесценивает предмет вожделений. Создаваемый автором натюрморт о прекрасном в простоте и безыскусности завершается признанием лирического героя: «горел, горел – и не горю...» Так, любовное чувство буквально «перегорает» и перетекает в философские размышления.

***

*Любимой женщины звонок,
Он побеждает все удушья:
Как ветра свежего глоток,
Врачует плоть, врачует душу:
Я успокоен, я ленив
Той удивительно ленью
Что полагает: я счастлив...
«Продлись»
Продлиться ли мгновенье. ... [6, с. 6]*

Мотив любви определяет начало лирического сюжета: «Любимой женщины звонок <...> побеждает все удушья». Повтор глагола «врачует» в настоящем времени создает целостную картину исцеления лирического героя, его телесного и духовного здоровья. Причастия *успокоен–ленив–счастлив* подчеркивают метаморфозу в состоянии лирического героя, которая завершается и усиливается неполной цитатой «продлись». Здесь очевидна отсылка к стихотворению Ф.И. Тютчева «Последняя любовь», которая создает глубокий ассоциативный контекст, чувственно-эмоциональное наполнение («нежней мы любим и суеверней») и молитвенное состояние, а повторы глаголов в повелительном наклонении усиливают заклинательный строй стихотворения: «Сияй, сияй прощальный свет», «Помедли, помедли, вечерний день, // Продлись, продлись, очарованье». И в финале возникает пушкинская аллюзия «чудного мгновения», которая, несмотря на вопросительную форму, оканчивается точкой.

***

Порода талантливых дилетантов [6, с. 5].

В прозаическом отступлении прочитывается современная трагедия. Философский спор Платона и Аристотеля о природе таланта, не только первообраз в его осмыслении как великой ответственности или искушения, божественного дара или мастерства ремесленника. Образ таланта семантически снижен введением образа дилетанта (от лат. *delectare* – забавлять). Великое служение нивелируется, развенчивается, становится забавой и созвучно мысли Томаса Манна (книга «Тяжелый час»): «Только у ничтожеств, у дилетантов слова бьют ключом, лишь у тех, кто быстро удовлетворяется, кому не дано знание, кто не живет под гнетом и тяжестью таланта». Актуальность максимы «порода талантливых дилетантов» имеет любопытный нюанс: уже в 2020 году, то есть через пять лет после публикации книги В.И. Гусева, свет увидела книга Давида Эпштейна «Универсалы. Как талантливые дилетанты становятся победителями по жизни».

22/VI

*Три часа,
Почти светло.
Ночь на утро повело.
Ночь, кратчайшая из всех,
И Война громадней всех.* [6, с. 8]

Эпохальное событие в истории России, лежащее в названии стихотворения, свернуто в фактографическую дату 22/VI, которая для каждого русского человека узнаваема и священна. Четко фиксированное время – три часа – начало разворачивания трагедии, миг перед тем рассветом, еще мирным, который должен был наступить, но не наступил... Два центральных образа – *ночь* и *война* – акцентируют внимание на масштабности событий, а их сопоставление находит воплощение в превосходной степени эпитетов «кратчайшая»/ «громадней всех» [6, с. 8].

***

*Благодарю Тебя, Господи.
Кроме тебя никого нет* [6, с. 9]

Молитвенное и благоговейное настроение прозаической максимы перекликается со стихотворением «Минута риторики». Название стихотворения – отсылка к «риторике» (от др.-греч. – ораторское искусство), науке, изучающей ораторское искусство и шире – мировоззрение и красноречие. Указание на время – *минута* – как будто подчеркивает сиюминутное, но не теряет при этом исповедальной глубины и ценности, выраженной в форме внутреннего монолога лирического героя.

Минута риторики

*Я могу-то почти без всего,
Хлеб, вода, и штаны, и рубашка,
На подкладке пальто ветровой;
– Это тяжело? – Да нет, блин, не тяжело.*

*Лишь бы Образ синел в тишине;
Лишь бы Высшая Сила во мне.* [6, с. 16]

Начало лирического сюжета раскрывает читателю образ автора, которому так мало нужно для жизни: «хлеб, вода, и штаны, и рубашка». В финале первой строфы внутренний монолог завершается диалогом: «Это тяжело? – Да нет, блин, не тяжело». По мнению В.И. Гусева, такая языковая манера может рассматриваться в рамках особой формы сказа, когда внутренний диалог есть попытка обострить ситуацию, «диалогизировать» ее еще резче. Но не внешне, а изнутри текста, на уровне внутренней формы» [8, с. 81]. Внутренний драматизм раскрывает сокровенное и исповедальное, становится самым главным в жизни и ее ощущении. Анафора *лишь бы* подчёркивает исключительность желания лирического героя, ценностную иерархию его мировоззрения от внешнего мира до внутренней сути: «Лишь бы Образ синел в

тишине; // Лишь бы Высшая Сила во мне». Такое исключительное чаяние нарочито контрастирует с началом лирического сюжета: «Я могу-то почти без всего» [6, с. 16].

***

*Здравствуй, скворец!
Долго не виделась.
Детства боец...
Годы обиды ли-с,*

*Случай простой –
Нас разводили;
Этот простой –
Марево, дым ли...*

*Ты залетал –
И удалялся;
Праздник настал –
Сел, точишь лясы;*

*Милый, точи –
Здравствуй, как следует;
К миру ключи
Скворушки ведают. [6, с. 279]*

Приветствие «Здравствуй, скворец!» – начало лирического сюжета, которое знаменует долгожданную встречу лирического героя, радость встречи с родным, чистым. Образ весны ассоциативно раскрывается в приветствии скворца, которое не только знаменует начало весны, но его появление становится возвращением в детство («детства боец»). Годы испытаний («нас разводили»), разлуки, целой жизни («ты залетал и удалялся») обретают долгожданное завершение – прилет скворца, который есть радость и счастье («Праздник настал»). Песня скворца, его пение реализуются в просторечии «точишь лясы», которое создает емкую картину абсолютного доверия в разговоре с лирическим героем. Переполюющая радость и счастье передаются и обращением «милый», и повтором «здравствуй, как следует». Кажется, одного раза мало, чтобы выразить переполюющие чувства. Отметим и излюбленный прием автора: через просторечие «точишь лясы» (суть которой есть исконная правда) утверждается сакральная истина в финале лирического сюжета: «К миру ключи // Скворушки ведают». Обратим внимание на глагол «ведают» (от ц.-слав. «ведети» – знать). Так единичный образ скворца расширяется и приобретает в финале обобщенный образ «скворушки» как олицетворения Высшей силы и ее вселенской мудрости.

Мотив Высшей правды, которой владеют птицы, продолжается и в стихотворении «Обладая интуицией».

***

*Обладая интуицией
И рассудку вопреки,*

*Весело летают птицы –
Мы тут тремся, дураки.
<...> [6, с. 276].*

Образ птиц как символа небесных сил и божественной Природы противопоставляется человеку и композиционно организует лирический сюжет стихотворения. По мысли автора, смысл названия «Обладая интуицией» подчеркивает ценность божественного дара птиц, которая утверждается вопреки рассудку. Семантическая оппозиция раскрывается и на уровне противопоставления глаголов, где «весело *летают*» (курсив автора) контрастно противопоставляется человеческому «тремся». Завершение первой строфы «дураки» развенчивает мысль о человеке как «венце творения» и соединяется с началом лирического сюжета, воспевающим мудрость Природы, в которой птицы обладают «интуицией».

Заключение. Подытожим: по Гусеву, суть жанра – «<...> не сама автобиография, а возвышение над ней» [8, с. 42] – выявляет особую организацию «Дневника Души», в которой доминанта лирического начала органично сочетается с емкостью прозаического афоризма. Отдельные чувства и переживания автора, созвучные розановским «полумыслям–получувствам», рождают целостную внутреннюю форму автобиографического метода В.И. Гусева и позволяют говорить о музыкальности повествовательной структуры.

Ассоциативные связи, подобные музыкальной организации, позволяют создать «картину мира», ценностную систему координат строя души поэта. Лейтмотивы, темы, повторы, создающие ассоциативные связи, раскрывают многомерный образ Сада как Божественного начала, Высшей силы, Природы (от птиц до картохи и огурца), любви, творчества и свободы. «Поэт – он не поэт без Сада, // Поэт – он не поэт без Лада» [6, с. 84]. Антитеза поэт/не поэт решается в пользу первого через образы Сада и Лада как архетипа райского сада с его миропорядком и гармонией. Образ Сада есть символ души и победы над хаосом, где Садовник – это Творец, Автор и Создатель. В.И. Гусев избегает упрощенного противопоставления Сады/Город, но призрачная свобода города с ее суетой и подменой сущностных понятий ярко контрастирует истине Природы и Сада. Изображение образов «Сады-город» реализуется характерными приемами словесной живописи: от лубка до натюрморта, уличной зарисовки, пейзажа и портрета.

По мнению В.И. Гусева, феномен стиля связан с понятием художественного характера, «как минимум – характера "автора"» [8, с. 37], в этом характере емко и глубоко отражается связь писателя и поэта с русской классической литературой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гусев В.И. Герой и стиль / В.И. Гусев. – М.: Художественная литература, 1983. – 286 с.
2. Гусев В.И. Искусство прозы. Статьи о главном / В.И. Гусев. – М.: Издательство Литературного института им. А.М. Горького, 1999. – 157 с.
3. Кудряшова А.А. Теоретические основы жанра в русской автобиографической прозе. Дисс.... док.филол.наук / А.А. Кудряшова. – М., 2013. – 404 с.
4. Кудряшова А.А. Теоретические основы жанра в русской автобиографической прозе. Автореф... док.филол.наук / А.А. Кудряшова. – М., 2013. – 36 с.
5. Минералов Ю.И. Теория художественной словесности / Ю.И. Минералов. – М., 1999. – 360 с.
6. Розанов В. Уединенное / В. Розанов. – Режим доступа: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1912_uedinennoe.shtml (дата обращения: 25.02.2024).
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Режим доступа: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt (дата обращения: 25.02.2024).
8. Сакулин П.Н. Филология и культурология / П.Н. Сакулин. – М.: Высшая школа, 1990. – 239 с.

9. Трифонов Ю.В. Несколько слов о Гусеве / Ю.В. Трифонов // Дружба народов. – 1969, № 1. – С. 118. – Режим доступа: <http://www.moslit.ru/nn/1709/14.htm> (дата обращения: 26.03.2024).
10. Федякин С.Р. Неоконченная «партитура» Розанова / С.Р. Федякин. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/neokonchennaya-partitura-rozanova> (дата обращения: 22.02.2024).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Гусев В.И. Дневник – 91 / В.И. Гусев. – М.: Литературный институт им. А.М. Горького, 2003. – 223 с.
12. Гусев В.И. Дневник – 92 / В.И. Гусев. – М.: Литературный институт им. А.М. Горького, 1995. – 208 с.
13. Гусев В.И. Дневник – 93 / В.И. Гусев. – М.: Московская организация Союза писателей России, 1999. – 256 с.
14. Гусев В.И. Год как день. Дневник метрический (1996) в 2х т. Т 1. / В.И. Гусев. – М., 2000. – 176 с.
15. Гусев В.И. 97. Конец эпохи. Дневник метрический / В.И. Гусев. – М.: Продюсерский центр Александра Гриценко, 2012. – 1056 с.
16. Гусев В.И. Год неспешный. 2013–2014. Сады – город / В.И. Гусев. – М.: У Никитских ворот, 2015. – 480 с.

Поступила в редакцию 25.03.2024 г.

ORIGINALITY OF AUTOBIOGRAPHICAL GENRE: INDIVIDUAL STYLE OF VLADIMIR GUSEV IN “THE UNHASTY YEAR. 2013–2014. GARDENS – CITY”

A.A. Kudryashova

It is for the first time that the individual style of Vladimir Gusev, who is a writer and a literary theorist of the late XX – early XXI century, is addressed. "The Unhasty Year. 2013–2014. Gardens – City" is used as a case study of the stylistic originality of the autobiographical genre. The major focus is made on the narrative structure of the diary novel, the author's tone of voice, key tropes and expressive means of the late works by Gusev. The individuality of the autobiographical method combines lyricism and digression in the narrative structure of prose, thus creating the writer's worldview integrity. Associative connections, similar to a musical work structure, both enable to see the key motifs and images in poetry and prose, and reveal the poet's soul values system. Key ideas, tropes and images find a special embodiment in the techniques of verbal painting. Numerous allusions and reminiscences uncover a dialogue between a modern author and Russian classical literature.

Key words: individual style, author's tone of voice, autobiographical genre, literary diary, novel diary, lubok, street sketch, landscape, portrait, still life.

Кудряшова Александра Артуровна.

Доктор филологических наук, доцент.
ГАОУ ДПО «Московский центр качества образования», г. Москва, Российская Федерация.
Ведущий специалист.
ORCID 0009-0005-9246-691X
E-mail: alekshvan@yandex.ru

Kudryashova Aleksandra Arturovna.

Doctor. of Philology, Associate Professor.
Moscow Centre for Education Excellence, Moscow,
Russian Federation.
Leading specialist.
ORCID 0009-0005-9246-691X
E-mail: alekshvan@yandex.ru

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.5281/zenodo.10983917

ПРОСТРАНСТВО ДЕТСТВА В ЦИКЛЕ РАССКАЗОВ С.Н. СИНЯКИНА «СТАЛИНГРАДСКИЕ ЗЁРНЫШКИ»

© 2024 Л.Н. Савина

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

ORCID 0000-0003-4538-5656

В статье представлен анализ пространства детства в цикле рассказов современного волгоградского писателя С.Н. Синякина «Сталинградские зёрнышки». Актуальность работы обусловлена, во-первых, необходимостью рассмотрения приёмов контаминации различных видов пространства в сборнике рассказов Синякина, творчество которого в данном аспекте ещё не являлось предметом специального исследования. Во-вторых, представляет научный интерес определение роли оппозиции Дом/Антидом как одной из основных аксиологических доминант, составляющих национальную картину мира. Основываясь на применении историко-типологического, историко-функционального и мифопоэтического методов исследования, мы рассмотрели способы создания бинарного пространства, объединяющего реальные топосы Сталинграда и мифопоэтические образы. Сам воюющий город ассоциируется у Синякина с Армагеддоном, упоминаемым в «Апокалипсисе» месте конечной схватки сил Добра и Зла, а главный топос Сталинграда – река Волга – с мрачным Стиксом, разделяющим мир мёртвых и живых. Установлена взаимосвязь анималистического и антропологического типов пространства при раскрытии темы материнства и детства в «Сталинградских зёрнышках». Знаковым атрибутом является и символика заглавия, восходящая к евангельской притче о сеятеле. В заключении сделаны выводы о специфике пространственных образов в цикле рассказов «Сталинградские зёрнышки» и намечены перспективы дальнейшего исследования моделей пространства в творчестве С.Н. Синякина.

Ключевые слова: антропологическое пространство, топос детства, идилический хронотоп, С.Н. Синякин, «Сталинградские зёрнышки».

Для цитирования: Савина Л.Н. Пространство детства в цикле рассказов С.Н. Синякина «Сталинградские зёрнышки» / Л.Н. Савина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 1. – С. 27–35. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.10983917>, <https://zenodo.org/records/10983917>.

Введение. Феномен детства, в том числе способы создания его пространственно-временного континуума, был объектом изучения в трудах целого ряда ученых, в последние годы эта тема наиболее активно исследовалась в работах И.Н. Арзамасцевой, Н.А. Дворяшиной, Л.В. Долженко, О.В. Калининой, И.Г. Минераловой, Л.К. Нефедовой, Н.Е. Рябцевой, Н.Е. Тропкиной, Е.В. Харитоновой, Е.Ю. Шестаковой и др. Опираясь на фундаментальные труды исследователей хронотопа – М.М. Бахтина, Д.С. Лихачёва, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова и др., литературоведы рассматривали пространство детства с точки зрения его социальной, географической и психологической характеристик.

Особое внимание большинство авторов уделяло устойчивой оппозиции «свой / чужой» в различных её модификациях, связывая данные пространственные доминанты с эволюцией образа ребёнка в процессе его социализации. На бинарность пространственной структуры художественных произведений указывал ещё Ю.М. Лотман, отмечая, что «одним из существенных признаков всякой культуры является разграничение всеобщего пространства (универсума) на внутреннюю –

культурную, «свою» – и внешнюю – внекультурную, «чужую» сферы. С древних времён замкнутая, «культурная» сфера отождествлялась с упорядоченностью, организованностью (космической, религиозной, социальной и политической), а внешняя – с миром зла, дезорганизации, хаоса, враждебных культовых и политических сил» [3, с. 577–578]. Выделяя в качестве существенного признака, организующего пространственную структуру текста, оппозицию «замкнутый – разомкнутый», учёный утверждал, что «замкнутое пространство, интерпретируясь в текстах в виде различных бытовых пространственных образов: дома, города, родины – и наделяясь определёнными признаками: «родной», «тёплый», «безопасный», противостоит разомкнутому «внешнему» пространству и его признакам: «чужое», «враждебное», «холодное» [3, с. 220].

На наш взгляд, наиболее зримое воплощение данная оппозиция получила в произведениях, героем которых являлся ребёнок. Дело в том, что топос детства как разновидность антропологического пространства занимал особое место в творчестве отечественных авторов, причём в большинстве произведений главной его характеристикой традиционно являлся родной дом ребёнка, воспринимаемый как идиллическое место, создающее ощущение стабильности и благополучия. По меткому замечанию М.В. Осориной, «мир дома замкнут и устойчив. Это защищенное пространство, в котором можно чувствовать себя в безопасности» [5, с. 43]. Будучи одной из основных аксиологических составляющих национальной картины мира, локус Дома в отечественной словесности существовал и функционировал благодаря своей «архетипической отграниченности от ...внешнего мира-хаоса. Поэтому образ в этой функции мог выступать как символ и locus утопических проекций» [1, с. 143]. Однако в периоды грандиозных социальных потрясений, когда рушился привычный уклад жизни, Дом утрачивал привычные ему функции и подвергался разрушению, превращаясь в Антидом. Особенно зримо данный процесс прослеживался в повестях и рассказах, воссоздающих пространство детства в эпоху социальных катаклизмов.

Именно в трагические дни Великой Отечественной войны и происходит действие цикла рассказов Сергея Николаевича Синякина (1953–2020) «Сталинградские зёрнышки» (2005). «Данная книга, созданная в результате кропотливой работы автора с архивными материалами и бесед с очевидцами, позднее была дополнена другими повестями и очерками и получила новое название – «Горькая соль войны» (2021). К сожалению, этот сборник вышел в свет уже после смерти писателя» [7, с. 172].

Цель данной статьи – рассмотреть приёмы контаминации различных видов пространства в цикле рассказов Синякина, творчество которого в данном аспекте ещё не являлось предметом специального исследования. Представляет научный интерес и определение роли оппозиции Дом/Антидом как одной из основных аксиологических доминант, составляющих национальную картину мира. Основываясь на применении историко-типологического, историко-функционального и мифопоэтического методов исследования, необходимо проанализировать, прежде всего, способы создания бинарного пространства, объединяющего реальные топосы Сталинграда и мифопоэтические образы.

Основная часть. Отметим, что уже само заглавие произведения Синякина даёт отсылку к метафорически звучащей фразе «идти путём зерна», в свою очередь, восходящей к притче о сеятеле и к евангельской цитате: «Истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрёт, то останется одно, а если умрёт, то принесёт много плода» (Иоанн 12: 24). «Путь зерна» напоминает и о философской концепции «спирального» развития природы и общества, рассматривающей смерть не только как

причину конечности и уничтожения, но и как стремление человека во имя жизни вечной жертвовать земным бытием и возрождаться в новом «колосе». В схожем значении мы встречаем упоминание о «пути зерна» и в одноимённом стихотворении В. Ходасевича, давшем название его сборнику. В мрачном 1917 году поэт был уверен, что и душа человека, и страна, и народ, сойдя во мрак, оживут, пройдя через мрак страданий:

*Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путём зерна* [14, с. 11].

Знаменательно, что символическое звучание этой фразы актуализируется в эпохи грозных испытаний, коими являются войны и революции.

Несомненно, что сама мысль о возрождении жизни связана с продолжением рода, и непосредственно – с топосом детства, который в цикле рассказов Синякина «спроецирован на сакральный центр ... мифопоэтической модели, воплощенной в мифологеме Дома» [9, с. 142]. Пространственно-временной континуум в «Сталинградских зёрнышках» предстаёт одновременно в двух атрибутивных категориях – Хаоса и Космоса – и связан с противостоянием идиллического топоса Дома разрушительному, враждебному ребёнку Антидому. Совмещая конкретно-исторический план повествования с мифопоэтическим, автор создаёт сложное бинарное пространство, в котором одновременно сосуществуют реальные дома и улицы и архетипические образы.

Воспроизводя атмосферу предвоенного и воюющего Сталинграда, автор знакомит читателя с семьёй Витьки Быченко, живущей в районе «Красного Октября», на улице Репина. Судьбе мальчика и его близких посвящены рассказы «Первые бомбёжки», «Горькая соль войны», «Исход», «Белая Калитва», «Возвращение», «Эшелоны сорок пятого», образующие своеобразный микроцикл в составе «Сталинградских зёрнышек». «Как правило, образ дома в литературе имеет архетипическую семантику, если реализует значение закрытого внутреннего пространства, дающего покой, безопасность и надёжную защиту; значение средоточия универсальных жизненных ценностей – таких как счастье, благополучие и согласие в семье, материальный достаток» [2, с. 48]. Однако для Витьки и его сверстников пространство Дома в прифронтовом городе утрачивает свою замкнутость и экстраполируется на улицы и дворы, ещё живущие в начале лета 1942 года мирной жизнью. Но предгрозовое настроение уже чувствуется: неслучайно в качестве геополитических маркеров, свидетельствующих о настроении сталинградской детворы, воспитанной на фильме «Чапаев» и готовой «мчаться на пулемёты врага» [12, с. 8], автор упоминает Испанию и Халкин-Гол, места, во второй половине тридцатых годов двадцатого столетия овеянные боевой славой. Дети, жаждущие личного подвига, ещё не понимают, «что истинной потребностью нормального человека является мир», а «для того, чтобы осознать это, потребуется всего несколько месяцев взросления» [Там же, с. 8].

И если в начале Сталинградской битвы всё окружающее представляется Витьке своеобразным вариантом игры, то постепенно эта игра приобретает характер «страшного и заволаживающего зрелища», когда мальчик видит последствия прямого попадания бомбы в пятую школу, превращённую в госпиталь: оттуда «всю ночь грузовыми машинами вывозили трупы. Говорили, что там погибли несколько сот человек» [12, с. 8]. Не менее жуткое впечатление на подростка производит картина пылающей огненной реки Волги и вид немецких самолётов, прицельно расстреливающих судёнышки с женщинами и детьми. «С приходом боевых действий атрибуты гражданской жизни не просто исчезают, а уничтожаются: символично, что в

рассказе «Вертинский и ночь» бойцы слушают патефон “рядом с костром, в котором догорали обломки довоенной сталинградской жизни – детская кровать, остатки шифоньера, два табурета, случайно уцелевшие на верхних этажах” [8, с. 102].

В произведении Синякина реальное географическое пространство города маркируется знаковыми объектами, знакомыми каждому сталинградцу. В рассказе «Горькая соль войны», давшем название всему сборнику, Витька и его бабушка с трудом бредут к мельнице Герхарда за свежее испечённым хлебом, а затем спешат на вокзал в надежде набрать соль из горящих вагонов. Под пером писателя сочетание хлеба и соли, символизирующее богатство, благополучие и защиту от враждебных чар, приобретает вкус горечи, потому что «соль была пропитана смертью» [12, с. 20].

Традиционно семантическое поле понятия «Дом» ассоциировалось в русской культуре со следующими значениями: «Дом – жилище, убежище, область покоя и воли, независимость, неприкосновенность. Дом – очаг, семья, женщина, любовь, продолжение рода, постоянство и ритм упорядоченной жизни, “медленные труды”. Дом – традиция, преемственность, отечество, нация, народ, история. Дом, “родное пепелище” – основа “самостоянья”, человечности человека, “залог величия его”, осмысленности и неодинокости существования. Понятие сакральное, онтологическое, величественное и спокойное; символ единого, целостного большого бытия» [4, с. 198]. Но в ходе боёв Дом, как и город в целом, перестаёт быть оплотом защиты, превращаясь в Антидом, символ смерти и разрушения, поэтому семья Быченко вынуждена оставить родное пепелище и пешком двигаться на запад. В лагере, устроенном немцами для сталинградцев под Белой Калитвой, семья Быченко хоронит умершего от голода и холода младшего брата Витьки – маленького Валерку. Топос детства в данном рассказе эксплицируется и семантически отождествляется с холодом смерти, пронизывающим всё существо Витьки. Стремясь от него избавиться, подросток с головой прячется в солому и засыпает. Оттуда, из-под слоя мертвецов, извлекает мальчика дед. Сон в данном эпизоде является не только следствием усталости, но и результатом своеобразной защитной реакции детского организма, его попыткой уйти в небытие: мальчику не хочется возвращаться в реальность и просыпаться в мире, где смерть стала привычной и обыденной. Как литературный приём сновидение помогает понять психологическое состояние ребёнка, стремящегося виртуально перенестись в мирное время, воспринимаемое им как символ райского блаженства. Синякин подчёркивает, что онейрические образы прошлого не имеют ничего исключительного: Витька видит «довоенный город, ещё живых ребят, с которыми бегал на Волгу удить юрких окуней и краснопёрок» [12, с. 76], обитателей городского зоопарка, но ему не хочется «выбираться из этого сна в мир, где мёртвых больше, чем живых» [Там же, с. 76]. В рассказе «Возвращение» история Витьки Быченко получает благополучное завершение. И хотя родной город его не сразу принимает, поскольку в вину семье вменяется пребывание в оккупации, но всё обходится без особых приключений. На старом пепелище Быченко начинают обустраиваться и обживать. Поистине радостным событием становится возвращение с войны отца семейства, заставляющее поверить в «реинкарнацию» Дома, в то, что «наше завтра обязательно будет счастливее нашего вчера» [12, с. 107].

Соотнося архетипы «Дом» и «Бездомье», Е.В. Шутова отмечает, что в Ветхом Завете они представляет собой антиномию «рая и ада. Некоторые города рассматриваются как разрушенные «Дома» (Содом, Гоморра), где исчезает взаимопонимание Бога и людей» [15, с. 87]. Архетипические образы возникают и в «Сталинградских зёрнышках», недаром сам воюющий город ассоциируется у Синякина

с Армагеддоном, упоминаемым в «Апокалипсисе» месте конечной схватки сил Добра и Зла, в котором «предстояло гореть и бесам, и агнцам» [12, с. 16]. Страшная бомбёжка в августе 1942 года превращает Сталинград в огромный огненный ад, в котором вверх от земли вместе с бесовской чернотой: дымом, копотью и пылью – возносятся к небесам светлые души погибших. И «Бог ... был равнодушен к человеческим молитвам», и только к утру «ангелы смерти перестали бесноваться в небесах» [Там же, с. 15]. Говоря об ангелах смерти, писатель имеет в виду не только полчища немецких самолётов, методично уничтожающих всё живое, но и представителя Бога, которого Всевышний послал, чтобы забрать жизни и души смертных. «Первый Ангел вострубил» – так заканчивает этот рассказ Синякин. Несомненно, это упоминание отсылает к восьмой главе Книги Апокалипсиса (86 1-13), где четыре из семи Ангелов трубят в свои трубы, предвещая стихийные бедствия. В этом контексте становится понятнее значение воя сирены, ассоциирующегося с зовом первой трубы, упоминаемой в Книге Исхода (исх. 9: 23-25): «И видел я и слышал одного Ангела, летящего посреди неба и говорящего громким голосом: горе, горе, горе...». После того, как вострубил Первый ангел, на землю падают град и огонь, смешанные с кровью, горят деревья и трава. Но это был лишь первый из семи Ангелов...

Образ всадника Апокалипсиса возникнет и в рассказе «По ту сторону смерти». На повороте дороги в сугробе стоит «труп желтолицего скалящегося немца и вытянутой рукой, торчащей из короткого рукава шинели мышинового цвета» [12, с. 89], указывает на запад. Этот мертвец воспринимается автором не только как свидетельство закона, гласящего, что «насилие порождает насилие», но и как черная пустота по ту сторону смерти, где нет ничего, кроме боли и отчаяния. Именно там появляется «конь бледный, и на нём всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним, и дана ему власть над четвертой частью земли – умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными (Апокалипсис 6:8). Мысль о вечном суде и о воскрешении мёртвых прозвучит и в финале рассказа «По ту сторону смерти» в изречении из «Откровения ап. Иоанна Богослова»: «И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились ещё на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число» (Откр. 6: 10-11). Одно из толкований этих слов сводится к ожиданию душами погибших мщения за свою кровь и земное тело, но этот суд будет твориться не ими, а Всевышним в конце времён, пока же в качестве утешения они получают белые одежды – дар Духа Святого.

Соединяя в пределах одного пространства реальное и мифологическое, Синякин подчёркивает легендарность описываемых им событий, в страшной жестокости которых есть всё, «чему ужаснётся человеческая душа, и не хватает лишь богов, умирающих в закопченных развалинах домов, и мёртвых Валькирий, неподвижно застывших в бескрайнем заснеженном поле» [12, с. 95]. Таким образом, благодаря мифологической и библейской символике реалистический пласт «Сталинградских зёрнышек» приобретает подлинно трагический масштаб, знаменующий превращение защищённого пространства детства в эсхатологический Антидом.

Сакральным танатологическим смыслом наделяется в цикле рассказов Синякина и река Волга, ассоциирующаяся с мифическим Стиксом, разделяющим мир мёртвых и живых. Подчёркивая трансформацию данного топоса, О.О. Путило отмечает: «Если в рассказе «Первые бомбёжки» поверхность воды лишь полыхает огнём, то в «Иосифе Сталине» и «Улове сорок второго» Волга окончательно превращается в реку смерти – своеобразную братскую могилу для пассажиров катеров, курсирующих между её берегами» [8, с. 102]. Перебраться на левый берег означает сохранить жизнь, но

преодолеть эту водную преграду дано не каждому. Расстреливая паром, перевозящий женщин и детей, фашисты не прекращают огонь, хотя прекрасно видят, что перед ними не боевой корабль. Весь ужас этой трагедии автор подчёркивает при помощи немногочисленных говорящих деталей: «пронзительного и вгоняющего в дрожь детского голоса», который некоторое время звал маму, а потом смолк, и «красного детского башмачка, уплывающего к развалинам города» [12, с. 41].

Местом упокоения матери и детей становится река и в рассказе «Темны твои воды, батюшка Дон...». Доведённая до отчаяния женщина, получив от полицая глумливый совет утопить голодающих «сталинских гадёнышей» в проруби, набирается решимости и ведёт своих детей к Дону. Трагизм финала подчёркивается вынесенными в заглавие словами старинной казачьей песни, свидетельствующими о тьме смертных мук, скрытых водами реки, которая в изображении Синякина уподобляется равнодушной стихии, объединяющей светлую колеблющуюся бездну с глухой зелёной тьмой. Воде, как и далёким галактикам, безразлично всё, что «связано с людьми и сушей» [Там же, с. 74].

Смерть детей в водах реки производит потрясающее впечатление на взрослых мужчин: вопли тонущих женщин и детей заставляют поседеть Строгова, штурмана парохода «Иосиф Сталин»; приходит к закономерному решению уйти на фронт и мстить фашистам бригадир черноморского рыбхоза Самошкин, вылавливающий, чтобы предать земле, из холодной волжской воды десятки детских трупиков; сходит с ума, Стёпка, на глазах которого бомбой были убиты его жена и сын. Много лет спустя на пристани, увидев сходящего на берег мальчика лет восьми-девяти, он бросается к нему, «жадно заглядывает ему в лицо и так же неожиданно теряет к нему всякий интерес» [12, с. 118]. Мимика человека, лишённого рассудка, свидетельствует о невыносимой боли переживания, которое не проходит с годами и возвращается при виде мальчика, по возрасту напоминающего Стёпке сына. «Тот, кто хочет понять, что такое ненависть и любовь, осознать, как они движут человеком, должен увидеть или вообразить своим представителем буро-зелёные глубины, в которых печально высвечивается рождённый для долгой жизни младенец» [Там же, с. 18].

Правда, водная стихия в «Сталинградских зёрнышках» может приобрести и животворную функцию, так, в рассказе «Крёстный сын реки» именно после крещения, проведённого странным человеком в монашеском одеянии, маленький Юрка Торгашиков выжил и «по жизни прошёл». Возможно, в этом рассказе своеобразное преломление получила библейская история Моисея, «сына» Нила, именно на берегу этой реки обнаружила его дочь фараона. Как и Моисей, являющийся защитником еврейского народа, «сын Волги», став взрослым, выбрал для себя хорошую специальность – «родину защищать от явных и тайных врагов» [12, с. 57].

К сожалению, даже после окончания сражения война не уходит из жизни мальчишек: опираясь на собственный опыт, Синякин повествует о том, как в шестидесятые годы прошлого столетия, подогреваемые любопытством и азартом кладоискателей, дети раскапывают захоронения немецкого кладбища и блиндажи Мамаева кургана. Разумеется, ребята не уподобляются Гамлету и не задумываются о том, что тревожат человеческий прах. «Равнодушные миру грязные кости» не пугают их не только потому, что это останки врагов, но и потому ещё, что в юном возрасте человек не понимает «непостижимости жизни и неповторимости каждого дня» [12, с. 122]. По мнению писателя, война мстит живущим, она «не кончается с праздничным салютом» [Там же, с. 123] и «продолжает убивать – зарядом заброшенного минного поля, снарядом, решившим разорваться через десять лет после войны, да просто

осколком, засевшим около сердца. Война продолжает калечить людские души сиротством, беспризорностью, тяжелыми сценами разводов, она пахала слишком глубоко, чтобы кончиться с последним выстрелом» [Там же, с. 123].

Образно-тематический комплекс ребёнка включает в себя такие константы, как «возраст, рождение, жизнь, смерть, отец, мать и др.» [13, с. 125]. Неслучайно в произведении Синякина пространство детства теснейшими узами оказывается связано с темой материнства. Так, Зоя Сорокина, героиня рассказа «Тоска любви», узнав о гибели лётчика, с которым её объединяли немногочисленные дни неистраченной нежности, ещё не понимает, что от него остались не только письма, но и зарождающаяся в её теле новая жизнь, и таким образом Тимур всегда будет рядом с ней.

Особое место при раскрытии темы материнства в «Сталинградских зёрнышках» отводится взаимосвязи анималистического и антропологического типов пространства. Материнский инстинкт, получивший воплощение в жертвенной любви к своему потомству, проявляется во время войны и в обществе людей, и в животном мире, в то время как смерть знаменует собой окончательное разрушение пространства детства. Спешит домой тяжело раненная Лидия Степановна, чтобы успеть отдать детям продуктовые карточки и деньги. В последние минуты жизни она просит свою соседку-соперницу позаботиться о сыне и дочери. Женщина не думает о физической боли, о близости смерти, она чувствует «удовлетворение оттого, что дошла, что принесла карточки, деньги и хлеб, а значит, дети не останутся голодными» [12, с. 18].

В системе координат синякинской прозы отождествление инстинктов животных и людей не сводится к наивному примитивизму. Поэтическая сага о великой силе материнства воссоздана автором и в рассказе «Последняя охота». Два снайпера – прославленный Василий Зайцев и чемпион Германии по стрельбе Франц Гердер – наблюдают за лисой, ищущей еду для своих малышей, но если «грациозная охотница» у советского бойца вызывает лишь мирные воспоминания о любимой девушке, то Гердер с упоением думает о том, как обрадуется его жена в фатерланде воротнику, пошитому из шкуры этой красавицы. Символично, что похожий охотничий азарт при виде лисы испытывает и майор Шафаров, представляющий, «какой фурор её пышная зимняя шуба произведёт в штабе» [12, с. 31]. В результате снайперской дуэли «охотники», мечтающие о трофее, погибают, а раненая лиса возвращается к своим щенкам, ведь смысл её жизни, как и у любой матери, заключается «в острых мордочках, прильнувших жарко к её коричневым соскам, разбухшим от белого молока. И умирать не хотелось. Нельзя было умирать. Надо было обязательно, во что бы то ни стало продержаться, пока щенки не окрепнут и не станут самостоятельными» [Там же, с. 32].

Метафорический смысл заглавия другого рассказа – «Хранительница очага» – подчёркивается упоминанием о голодной кошке, которая «сидела на белеющей в сумерках печи и жалобно кричала» [12, с. 69]. Как известно, в фольклоре именно печь олицетворяет сакральное семейное, точнее женское, начало. «Разные символические значения печи актуализировались в зависимости от обрядового контекста. Если в свадебном и родинном обрядах она символизировала рождающее женское лоно, то в похоронном – дорогу в загробный мир или даже само царство смерти» [11]. Будучи хранительницей очага вместо хозяйки, погибшей при августовском налёте немецких бомбардировщиков, кошка словно протестует против «безобразия человеческой жизни», против тех, кто «усеял неподвижными и оскаленными трупами белое пространство у реки» [12, с. 69]. Таким образом тема материнства оказывается теснейшим образом связана с топосом дома, с сохранением и защитой детства. «Родной

очаг, традиционно воспринимаемый ... как символ духовного благополучия и телесного комфорта, утрачивает свою сакральную функцию и перемещается в область профанного, поскольку исчезает главная функция дома как «своего» пространства – защитная» [10, с. 145].

Заключение. Итак, выделенные в статье формы субъектной репрезентации топоса детства наглядно свидетельствуют о том, что именно контаминация различных видов пространства: антропологического, танатологического, анималистического и онейрического – и помогает автору «Сталинградских зёрнышек» передать полный масштаб трагедии, разворачивающейся в городе на Волге. Сочетание реального и мифопоэтического пластов, экстраполирующих мифологему Дома в Антидом, накладывает на описываемые события особый отпечаток. В итоге, осмысливая пространство детства, читатель вслед за автором неизменно приводит к выводу о том, что «в системе этических постулатов отечественной словесности ребёнок был и навсегда останется наивысшей ценностью» [6, с. 83]. В дальнейшем художественная семантика пространства детства, выявленная нами в цикле рассказов С.Н. Синякина «Сталинградские зёрнышки», может быть рассмотрена в аспекте сравнения её с другими пространственными моделями в творчестве писателя, а также с типами и моделями пространства в современной детской литературе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баак Й.В. Дом как утопия / И.В. Баак // Русские утопии: сост. В.Е. Багно (Альманах «Канун». Вып. 1). – СПб.: Изд-во «Terra Fantastica» Издат. дома «Корвус», 1995. – С. 136–153.
2. Коробейникова А.А. О пространственных архетипах литературы / А.А. Коробейникова, Ю.Г. Пыхтина // Вестник ОГУ. – 2010. – № 11 (117). – С. 44–50.
3. Лотман Ю.М. Об искусстве / Ю.М. Лотман. – СПб.: «Искусство-СПб», 1998. – 704 с.
4. Непомнящий В.С. Поэзия и судьба / В.С. Непомнящий. – М.: Сов. писатель, 1987. – 390 с.
5. Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых / М.В. Осорина. – СПб.: Питер, 1999. – 288 с.
6. Перевалова С.В. Пространство детства в русской литературе XIX – начала XXI века: монография / С.В. Перевалова, Л.Н. Савина, Н.Е. Тропкина. – Волгоград: Научное изд-во ВГСПУ «Перемена», 2018. – 192 с.
7. Путило О.О. О Сергее Синякине / О.О. Путило // Царицын: литературный альманах. – 2021. – № 1. – С. 170–175.
8. Путило О.О. Способы создания локального текста в творчестве волгоградских писателей С.Н. Синякина и Е.Ю. Лукина / О.О. Путило // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. – 2022. – № 4. – С. 94–109.
9. Рябцева Н.Е. Топос детства в современной женской поэзии / Н.Е. Рябцева // Известия ВГПУ. – 2013. – № 4 (79). – С. 140–144.
10. Савина Л.Н. Топос детства в рассказе Б.П. Екимова «Фетисыч» / Л.Н. Савина // Известия ВГПУ. – 2017. – № 9 (119). – С. 145–148.
11. Сакральный центр дома. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.symbolizm.ru/index.php/novosti/632-2011-12-21-06-18-39> (дата обращения 24.02.2024).
12. Синякин С.Н. Горькая соль войны / С.Н. Синякин. – М.: Вече, 2021. – 384 с.
13. Тропкина Н.Е. Пространство детства в поэзии О. Седаковой / Н.Е. Тропкина, Н.Е. Рябцева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2017. – № 2. – С. 124–130.
14. Ходасевич В. Колеблемый треножник: Избранное / В. Ходасевич. – М.: Советский писатель, 1991. – 688 с.
15. Шутова Е.В. «Дом» и «Бездомье» человека: терминальный статус и формы бытия в культуре / Е.В. Шутова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. – 2011. – № 1 (13). – С. 85–89.

Поступила в редакцию 04.03.2024 г.

SPACE OF CHILDHOOD IN COLLECTION OF STORIES
“STALINGRAD GRAINS” BY S.N. SINYAKIN

L.N. Savina

The article deals with the analysis of the childhood space in the collection of stories “Stalingrad Grains” by modern Volgograd writer S.N. Sinyakin. The relevance of the contribution is first of all accounted for by the need to consider the ways of various types of space contamination in the work by Sinyakin, whose work in this aspect has not yet been the subject matter of a special research. Secondly, it is of scientific interest to determine the role of the opposition House / Antihouse as one of the main axiological dominants that constitute the national picture of the world. Based on the use of historical-typological, historical-functional, and mythopoetic research methods, the article discusses ways of creating a binary space that combines the real topoi of Stalingrad and the mythopoetic images. Sinyakin associates the warring city with Armageddon, mentioned in “Apocalypse” as the place of the final battle between the forces of Good and Evil, and the main topos of Stalingrad - the Volga River - with the gloomy Styx, separating the world of the dead and the living. The relationship between animalistic and anthropological space when revealing the theme of motherhood and childhood in “Stalingrad Grains” is established. A significant attribute of the work is the symbolism of the title, which goes back to the metaphorical quote “to follow the path of the grain” and the Gospel parable about the sower. The conclusions about the specifics of spatial images in the collection of stories “Stalingrad Grains” are drawn. Prospects for further research of space models in the works by S.N. Sinyakina are outlined.

Key words: anthropological space, topos of childhood, idyllic chronotope, S.N. Sinyakin, “Stalingrad Grains”.

Савина Лариса Николаевна.

Доктор филологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»,
г. Волгоград, Российская Федерация.
Профессор кафедры литературы и методики её
преподавания.

ORCID 0000-0003-4538-5656

E-mail: larisavina1712@rambler.ru

Savina Larisa Nikolaevna.

Doctor of Philology, Associate Professor.
Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Volgograd, Russian Federation.
Professor at Department of Literature and its Teaching
Methods.

ORCID 0000-0003-4538-5656

E-mail: larisavina1712@rambler.ru

Научная статья

УДК 316.77:001.12+811.161.1

DOI: 10.5281/zenodo.10984333

«МУЖЧИНЫ, ИДУЩИЕ СВОИМ ПУТЕМ»: МЕДИА ГОМОГЕНДЕРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ КАК ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

© 2024 *Е.В. Ширина*¹, *Е.В. Балюнис*²

¹⁻²ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

ORCID¹ 0009-0004-0728-6037

ORCID² 0000-0003-2521-1026

В статье рассматриваются функционирующие в коммуникативном пространстве русскоязычной социальной платформы vk.com публичные страницы, создаваемые и модерлируемые участниками гомогендерного социального объединения «Мужчины, идущие своим путем» (МИСП/MGTOW) – одного из наиболее активных и самостоятельных виртуальных сообществ русской маносферы. Исследование проводится с применением методов контекстуального, семантического, дискурсивного и количественного анализа. Выявляются аккаунты, аффилированные с объединением МИСП/MGTOW, описываются особенности их визуального и лингвостилистического оформления, а также аудиторная политика и принципы агрегации контента. Устанавливается, что открытые группы, паблики и публичные страницы виртуального объединения способствуют не только сплочению единомышленников, но и формированию и распространению посредством разнородных интернет-текстов собственной концепции гендерных отношений и социального устройства, имеющей радикальные отличия от общепринятых представлений. Доказывается, что рассматриваемые ресурсы обладают некоторыми признаками СМИ, ведут вещательную деятельность на регулярной основе, выступают в роли коммуникативных площадок маскулинизма и размещают деструктивный контент, нацеленный на трансформацию гендерной картины мира целевой аудитории.

Ключевые слова: социальная коммуникация, социальные медиа, гендерная социализация, маскулинизм, МИСП, гендерная картина мира.

Для цитирования: Ширина Е.В. «Мужчины, идущие своим путем»: медиа гомогендерных объединений как феномен социальной коммуникации / Е.В. Ширина, Е.В. Балюнис // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 1. – С. 36–46. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.10984333>, <https://zenodo.org/records/10984333>.

Введение. Социальная коммуникация представляет собой процесс передачи социально значимой информации с целью установления, поддержания или трансформации социальных отношений. В течение долгого времени ключевая роль в ее реализации принадлежала официальным СМИ, однако распространение коммуникационных интернет-технологий привело к появлению новой сферы социально значимого вербального взаимодействия. Новые медиа или, как их еще называют, социальные медиа стали неотъемлемой частью человеческой повседневности, их возможности постоянно расширяются, а число пользователей неизменно растет. В научной литературе неоднократно отмечалось, что официальные СМИ вынуждены осваивать новые платформы, адаптироваться к цифровым ресурсам [2], [5], при этом сообщества, группы и паблики в социальных сетях, а также другие социальные медиа имеют некоторое сходство со СМИ [1], [3],[8], [9]. На протяжении последнего десятилетия исследователи наблюдают расширение функционала социальных сетей, выступающих не только в роли «коммуникационной площадки для общения», но и становящихся «источниками информации и каналами распространения

рекламы» [9, с. 46]; при этом «наибольшую популярность имеют сообщества развлекательного характера» [9, с. 48]. В.А. Степанов доказывает, что «для сообществ в социальной сети характерны все атрибуты средств массовой информации (периодичность, система жанров, модель монетизации и т.д.), а динамика развития этого сегмента медиарынка очень напоминает развитие традиционных СМИ» [8, с. 86]. По мнению исследователя, в настоящее время сообщества ВКонтакте представляют собой «разновидность СМИ» и «обладают характеристиками СМИ как социального института» [8, с. 87]. Количество постоянных читателей наиболее популярных сообществ, функционирующих на платформе vk.com, достигает нескольких миллионов и может быть сопоставимо с размерами аудитории официальных несетевых изданий [8, с. 88]. Однако внимания заслуживают и паблики с небольшой постоянной аудиторией (от нескольких сотен до нескольких тысяч подписчиков), рассчитанные на интернет-пользователей с конкретными интересами и предпочтениями, участников виртуальных социальных объединений и последователей сетевых субкультур. Контент подобных ресурсов носит не столько развлекательный, сколько вовлекающий характер, а также может способствовать формированию и ретрансляции локальных идеологических систем контрсоциального характера, при этом он находится в открытом доступе и, как следствие, является феноменом массовой коммуникации.

В настоящем исследовании рассматриваются зарегистрированные на платформе ВКонтакте (vk.com) русскоязычные группы, сообщества и паблики социального объединения, известного в глобальном интернет-пространстве под самонаименованием «*Men Going Their Own Way*» и его аббревиатурой *MGTOW* и обозначаемого русскоязычными пользователями с помощью калькированных названий «*Мужчины, идущие своим путем*» и *МИСП*, а также различных сочетаний английского и русского сокращений: *MGTOW/МИСП*, *МИСП (MGTOW)*, *MGTOW (МИСП)*, – которые используются в качестве хэштегов для тематической рубрикации контента социальных медиа. Цель настоящей работы состоит в том, чтобы представить медийную деятельность этого объединения как феномен русскоязычной социальной интернет-коммуникации. Исследование проводится на материале открытых групп, пабликов и сообществ, функционирующих в коммуникативном пространстве социальной сети ВКонтакте. В общей сложности было проанализировано 40 маскулинистских аккаунтов, аффилированных с *MGTOW/МИСП* (около 15 000 постов), с применением методов контекстуального, семантического, дискурсивного и количественного анализа.

Основная часть. В англоязычных научных исследованиях медиакоммуникаций аккаунты *MGTOW* характеризуется как самые популярные, быстрорастущие, а также наиболее агрессивные и социально опасные группы так называемой «маносферы» [11], [14], [15], объединяющие «белых гетеросексуальных мужчин среднего класса», которые «сторонятся романтических отношений с женщинами и вместо них стремятся к самоутверждению» [12, с. 78] (здесь и далее перевод с английского наш – *Е.Ш., Е.Б.*). Lin Ke указывает на то, что, «в отличие от других антифеминистских групп, *MGTOW* поддерживают уход (abandonment) от женщин и западного общества, захваченного феминизмом; согласно их представлениям, существующую систему невозможно исправить, поэтому *MGTOW* “идут своим путем”» [12, с. 78]. A. Górska, K. Kulicka и D. Jemielniak доказывают, что главная цель *MGTOW*, позиционирующих себя как сепаратистское сообщество, состоит в борьбе с женской эмансипацией и защите мужских патриархальных привилегий, при этом авторы считают, что потенциал *MGTOW* к пропаганде насилия недооценивается [10, с. 3].

В Кембриджском словаре английского языка *маносфера* определяется следующим образом: «Маносфера (также андросфера) – вебсайты и интернет-опосредованные дискуссионные группы, посвященные мужским интересам и правам в их противопоставлении интересам и правам женщин, часто связанные с оппозицией феминизму и неприятием женщин:

– Некоторые сегменты маносферы характеризуются как создающие мизогинную картину мира.

– Врожденные гендерные различия являются популярной темой в маносфере.

– Андросфера представляет собой обширную разнообразную сеть блогов и форумов» [13].

Русскоязычная маносфера является практически неизученной. Есть лишь единичные публикации российских ученых-гуманитариев, исследующих мужские социальные объединения и их деятельность в виртуальном пространстве [4], [6], [7]. В статье В.И. Красикова осмысливается деятельность «гендерных радикальных интернет-сообществ», к которым автор относит сообщества маскулинистов («маскулистов») и радикальных феминисток («радфемок»). По мнению исследователя, «интенсивно проявляющиеся в их активности профили ненависти к определенным группам людей роднят их с политическими формами радикализма» [6, с. 235], в подобных сообществах «именно ненависть является системообразующим началом и основным идентификационным отличием» [6, с. 236]. А.В. Иванов и В.Е. Козлов изучают «сообщества радикальной гендерной направленности, <...> артикулирующие радикальные социокультурные и социально-политические концепты» [4, с. 264]. Авторы считают, что в настоящее время «гендерный конфликт становится одним из наиболее распространенных видов виртуальной социальной агрессии», подобный конфликт способствует созданию «деструктивных идеологем, формирующих в количественно значимых демографических группах атмосферу неприятия и ксенофобии с целью повышения уровня социальной аномии в обществе, дискредитации традиционных культурных норм, нанесения морального и психологического урона различным социокультурным группам и их отдельным представителям» [4, с. 264]. Г.Г. Слышкин, Л.Е. Малюгина и Е.С. Павлова вводят понятие «радикального гендерного медиадискурса» и изучают влияние, которое оказывают его «субстанциональные ценностные установки» на интернет-пользователей. Исследователи считают, что основообразующим началом фемининного и маскулинного дискурсов является проявление ненависти, а сами виртуальные сообщества радикального феминизма и маскулинизма («маскулизма») обозначают как «группы ненависти», «объединившиеся на основе сильнейшей профильной эмоции против гендерных оппонентов» [7, с. 54], а также выявляют «угрозы в радикальном феминном и маскулинном медиадискурсе, направленные на разрушение семьи и родительства как социальных институтов [7].

Отечественные исследователи рассматривают виртуальный маскулинизм (маскулизм) в его теснейшей связи с радикальным феминизмом, при этом практически не учитывается намечающаяся в Рунете и ярко выраженная в англоязычном Интернете тенденция к формированию отдельных маскулинистских течений, имеющих свои ценности и антиценности, концепции гендерных отношений и социального устройства, а также системы предписаний, указаний и запретов, направленные на регулирование поведения их участников. Русскоязычная маносфера, испытывающая на себе сильнейшее влияние англоязычных виртуальных мужских движений, заимствует их смысловые доминанты и адаптирует их идеологию к постсоветским социально-

экономическим реалиям. Согласно представлениям самих интернет-пользователей, в настоящее время в Рунете наиболее активным и самостоятельным является маскулинистское течение «*Мужчины, идущие своим путем*» (*МИСП/МGTOW*). Оно имеет собственную идеологию и систему ценностных установок, которые значительно отличаются как от национальной гендерной картины мира, так и от представлений других мужских объединений Рунета, перечень жестких предписаний, касающихся поведения мужчин в межличностных, семейных и социальных отношениях, а также сеть ресурсов (пабликов, сообществ, открытых групп, блогов и влогов), функционирующих в рамках коммуникативных пространств российских социальных платформ и русскоязычных сегментов международных социальных сетей.

В настоящее время на платформе ВКонтакте (vk.com) функционирует 40 групп, в названии которых в том или ином варианте присутствует наименование движения. Встречаются как английская, так и русская аббревиатура, а также их сочетания и русскоязычная расшифровка, например: *МИСП – Сообщество свободных МУЖЧИН!*; *МGTOW / МИСП*; *Мужчины идут своим путем #MGTOW*; *Архив канала МGTOW вне баборабства*; *#MGTOW_translate*. В их коротком html-адресе может присутствовать указание на тематику размещаемого контента (<https://vk.com/manright> – «право мужчины») [19], важнейшие принципы течения (https://vk.com/no_wife_easy_life – «нет женщины – легкая жизнь») [29], его ключевые аксиологемы (https://vk.com/mgtow_svoboda – «свобода») [25], метафорические образы (https://vk.com/mgtow_redpill – «красная таблетка», устойчивый символ осознания мужчиной несправедливости социального устройства) [27], а также утверждение собственного превосходства (https://vk.com/mgtow_sila – «MGTOW – сила») [20]. В качестве аватара групп используется заимствованная из англоязычного Интернета эмблема, стилизованная под американский предупреждающий дорожный знак: ромбическая фигура желтого цвета с черными линиями, изображающими съезд с главной дороги, – представляющий собой визуальную метафору выбора собственного пути, сознательного отказа от общепринятых социальных предписаний. Этот символ гендерного эскапизма, созданный англоговорящими и, по всей видимости, проживающими в США участниками движения *МИСП/МGTOW* и противопоставленный реально существующему дорожному знаку «Примыкание второстепенной дороги», используется и в баннерах рассматриваемых сообществ. Таким образом, и в визуальном оформлении пабликов, и в их названиях присутствует однозначное указание на конкретное виртуальное маскулинистское движение, при этом публикации, размещаемые в разных сообществах, могут различаться по проблематике, жанрам и эмоциональной тональности, однако их идеологическая основа остается неизменной.

Характеристики пабликов, указываемые в их описаниях и высвечивающиеся при поисковом запросе, могут различаться: «Открытая группа», «Общество», «Молодежное движение», «Публичная страница», «Дискуссионный клуб», «Группа коллег», «Фан-сообщество», «Организация», «Другие хобби», «Веб-студия», «Институт», «Философия», «Здоровый образ жизни». В рассматриваемых аккаунтах размещается контент, рассчитанный на русскоязычных пользователей. Некоторые сообщества имеют указание на город, страну или иную территорию в своих названиях (*МGTOW. Крым*, *МGTOW СПб*, *МGTOW Усть-Каменогорск*), другие – предоставляют данные о своей геолокации, доступные при использовании мобильного приложения ВКонтакте: Воронеж, Санкт-Петербург, Киров.

Большинство выявленных сообществ имеет открытый доступ для всех пользователей социальной платформы ВКонтакте (только три паблика из 40 зарегистрированы как закрытые сообщества), однако при этом их модераторы придерживаются строгой аудиторной политики. В метаданных большинства рассматриваемых аккаунтов подчеркивается, что их целевой аудиторией являются мужчины, разделяющие принципы движения и поддерживающие его идеологию, а присутствие женщин и состоящих в браке мужчин является нежелательным. Так, например, модераторы открытой группы *МИСП – Сообщество свободных МУЖЧИН!* приводят для ознакомления следующую информацию: *ВНИМАНИЕ! Лицам женского пола и мужчинам, состоящим в официальном браке, вход строго воспрещён! Цель сообщества – объединение мужчин в рамках идеологии МИСП и MGTOW. Лица женского пола, феминисты, гиноцентристы и ЛГБТ¹⁵ активисты, – проходите мимо, вам тут не рады. Мужчины, состоящие в официальном браке, также вне закона. В случае обнаружения – БАН навсегда! Список участников периодически проверяется [20].* Практически во всех сообществах MGTOW/МИСП реализуются жесткие принципы модерирования комментариев. Любые высказывания, оспаривающие принципы виртуального движения или опровергающие его идеологию, удаляются, а их авторы лишаются возможности комментировать или даже просматривать материалы сообщества. Так, в упомянутой выше группе приводится перечень коммуникативных запретов: *В ГРУППЕ ЗАПРЕЩЕНО (БАН): / Пропаганда и оправдание: / 2.1 Баборабства и гиноцентризма. / 2.2 Содомии в любых формах (лесбиянства, педерастии и пр. ЛГБТ¹⁶). / 2.3 Невозможность и нежелание участника подтвердить свои высказывания ссылкой на “авторитетный” источник. / 2.4 Феминизма. / 2.5 Рабоармии. / 2.6 Патриархата как формы угнетения мужчин. / 2.7 Унижение статуса мужчины по любому признаку (социальный статус, зарплата, род деятельности и тд.). / 2.8 Оскорбление участников и администрации группы. / 2.9 Антимужских законов. / НЕ ПРИВЕТСТВУЕТСЯ (ВОЗМОЖЕН БАН): / 3.1 Особей женского пола. / 3.2 Женатых мужчин. / 3.3 Использование нецензурной лексики. / 3.4 Политсрач. / 3.5 Поддержка, оправдание рабоармии. / 3.6 Поддержка, оправдание алиментного рабства. / 3.7 Поддержка, оправдание педоистерии и прочих видов антимужского террора. / 3.8 Призыв вступить в официальный брак. / 3.9 Попытка поставить под сомнение правильность принципов индивидуализма. Призывы мужчин к какой бы то ни было жертвенности во имя интересов – например, “во имя общества/страны/нации...” / 3.10 Пропаганда этологии [19].* Аудиторная политика таких сообществ строится на последовательном разграничении «своих» и «чужих», при этом к последним относятся не только женщины (в том числе феминистки), обозначаемые с помощью зооморфной метафоры *особи женского пола*, и представители сексуальных меньшинств, но и мужчины, разделяющие общепринятые представления о семье и романтических отношениях, признающие ценности, традиционно ассоциируемые с категорией маскулинности, а также участники других мужских движений, в идеологических системах которых патриархат является ключевой аксиологемой. Чуждые социальному движению системы представлений и социальные институты обозначаются с помощью как узусных лексем (*лесбиянство, феминизм, патриархат*), так и распространенных в русскоязычной маносфере негативно-оценочных лексических инноваций

¹ Экстремистская организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

¹⁶ Экстремистская организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

(баборабство, гиноцентризм, рабоармия, педоистерия) и тяготеющих к устойчивости выражений (алиментное рабство). Перечень *personarum non gratorum* и список коммуникативных табу присутствует в описании практически каждого сообщества *MGTOW/МИСП* социальной платформы ВКонтакте.

Абсолютное большинство подписчиков подобных пабликов – русскоязычные и русскоговорящие социально-активные одинокие мужчины в возрасте от 18 до 45–50 лет, имеющие негативный опыт романтических и/или семейных отношений. Самое большое количество подписчиков имеют следующие паблики: *MGTOW* – 9 128 [24], *Мужчины идут своим путем #MGTOW* – 6 546 [20], *МИСП – Сообщество свободных МУЖЧИН!* – 6 481 [19], *MGTOW: Мужчины, идущие своим путем* – 5 976 [28], *Цитатник MGTOW* – 4 721 [22], *true MGTOW* – 1 971 [30], *MGTOW* – 1 921 [25], *#MGTOW* – 1 297 [31]. Таким образом, ни одно из 40 выявленных сообществ не имеет 10 000 подписчиков, только у восьми групп, что составляет 20 % от общего числа аккаунтов, имеющих аффилиацию с *MGTOW/МИСП*, более тысячи подписчиков и лишь у 4 пабликов (10 %) более пяти тысяч. Количество подписчиков остальных сообществ: от 10 до 50 человек – 12 аккаунтов, от 50 до 100 – 7, от 100 до 300 – 6, от 300 до 500 – 1, от 500 до 700 – 2, от 700 до 1000 – 1. Именно в небольших группах (до 1000 человек) на регулярной основе публикуется провокационный и деструктивный контент: видеоролики, креолизованные и собственно вербальные тексты уничижительного характера, создающие негативные образы фемининности, а также радикальные высказывания контрсоциального характера. Однако далеко не всегда данные, которые приводятся в метаописании сообщества, отражают реальную аудиторию группы. Пост, размещенный на стене сообщества с пятьюстами подписчиками, нередко становится доступным гораздо большему количеству пользователей социальной платформы ВКонтакте благодаря репосту в более крупном паблике. Немаловажно и то, что аккаунты *MGTOW/МИСП* во ВКонтакте, имеющие гипертекстовые связи как друг с другом, так и со сторонними ресурсами маскулинистского движения, представляют собой единую виртуальную социальную сеть с множеством «узлов» – пабликов и аккаунтов отдельных интернет-пользователей. Необходимо также учитывать и тот факт, что целый ряд неактивных аккаунтов создается как резерв с целью сохранения читательской аудитории в том случае, если медийная деятельность реально функционирующих сообществ будет приостановлена или запрещена после жалобы лиц, не разделяющих идеологию движения.

И большие, и малые сообщества осуществляют вещание на регулярной основе. Безусловно, масштабы медийной деятельности *MGTOW/МИСП* несопоставимы с публикационной активностью таких крупных развлекательных ресурсов, как *MDK* (в среднем 38 – 40 постов за сутки) или *Смейся до слёз :D* (17 – 20 публикаций) [23], [21]. Некоторые паблики размещают один пост раз в два или три месяца, но при этом имеют более 500 и даже более 1000 постоянных подписчиков и функционируют на протяжении нескольких лет: *true MGTOW* (1 971 участник, зарегистрирован 18.11.2019 г.) [30], *#MGTOW* (1 297 подписчиков, зарегистрирован 16.04.2018 г.) [31], *#MGTOW_translate* (563 подписчика, зарегистрирован 23.10.2019 г.) [32]. Сообщества с большим количеством участников публикуют новые материалы значительно чаще. Самыми активными являются следующие ресурсы: *MGTOW* (9 128 подписчиков, зарегистрирован 25.01.2018 г.) размещает один пост раз в два или три дня [24], *Мужчины идут своим путем #MGTOW* (6 544 подписчика, зарегистрирован 01.09.2017 г.) публикует 1 – 3 поста каждые сутки преимущественно в вечернее и ночное время [20], на стене сообщества *Цитатник MGTOW* (4 721 подписчик,

зарегистрировано 07.01.2018 г.) появляются новые посты каждый день ровно в 09:00 и в 12:00 по московскому времени [22]. В отличие от «недолговечных» материалов крупных развлекательных сообществ, которые имеют более десяти миллионов подписчиков и обновляют посты каждые 20 – 30 минут, контент сообществ *MGTOW/МИСП*, нередко рассчитанный на долгое и вдумчивое осмысление и обсуждение, остается актуальным для членов виртуального объединения в течение долгого времени. Пользователи, посещающие подобные ресурсы, просматривают публикации, сделанные ранее, и количество просмотров отдельного поста может стабильно увеличиваться в течение двух – трех недель. В этом отношении рассматриваемые сообщества сходны с периодической узкой направленности (изданиями садоводческой или кинологической тематики, научно-популярными и научными журналами): новые «выпуски» появляются редко, но регулярно и с определенной периодичностью, их содержание практически не связано или имеет незначительную связь с актуальной новостной повесткой, однако публикуемые материалы содержат информацию, представляющую особую важность для целевой аудитории в течение долгого времени.

Контент рассматриваемых сообществ характеризуется разнообразием, очевидна тенденция к формированию у каждого паблика собственной устойчивой читательской аудитории с определенным культурным уровнем, образованием и обусловленными ими предпочтениями и интересами. Практически во всех группах регулярно встречаются репосты материалов из «дружественных» пабликов *MGTOW/МИСП*, а также публикаций других открытых сообществ ВКонтакте и сторонних ресурсов, которые могли бы проиллюстрировать важнейшие принципы течения или доказать справедливость его постулатов. До 80 % контента большинства рассматриваемых групп (а в некоторых случаях и до 100 %) составляют репосты и вторичные тексты: снабженные комментариями посты других сообществ и персональных страниц, скриншоты личной переписки с лицами женского пола, реплик на форумах, брачных объявлений, видеоролики, которые первоначально были размещены на видеохостингах Youtube и Tiktok, материалы криминальной хроники официальных СМИ. Необходимо отметить, что подобный вторичный контент практически всегда сопровождается гиперссылкой на источник его публикации или указанием на название обнародовавшего его сетевого издания или информагентства. Если крупные развлекательные ресурсы нередко заимствуют друг у друга посты юмористического характера, не приводя гиперссылки, то в сообществах *MGTOW/МИСП* подобная ситуация в принципе невозможна. Модератор или модераторы каждого паблика не просто не скрывают, но и подчеркивают вторичность публикуемого материала, стремясь к созданию иллюзии объективности той гендерной картины мира, которая порождается их текстами. В основе медийной деятельности подобных сообществ лежит агрегация ранее опубликованных медиатекстов, отобранных по принципу их провокационности, иллюстративности и соответствия идеологии *MGTOW/МИСП*, при этом задачи модератора, часто зарегистрированного под сетевым псевдонимом и имеющего закрытый профиль, сводятся к отбору и размещению подходящих материалов, а также к отслеживанию комментариев к постам и удалению участников, не согласных с идеологией течения. В большинстве проанализированных сообществ подписчики могут только ставить отметки «Мне нравится», делать репосты и оставлять комментарии, но не имеют возможности предложить модераторам собственный материал для публикации. Таким образом, функционирующие на платформе ВКонтакте страницы *MGTOW/МИСП* лишь номинально маркируются как

открытые группы и сообщества, но по сути таковыми не являются. Участники или подписчики этих профилей не генерируют собственный контент, но пассивно воспринимают медиатексты, отобранные модераторами, фактически не имея права вступать с ними в дискуссию и высказывать мнение, противоречащее идеологии течения.

Жанры медиатекстов, размещаемых в группах *MGTOW/МИСП*, представляет собой постоянно пополняющуюся и видоизменяющуюся систему, которая включает в себя как интернет-специфичные, так и традиционные жанры, адаптированные к новому коммуникативному пространству, и зависит от предпочтений аудитории каждого конкретного паблика. Модераторы сообществ с большим количеством подписчиков избегают публикации деструктивного контента и размещают материалы мировоззренческого характера, приводят цитаты великих философов и писателей (исключительно мужчин), художественные фотографии дикой природы и далекого космоса, создающие ощущение комфортного одиночества, позитивного уединения. Для таких ресурсов типичны лирические миниатюры, афоризмы, цитаты, художественные фотографии и цифровая живопись, при этом собственно вербальные компоненты медиатекстов написаны хорошим русским языком, в них практически не встречаются опечатки или орфографические и пунктуационные ошибки. Таким является самый многочисленный паблик *MGTOW* (9 129 подписчиков, зарегистрирован 25.01.2018 г.) [24], основной контент которого представлен репостами публикаций, сделанных в группах философской тематики: *Дзэн-Буддизм* [16], *Минимализм* [18], *ИНТРОВЕРТ* [17] – посты других сообществ течения цитируются достаточно редко (каждый десятый пост), однако репост статьи из паблика *#MGTOW_translate* (563 подписчика, зарегистрирован 23.10.2019) [32] зафиксирован в качестве закрепленной записи. Большинство репостов представляют собой креолизованные лирические миниатюры, визуальные компоненты которых представлены цветными фотографиями штормящего моря, высоких гор, дороги, пролегающей через дикую местность и т.д., а собственно вербальные – цитатами из произведений Иммануила Канта, Артура Шопенгауэра, Джошуа Беккера, Германа Гессе, афоризмами, приписываемыми Луцию Аннею Сенеке, Будде Шакьямуни, Николе Тесле. Анализ семантического пространства опубликованных медиатекстов показывает, что ключевыми ценностями сообщества являются *свобода, уединение и независимость*. С помощью постов создается позитивный образ одинокого человека, фокус внимания читателя смещается с концепта «Одиночество» на мировоззренческую категорию позитивного уединения, являющуюся одной из важнейших в дзэн-буддизме и некоторых западных философских системах. В сообществах с небольшим количеством участников в центре внимания находятся базовые антиценности идеологии *MGTOW/МИСП* (категория феминности, концепты «Любовь», «Семья»), в них размещаются материалы провокационного и даже деструктивного характера, нацеленные на дискредитацию обобщенного феминного образа и развенчание традиционных представлений об эталонной маскулинности. Здесь медиатексты представлены интернет-специфичными жанрами: мемами, демотиваторами, коллажами и т.д. Что касается вербального оформления публикаций, то для него характерно использование эмоционально-оценочной лексики, в том числе и табуированной, специфических для русскоязычной маносферы лексических инноваций и устойчивых выражений, концептуальных зооморфных метафор, представляющих в негативном свете как женщин, так и мужчин, которые не стремятся разрывать с ними социальные связи,

радикальные высказывания о существующей правовой системе. В таких сообществах часто появляются перечни запретов, регламентирующие социальную жизнь членов *MGTOW/МИСП*, списки женских поведенческих стратегий и манипулятивных высказываний. Смысловое и идеологическое наполнение крупных и малых пабликов *MGTOW/МИСП* не только не опровергает, но и дополняет друг друга: первые создают позитивный образ одинокого мужчины, мудреца, наслаждающегося свободой и независимостью, вторые – в саркастической и уничижительной форме изображают «реальность» отношений между мужчинами и женщинами, последовательно создают образ женщины-врага, представляющей угрозу для мужчины, и тем самым побуждают подписчиков к гендерному эскапизму.

Следует особо отметить, что проанализированные сообщества не монетизируют свою медийную деятельность. В метаописании многих пабликов подчеркивается нежелательность размещения рекламного контента, лишь в некоторых сообществах открыта возможность пожертвования и сбора средств на развитие ресурса. Модераторы групп *MGTOW/МИСП* никак не используют существующие во ВКонтакте ресурсы краудфандинга. В этом состоит их серьезное отличие как от многих крупных и малых групп, объединенных общими интересами, и развлекательных ресурсов с многомиллионной аудиторией, так и от официальных сетевых изданий и традиционных СМИ. Доступные данные позволяют сделать вывод о том, что модераторы рассматриваемых сообществ ведут свои аккаунты и занимаются организацией их медийной деятельности на добровольных началах. Распространение идеологии *MGTOW/МИСП*, донесение до целевой аудитории ее базовых принципов и ключевых ценностей, преподносится как добровольная благотворительная деятельность, направленная на помощь мужчинам в освобождении от ига романтических, семейных и социальных отношений.

Заключение. Подводя итоги проведенного исследования, считаем необходимым отметить следующее. Крупнейшая русскоязычная социальная сеть ВКонтакте с ее возможностями размещения пользовательского контента, организации и ведения разного рода сообществ и групп по интересам порождает разделяющуюся на множество сегментов и субпространств коммуникативную среду, подходящую для внедрения, адаптации и распространения гендерно-ориентированных идеологических систем. Малые и средние группы участников виртуального объединения «*Мужчины, идущие своим путем*», являющегося частью более масштабного маскулинистского движения, обладают некоторыми признаками СМИ: они осуществляют медийную деятельность на регулярной основе, развивают собственную систему жанров и завоевывают устойчивую читательскую аудиторию, к которой относится значимая демографическая группа – трудоспособные половозрелые мужчины. Подобные ресурсы, внедряя и распространяя альтернативные гендерные представления, становятся площадками социальной коммуникации и практически неконтролируемыми агентами гендерной социализации интернет-пользователей. Их медийная деятельность нуждается в дальнейшем междисциплинарном научном осмыслении с позиций теории медиакоммуникаций, лингвистики, юриспруденции, социологии и психологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асташкин А.Г. Социальные медиа в структуре современной сетевой коммуникации / А.Г. Асташкин, М.Г. Бреслер // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2018. – Т. 160. – Кн. 4. – С. 814–822.

2. Бейненсон В.А. Продвижение СМИ в социальных сетях: возможности и проблемы / В.А. Бейненсон // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2016. – № 5. – С. 239–243.
3. Донских А.Г. Правовой статус социальных сетей в системе медиакоммуникаций / А.Г. Донских // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2020. – № 4. – С. 92–95.
4. Иванов А.В. Социокультурные аспекты гендерного конфликта в радикальных сетевых сообществах Рунета (по материалам полевого исследования) / А.В. Иванов, В.Е. Козлов // Казанский педагогический журнал. – 2021. – № 4. – С. 264–270.
5. Катенева И.Г. Социальные медиа как объект исследования (рубрика «социальные сети» журнала «Русский репортер») / И.Г. Катенева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2017. – Т. 16. – № 6: Журналистика. – С. 81–90.
6. Красиков В.И. Гендерная ненависть в Рунете: маскулисты и радфемки / В.И. Красиков // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2020. – Т. 4. – № 3. – С. 235–244.
7. Слышкин Г.Г. Радикальный феминный и маскулинный медиадискурс в аспекте лингвобезопасности / Г.Г. Слышкин, Л.Е. Малыгина, Е.С. Павлова // Верхневолжский филологический вестник. – 2022. – № 2 (29). – С. 53–60.
8. Степанов В.А. Сообщества в социальной сети «ВКонтакте» как СМИ: особенности типологии и перспективы развития / В.А. Степанов // Вестник БДУ. – 2015. – Сер. 4. – № 2. – С. 86–90.
9. Щепилова Г. Публичные страницы «ВКонтакте»: контентные стратегии / Г. Щепилова, Д. Мамедов // Медиаальманах. – 2019. – № 4. – С. 46–56.
10. Górska A.M. Men not going their own way: a thick big data analysis of #MGTOW and #Feminism Tweets / A.M. Górska, K. Kulicka, D. Jemielniak // Feminist Media Studies. – 2022. – № 10 (25). – P. 1–19.
11. Jones C. Sluts and Soyboys: MGTOW and the Production of Misogynistic Online Harassment / C. Jones, V. Trott, S. Wright // New Media and Society. – 2019. – № 22 (10). – P. 1903–1921.
12. Lin K. Integrating Ethical Guidelines and Situated Ethics for Researching Social-Media-Based Interactions: Lessons from a Virtual Ethnographic Case Study with Chinese Youth / K. Lin // Journal of Information Ethics. – 2017. – № 25 (1). – P. 114–131.
13. Manosphere // Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – 2023. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/manosphere> (retrieved on 03.03.2024).
14. Marwick A.E. Drinking male tears: language, the manosphere, and networked harassment / A.E. Marwick, R. Caplan // Feminist Media Studies. – 2018. – Vol. 18. – № 4. – P. 543–559.
15. Wright S. ‘The pussy ain’t worth it, bro’: assessing the discourse and structure of MGTOW / S. Wright, V. Trott, C. Jones // Information, Communication & Society. – 2020. – Vol. 23. – № 6. – P. 908–925.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

16. Дзэн-Буддизм – Режим доступа: <https://vk.com/dzyen> (дата обращения: 03.03.2024).
17. ИНТРОВЕРТ – Режим доступа: <https://vk.com/typicalintrovert> (дата обращения: 03.03.2024).
18. Минимализм – Режим доступа: <https://vk.com/theminimalists1> (дата обращения: 03.03.2024).
19. МИСП – Сообщество свободных МУЖЧИН! – Режим доступа: <https://vk.com/manright> (дата обращения: 03.03.2024).
20. Мужчины идут своим путем #MGTOW – Режим доступа: https://vk.com/mgtow_sila (дата обращения: 03.03.2024).
21. Смейся до слёз :D – Режим доступа: <https://vk.com/ifun> (дата обращения: 03.03.2024).
22. Цитатник MGTOW – Режим доступа: <https://vk.com/mensmgtow> (дата обращения: 03.03.2024).
23. MDK – URL: <https://vk.com/mudakoff> (retrieved on 03.03.2024).
24. MGTOW – URL: <https://vk.com/mgtowru> (retrieved on 03.03.2024).
25. MGTOW – URL: https://vk.com/mgtow_svoboda (retrieved on 03.03.2024).
26. MGTOW / МИСП – URL: <https://vk.com/mgtow> (retrieved on 03.03.2024).
27. MGTOW/МИСП – URL: https://vk.com/mgtow_redpill (retrieved on 03.03.2024).
28. MGTOW: Мужчины, идущие своим путем – URL: <https://vk.com/mgtowrussian> (retrieved on 03.03.2024).
29. RedPill Squad – URL: https://vk.com/no_wife_easy_life (retrieved on 03.03.2024).
30. true MGTOW – URL: https://vk.com/true_mgtow (retrieved on 03.03.2024).
31. #MGTOW – URL: https://vk.com/men_going_their_own_way (retrieved on 03.03.2024).
32. #MGTOW_translate – URL: https://vk.com/mgtow_translate (retrieved on 03.03.2024).

Поступила в редакцию 04.03.2024 г.

«MEN GOING THEIR OWN WAY»: HOMOGENDER COMMUNITIES MEDIA
AS SOCIAL COMMUNICATION PHENOMENON

E.V. Shirina, E.V. Balyunis

The article addresses public pages and open communities functioning in the Russian social platform vk.com communicative space and being created and moderated by the homogender social movement known «Men going their own way» (MGTOW), which is one of the most dynamic and self-sustained virtual communities of the Russian Manosphere. The study is conducted using the methods of contextual, semantic, discourse, and quantitative analysis. Accounts affiliated with the MGTOW community are identified. Specific features of their visual and linguostylistic figuration, audience policy, and content aggregation principles are described. The current study elicits, that the virtual community's open groups, publics and public pages both promote the like-minded users unity and facilitate forming and spreading of their own gender relations and social structure vision through different Internet texts. This vision differs drastically from the common beliefs. The study proves, that the resources under discussion are characterised by certain unique features of mass media. They broadcast on the regular basis, constitute masculinism communicative spaces, and post destructive content aimed at transforming the target audience gender world-view.

Key words: social communication, social media, gender socialization, masculinism, MGTOW, gender world-view.

Ширина Елена Владимировна.

Доктор филологических наук, доцент.
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.
Заведующий кафедрой теории и практики
массовой коммуникации.
ORCID 0009-0004-0728-6037

E-mail: evshirina@sfedu.ru

Балюнис Евгения Владимировна.

Кандидат филологических наук.
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.
Доцент кафедры русского языка для иностранных
учащихся.
ORCID 0000-0003-2521-1026
E-mail: evakallas@sfedu.ru

Shirina Elena Vladimirovna.

Doctor of Philology, Associate Professor.
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian
Federation.
Head of Mass Communication Theory and Practice
Department.
ORCID 0009-0004-0728-6037

E-mail: evshirina@sfedu.ru

Balyunis Evgeniia Vladimirovna.

Candidate of Philology.
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian
Federation.
Associate Professor of the Russian Language for
Foreign Students Department.
ORCID 0000-0003-2521-1026
E-mail: evakallas@sfedu.ru

Научная статья

УДК [81'42+81'373.612.2]:811.353.1

DOI: 10.5281/zenodo.10986805

КОНЦЕПТ «ОККУПАЦИЯ» В ВОЕННОМ ДИСКУРСЕ

© 2024 *О.Ф. Ахметгареева*

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»

ORCID 0000-0002-7010-3211

В статье рассматриваются некоторые коммуникативные способы формирования образа России в дискурсе спецслужб современной Грузии в условиях межгосударственного конфликта, активно применяемые в информационной войне и реализуемые путем использования тактики создания образа оккупанта и агрессора, что представляется наивысшей формой дискредитации. В процессе исследования текстов военной тематики, функционирующих в дискурсе спецструктур Грузии, применялись различные методы и приемы: анализ и синтез, сплошная выборка лексических единиц определенной тематической группы, лингвокультурологический, исторический комментарий. Посредством контент-анализа в исследуемых текстах выявлены наиболее частотные лексемы, употребляемые авторами текстов для достижения заданного прагматического эффекта, а именно формирования определенных стереотипов и установок у реципиента в отношении России. Данное исследование может быть актуально для специалистов, занимающихся изучением разных видов дискурса, национальных и лингвокультурных особенностей дискурса спецслужб, который до сегодняшнего дня не получил описания в научных исследованиях, а также для лиц, интересующихся способами создания негативных образов вероятного противника у массового адресата.

Ключевые слова: информационная война, идеология, государственность, национализм, спецслужбы, военный дискурс, дискурс спецслужб, оккупация, агрессия.

Для цитирования: Ахметгареева О.Ф. Концепт «оккупация» в военном дискурсе / О.Ф. Ахметгареева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 1. – С. 47–55. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.10986805>, <https://zenodo.org/records/10986805>.

Введение. На протяжении всей истории развития цивилизации человечество сталкивается с конфликтами и XXI столетие не стало исключением – мировое сообщество столкнулось с серьезными испытаниями в сфере международной безопасности, увеличилось количество вооруженных противостояний в связи с чем, возросла роль Вооруженных Сил и иных силовых структур в обеспечении безопасности мирового порядка в целом и защиты интересов России в частности. Научным ответом на существующие и возникшие вызовы и угрозы стала активизация исследований в тех сферах, которые до этого времени не вызывали особый интерес. Таким относительно новым направлением стало исследование военного дискурса с позиции лингвистики с целью изучить и классифицировать языковые средства, используемые в коммуникации участников данного типа дискурса и проанализировать их эффективность. Вопросы, связанные с изучением тех или иных аспектов военного дискурса рассматривались в работах Ахметгареевой О.Ф. [1, с. 27–33], где изучалась идеологическая направленность и некоторые способы воздействия на адресата в военном дискурсе; Держко Л.И. [2, с. 42–43] описывал аспекты институциональности военного дискурса; в исследовании Логинова И.Е. [5, с. 126–129] анализируется лексическая компонента, а именно проблема сквернословия в военном дискурсе. Заслуживает внимания работа Нередковой С.С. [6, с. 59–69], где автором изучается языковая картина Донбасса в условиях военного конфликта, описывается значение влияния военного дискурса на

социум и общественно-политическую реальность. Исследования Смирнова П.С. [7, с. 206–210], Сосниной Л.В. [8, с. 3–8], Уланова А.В. [9, с. 278–289], Фэй Ц. [11, с. 68–78] и др. также направлены на разностороннее изучение аспектов военного дискурса, что свидетельствует о несомненной важности его изучения.

Дискурс – одна из базовых единиц исследования современного языкознания, поскольку является свидетельством языкового существования как отдельного человека, так и сообщества в целом. Каждый коммуникативный акт, независимо от жанра функционирования и той военной/коммуникативной/социальной/экономической и иной ситуации, в которой он порожден, можно считать одним из звеньев коммуникативной деятельности адресата, что позволяет говорить о формировании разных типов дискурса. Для конструктивного коммуникативного процесса необходимо не только грамотно обрабатывать и транслировать наиболее значимые сведения о важных событиях как внутри государства, так и за его пределами, но и достоверно, адекватно и целенаправленно освещать проводимую внешнюю и внутреннюю политику, перспективу взаимоотношений с соседними государствами в различных сферах, а также информировать общество о положении военных дел. С этой точки зрения важно, чтобы идеологическая позиция находящихся у власти военных и политических элит своевременно доводилась до адресата, не противоречила культурным, религиозным, идеологическим и ценностным установкам общества и была максимально понятна и приемлема как для партнеров, так и для оппонентов. В условиях напряженной конфликтной обстановки в мире развитие сети Интернет способствует стремительному росту способов обмена информацией, затрагивающей, в том числе, те или иные военные действия, которая зачастую носит недостоверный, а порою, открыто враждебный характер. В эпоху безграничного информационно-коммуникативного пространства для адресанта не представляет затруднений опубликовать на сайтах ведомств, принадлежащих к силовым структурам, актуальную и наиболее значимую информацию. Являясь одним из важнейших институтов общества, Вооруженные Силы и иные силовые структуры организуют коммуникативное взаимодействие с разнообразными социальными институтами для быстрого и широкоохватного доведения до населения актуальных сведений. Актуальность исследования обусловлена тем, что в статье впервые рассматриваются способы создания образа России с одним из институциональных типов дискурса, относящемся к закрытым силовым ведомствам, до сегодняшнего дня не получившим описания в научных исследованиях. Новизной обладает исследуемый кейс грузиноязычного дискурса спецструктур. Теоретическая значимость данной работы заключается в том, что полученные результаты вносят вклад в теорию дискурса в целом и военного дискурса, в частности.

Совершенно очевидно, что способы подачи информации играют важную роль в формировании и эволюции общественного сознания. Более того, восприятие и интерпретация важнейших явлений и событий, происходящих в стране и мире, осуществляется через сформированные образы, понятия, стереотипы и идеологические и ценностные установки. Соответственно, формируясь и функционируя в разных условиях, дискурс отражает в себе то стечение обстоятельств, при которых он был создан, и те коммуникативные средства, при реализации которых достигается наибольший прагматический эффект.

Цель данного исследования – рассмотреть некоторые коммуникативные способы формирования образа России как страны агрессора и оккупанта в дискурсе спецслужб современной Грузии, говоря о которых считаем важным обратиться к базовым характеристикам исследуемого типа дискурса.

Основная часть. Возросшее количество террористических актов, многочисленные локальные и межгосударственные конфликты, порою переходящие в вооруженные, неконструктивные переговоры в условиях вооруженных противостояний, выступления оппозиции, перерастающие в столкновения с представителями вооруженных сил или спецподразделений, являются основой для формирования особого типа дискурса – а именно военного дискурса, в рамках которого формируется дискурс спецслужб, и если военный дискурс понимается как «особый вид речевой организации картины мира военнослужащих, обладающий такими свойствами, как соотнесенность с речевой военной ситуацией, окружающей обстановкой военной сферы; специфической военной хромотопностью; интенциональностью; целостностью используемых речевых элементов; связностью; военно-фактологической информативностью; процессуальностью; интертекстуальностью; авторитетностью военно-теоретических и военно-исторических источников; антропоцентричностью военной картины мира; способностью к взаимодействию с другими дискурсами институционального типа» [10, с. 31], то специфику дискурса спецслужб в большинстве случаев обуславливает принадлежность его субъектов к закрытым подразделениям специального назначения. Здесь следует упомянуть одну из наиболее известных типологий дискурса, предложенную В.И. Карасиком [4, с. 56], где ученый предлагает подразделять дискурс на личностный и институциональный в зависимости от статусно-ролевых характеристик участников общения. К институциональному типу дискурса ученый относит политический, военный, дипломатический, юридический, административный, религиозный и др. Соответственно, опираясь на данную типологию, можно сделать вывод о том, что участники дискурса спецслужб принадлежат к особому социальному институту, для которого, прежде всего, характерна ограниченность доступа к информации для лиц, не относящихся к спецструктурам, а также не публичность большинства коммуникантов. Говоря о коммуникативных характеристиках, следует отметить, что для дискурса спецслужб характерны императивность, четкость и логичность излагаемой мысли, функционирование в текстах широкого спектра лексем, в том числе с семантикой террористических, экстремистских и иных конфликтных действий. Так, только в отчете за 2021 год лексемы, образующие конфликтное семантическое поле были употреблены более 200 раз. Приведем некоторые примеры:

2021 წლის განმავლობაში ასევე მნიშვნელოვან გამოწვევას წარმოადგენდა ტერორიზმიდან და ძალადობრივი ექსტრემიზმიდან მომდინარე საფრთხეები [13]. – Угрозы терроризма и насильственного экстремизма также представляли собой серьезную проблему в 2021 году. (Здесь и далее перевод наш – О.А.).

2021 წელს, პანდემიისა და მასთან დაკავშირებული შეზღუდვების მიუხედავად ტერორიზმისა და ძალადობრივი ექსტრემიზმის გამოვლინებებს სხვადასხვა ლოკაციაზე ჰქონდა ადგილი [13]. – В 2021 году, несмотря на пандемию и связанные с ней ограничения, проявления терроризма и насильственного экстремизма имели место в разных местах.

Как видно из примеров, проблема борьбы с проявлениями терроризма и насильственного экстремизма достаточно актуальна для спецструктур современной Грузии, о чем свидетельствуют реализованные в тексте лексемы.

ასევე აღსანიშნავია ხსენებული ორგანიზაციის ჩართულობით 90-იანი წლების კონფლიქტისა და 2008 წლის რუსეთ-საქართველოს ომის დროს უგზო-უკვლოდ დაკარგულ თუ დაღუპულ პირთა მოძიების კუთხით გაჩეული მუშაობა,

რომლის ვარგლებშიც, საანგარიშო პერიოდში, „სამხრეთი საკოორდინაციო მექანიზმის შეხვედრა“ გაიმართა [13]. – Также стоит упомянуть работу организации по поиску пропавших без вести или погибших лиц во время **конфликта 90-х годов и российско-грузинской войны 2008 года**, в рамках которой в течение отчетного периода было проведено "заседание трехстороннего координационного механизма".

В данном примере употреблены языковые структуры «**90-იანი წლების კონფლიქტი**» – «**конфликт 90-х годов**» и «**2008 წლის რუსეთ-საქართველოს ომი**» – «**российско-грузинская война 2008 года**». Следует упомянуть, что грузино-абхазский вооружённый конфликт 1992–1993 годов считается одним из самых острых межэтнических конфликтов между Грузией и Абхазией. Однако, события того периода грузинская сторона именуется «конфликт», в то время как события августа 2008 года трактует не иначе, как «война», что имплицитно свидетельствует о неослабевающей напряженности в отношениях между Россией и Грузией спустя десятилетие.

В дискурсе спецслужб определен порядок обеспечения безопасности государства, а также нормы защиты безопасности личности, общества и государства от внешних угроз с использованием определенных законом конкретного государства методов и средств. Соответственно, в данном типе дискурса установлены нормы и стандарты поведения, закреплены бинарные отношения свой/чужой, друг/враг, опасность/безопасность, норма/не норма, позитивное/негативное, допустимое/недопустимое, благо/зло и т.п. в нравственных и правовых императивах, ритуалах, традициях, законодательных актах. Выявление и анализ лексем, функционирующих в текстах дискурса спецслужб, применяемых для создания негативного образа России в сознании этносов, проживающих как на территории Грузии, так и за ее пределами, нам кажется важным, а особый интерес среди текстов данной группы вызывают военные документы, к которым мы, в рамках данной работы, относим ежегодные отчеты руководителя службы безопасности Грузии. Так Ю.Ю. Дуброва выделяет ряд особенностей военных текстов: продуцент текста военного документа абстрагирован, в то время как адресат, напротив, всегда четко определен – это связано с тем, что права и обязанности военнослужащего подчиняются четкой регламентации. Для военных документов также характерна высокая степень стандартизации, информационной насыщенности и компрессивность информации, среди которой преобладают факты. Для данной категории текстов также характерна эксплицитность и пониженная контекстуальность информации. Вместе с тем исследователь указывает на высокую степень интертекстуальности и низкую степень интердискурсивности военных документов [3, с. 13]. Материалом для исследования в данной работе выступают отчеты службы государственной безопасности Грузии в период 2015–2021 гг. (საქართველოს სახელმწიფო უსაფრთხოების სამსახურის ანგარიშები), размещенные в открытом доступе на сайте службы государственной безопасности Грузии (СГБ) [13], так как вышеперечисленные характеристики обнаружены в указанных документах, а употребляемые в них коммуникативные средства находят свое применение при формировании положительных или отрицательных образов государств (Грузия – Россия), реализуются в стратегиях и тактиках, применяемых в сфере военной, политической международной и иных видов коммуникации и выступают одним из эффективных средств идеологического воздействия в информационных войнах.

Конфликт, произошедший в августе 2008 г. и получивший название пятидневной войны, снизил уровень российско-грузинских отношений до критически низкой отметки со времен распада СССР и привел к прекращению практически всех институциональных отношений между Москвой и Тбилиси, трансформировав произошедшее в межгосударственный кризис. Относительное «потепление» между двумя государствами наметилось после парламентских выборов 2012 г. – в Грузии была провозглашена политика нормализации отношений с Российской Федерацией. Данный политический курс нашел поддержку среди значительной части грузинского населения. Премьер-министр Грузии Б. Иванишвили учредил должность Специального представителя по взаимоотношениям с Россией в качестве первого дружественного шага. Тем не менее, события августа 2008 г. квалифицируются грузинской стороной как агрессия, оккупация грузинских территорий, непризнание ее суверенитета и права на независимую внутреннюю и внешнюю политику. Напряженность в двусторонних отношениях сохраняется до сегодняшнего дня, о чем ярко свидетельствуют тексты спецслужб, доступные для широкого круга интересующихся исследователей.

Например:

ოკუპირებულ ტერიტორიებზე კვლავ მიმდინარეობდა საოკუპაციო ძალების უკანონო სამხედრო წვრთნები, გრძელდებოდა საქართველოს მოქალაქეების უკანონო დაკავებები და ე.წ. ბორდერიზაციის უკანონო პროცესი [13]. – На оккупированных территориях продолжались незаконные военные учения оккупационных сил, продолжались незаконные задержания граждан Грузии и незаконный процесс т.н. пограничного контроля.

Реализуемые в данном примере языковые структуры «ოკუპირებულ ტერიტორიებზე – на оккупированных территориях», უკანონო სამხედრო წვრთნები – незаконные военные учения», «საოკუპაციო ძალები – оккупационные силы» направлены на демонизацию образа России и формирование образа страны-врага, агрессора, который действует вне правовых норм, о чем свидетельствует языковая структура «ე.წ. ბორდერიზაციის უკანონო პროცესი – незаконный процесс т.н. пограничного контроля». Помимо этого, в анализируемом примере реализована ироничная языковая формула «так называемый/ая», призванная дискредитировать события, неприятные для Грузии, но получившие слишком широкий общественный резонанс, чтобы о них можно было умолчать. Цель применения данной ироничной языковой формулы – заранее спровоцировать идеологическое недоверие у массового адресата а ее реализация в официальном документе ставит под сомнение самые различные явления, неприемлемые для официальной позиции государства, в частности, недопустимость присутствия ВС РФ и иных подразделений РФ на территории Южной Осетии и Абхазии.

В грузиноязычном дискурсе спецслужб эффективным примером использования языка как средства идеологического воздействия на его носителей и формирования негативного образа России в сознании массового адресата является применение в текстах конфликтно-маркированных и милитарных лексем. Манипулируя общественным сознанием, апеллируя к сложившейся после событий августа 2008 года ситуации, политические и военные лидеры современной Грузии пытались изменить саму систему мышления, логику и моральные критерии грузин и других этносов, проживающих на территории Грузии в отношении России. Так, в отчетах службы государственной безопасности Грузии в период 2015–2021 гг. наблюдается частотное функционирование лексем с негативной прагматикой, например

«ოკუპაცია» – оккупация в совокупности употреблено свыше 600 раз. Рассмотрим некоторые примеры.

*სუს-ისთვის მთავარი გამოწვევა ოკუპირებული ტერიტორიების არსებობა და იქ განთავსებული უცხო ქვეყნის სამხედრო ძალაა. ოკუპირებული აფხაზეთისა და ცხინვალის ტერიტორიაზე დიდი ოდენობით რუსული სამხედრო კონტინგენტი, თანამედროვე ტიპის მძიმე შეიარაღება, მათ შორის, შეტევითი სამხედრო ტექნიკის არსებობა, სახელმწიფოსთვის ეგზისტენციალურ საფრთხეს წარმოადგენს [13]. – Главной проблемой для СБУ является существование **оккупированных территорий** и дислоцированных там иностранных вооруженных сил. Большое количество российского военного контингента на территории оккупированной Абхазии и Цхинвали, современные виды тяжелого вооружения, включая наличие наступательной военной техники, представляют экзистенциальную угрозу для государства.*

Как видно из вышеприведенного примера, тексты дискурса спецслужб Грузии носят открытый антироссийский характер, где прослеживается активно насаждаемый негативный образ, стереотипы: «Россия – оккупант, агрессор, разместивший на чужой территории не только военнослужащих, но и наступательную военную технику», что представляет собой главную проблему для службы безопасности Грузии.

*რუსეთის ფედერაციის მხრიდან ოკუპირებული ტერიტორიების ანექსიის მცდელობა, იქ არსებული მძიმე კრიმინოგენული ვითარება (გამოსასყიდის მიღების მიზნით ადამიანების გატაცებები, ყაჩაღობები, მკვლელობები, მოსახლეობაზე თავდასხმა), ქართული მოსახლეობის დისკრიმინაცია, საქართველოს მოქალაქეების უკანონო დაკავება (ე.წ. საზღვრის უკანონო კვეთის ბრალდებით), ე.წ. ბორდერიზაციის პროცესი (მავთულხლართების, ღობეების, ე.წ. საზღვრის აღმნიშვნელი ბანერების აღმართვა და ტრანშეების გათხრა), თავისუფალი გადაადგილებისა და განათლების ხელმისაწვდომობის შეზღუდვა, ინტენსიური სამხედრო წვრთნები ოკუპირებულ ტერიტორიებზე, ასევე ცენტრალური ხელისუფლების მიერ კონტროლირებადი საჰაერო სივრცის რუსული სამხედრო თვითმფრინავების, ვერტმფრენებისა და უპილოტო საფრენი აპარატების მიერ დარღვევის ფაქტები და ოკუპირებული ტერიტორიების შესახებ საქართველოს კანონის დარღვევა საფრთხეს უქმნის ქვეყნის უსაფრთხოებას [13]. – Попытки Российской Федерации **аннексировать оккупированные территории**, тяжёлая криминогенная ситуация там (похищения людей, грабежи, убийства, нападения на население), дискриминация грузинского населения, незаконное задержание граждан Грузии (по обвинению в т.н. незаконном пересечении границы), процесс т.н. бордеризации (возведение заборов из колючей проволоки, баннеров обозначение границы и рытье траншей), ограничение свободы передвижения и доступа к образованию, интенсивные военные действия. Кроме того, нарушения воздушного пространства, контролируемого центральным правительством, российскими военными самолетами, вертолетами и беспилотными летательными аппаратами и нарушение законодательства Грузии на оккупированных территориях угрожают безопасности страны.*

В данном примере Грузия эксплицитно обвиняет Россию в действиях, нарушающих международное право, а именно в аннексии территорий, т.е. в насильственном приобретении и утверждении правового титула на территории Южной Осетии и Абхазии после их военной оккупации. Помимо территориальных нарушений,

т.н. незаконного военного присутствия, в адрес России выдвинуто обвинение в сложившейся тяжелой криминогенной ситуации. В целом, грузинская сторона представляет Россию как источник основных угроз не только в сфере безопасности, но и правовых сферах.

სუს-ი ჩართულია ქენევის საერთაშორისო დისკუსიებში. 2015 წლის 1 აგვისტოდან 31 დეკემბრის ჩათვლით ქენევის საერთაშორისო დისკუსიების ორი რაუნდი (33-ე და 34-ე რაუნდები) გაიმართა, სადაც სახელმწიფო უსაფრთხოების სამსახურის სპეციალურმა წარმომადგენელმა, I სამუშაო ჯგუფის ფარგლებში, მიმოიხილა ოკუპირებულ რეგიონებსა და საოკუპაციო ხაზის მიმდებარე უსაფრთხოების კუთხით არსებული ვითარება [13]. – СБГ участвует в Женевских международных дискуссиях. В 2015 году с 1 августа по 31 декабря были проведены два раунда Женевских международных дискуссий (33-й и 34-й раунды), на которых специальный представитель службы государственной безопасности в составе 1 рабочей группы рассмотрел ситуацию с безопасностью в оккупированных регионах и прилегающих к линии оккупации районах.

В вышеприведенном фрагменте грузиноязычного текста в целях создания негативного образа России в политическом сегменте «отношения с Россией» доминируют конфликтно маркированные тексты, пронизанные концептуальными векторами опасности, агрессивности, оккупации. При этом автор/авторы анализируемого документа апеллируют к авторитету Женевских международных дискуссий по Закавказью, являющихся: «важнейшим международным форумом для обеспечения предсказуемости ситуации в регионе, а также поддержания прямого диалога Абхазии и Южной Осетии с Грузией» [12]. Так, в результате публичных выступлений с ежегодным отчетом главы службы государственной безопасности Грузии, направленных на массового адресата, в первую очередь на народ Грузии, среди населения страны образ России начал складываться в семантике «оккупанта», «агрессора».

Заключение. Проведенный анализ текстов дискурса спецслужб Грузии показал, что одним из самых доступных и эффективных способов достижения целей в описываемом типе дискурса является использование конфликтной и военной лексики, а также словосочетаний с отрицательной коннотацией (военная агрессия, наступательная военная техника, аннексия, оккупация, криминогенная обстановка и др.), обозначающих абсолютное зло, выражающих агрессию и противоправные действия по отношению к военному и коммуникативному оппоненту. Лексика, демонизирующая противника, представляет собой ту группу номинаций, которая и является одной из базовых для дискурса спецслужб. Она выступает эффективным средством для создания определенной модели интерпретации конкретного события и ориентирована на отражение национально-специфических особенностей представленности конфликта как дискурсе в целом, так и в дискурсе спецслужб в частности. Используемые языковые средства с заданным семантическим (в данном случае – негативным, конфликтным) значением для создания текстов определенного содержания в конкретной, в нашем случае конфликтной ситуации между двумя государствами придает дискурсу спецслужб мощный суггестивный, манипулятивный потенциал. Сложность идентификации коммуникативных способов формирования негативного образа России в дискурсе спецслужб Грузии заключается в возможности неоднозначного трактования результатов их применения, трудности выявления всех элементов манипуляционных действий, практически невозможного доказательства

манипулятивной предзаданности. В настоящее время, в условиях существующих конфликтов, а также с учетом исторического опыта ведения конфликтов и свершения разного рода революций, нагнетается негативная обстановка в мире, усугубляются конфликты путем дезинформации, пропаганды идей, ценностей, знаний. Соответственно, еще более актуализируется необходимость раскрывать механизмы использования мощного смыслового потенциала заложенного в знаках лингвокультур, которые в результате субъективных манипулятивных интерпретаций в дискурсе спецслужб способны превращаться в орудие пропаганды, дезинформации и дискредитации, а также выступать эффективным способом создания нужных образов и стереотипов.

Подобные исследования остаются актуальными и перспективными особенно в периоды обострения кризисного состояния в мире и необходимы для расширения способов противостояния идеологическому, вооруженному противнику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахметгареева О.Ф. Идеологический компонент военного дискурса / О.Ф. Ахметгареева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 27–33. – DOI 10.37482/2687-1505-V277. – EDN BILOST.
2. Держко Л.И. Военный дискурс как один из типов институционального дискурса / Л.И. Держко // Интернаука. – 2019. – № 9-1 (91). – С. 42–43. – EDN EBINTR.
3. Дуброва Ю.Ю. Структурно-содержательная специфика многокомпонентных терминов в военном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Дуброва Юлия Юрьевна. – М., 2015. – 24 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 331 с.
5. Логинов И.Е. Проблема сквернословия в военном дискурсе / И.Е. Логинов // Наука и военная безопасность. – 2019. – № 2 (17). – С. 126–129. – EDN YPFYBF.
6. Нередкова С.С. Военный дискурс Донбасса (на материале лингвистических экспертиз) / С.С. Нередкова // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. – 2022. – Т. 2, № 3. – С. 59–69. – DOI 10.24334/KBSU.2022.2.3.009. – EDN STVWTW.
7. Смирнов П.С. Военный дискурс как особый вид институционального дискурса / П.С. Смирнов, О.В. Байкова // Общество. Наука. Инновации (НПК-2023) : Сборник материалов XXIII Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, приуроченной к 60-летию ВятГУ. В 2-х томах, Киров, 12–22 апреля 2023 года. Том 1. – Киров: Вятский государственный университет, 2023. – С. 206–210. – EDN AUMXCO.
8. Соснина Л.В. Языковые особенности военного конфликта в медийном дискурсе / Л.В. Соснина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2021. – № 3. – С. 3–8. – EDN PKXIMY.
9. Уланов А.В. Элементы политического дискурса в русском военном дискурсе начала XX века (на материале анализа региональных текстов) / А.В. Уланов // Сибирский филологический журнал. – 2020. – № 1. – С. 278–289. – DOI 10.17223/18137083/70/22. – EDN QEGHWN.
10. Уланов А.В. Русский военный дискурс XIX – начала XX века: структура, специфика, эволюция : дис. ... д-ра филол. наук / А.В. Уланов. – Омск, 2014. – 494 с.
11. Фэй Ц. Лингвистические исследования военного дискурса в Китае: становление, современное состояние, перспективы развития / Ц. Фэй // Военно-филологический журнал. – 2023. – № 3. – С. 68–78. – EDN GCOPER.
12. Женевские дискуссии по Закавказью. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticskoe-dos-e/problematika (дата обращения: 03.03.2024).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

13. საქართველოს სახელმწიფო უსაფრთხოების სამსახურის ანგარიში. – Режим доступа: <http://ssg.gov.ge/en/page/aboutus/head> (дата обращения: 03.03.2024).

Поступила в редакцию 30.03.2024 г.

CONCEPT «OCCUPATION» IN MILITARY DISCOURSE

O.F. Akhmetgareeva

The article deals with communicative ways of forming the image of Russia in the discourse of the special services in modern Georgia in the context of the interstate conflict. The ways under study are actively used in the information war and are implemented through the tactics of creating an image of an occupier and an aggressor, which seems to be the highest form of discreditation. In the process of studying military texts, functioning in the discourse of special structures of Georgia, various methods and techniques have been used: analysis and synthesis, the method of continuous selection of lexical units of a certain thematic group, linguo-cultural analysis, historical commentary. In the course of the content analysis, the most frequent lexemes used by the authors of the texts to achieve a given pragmatic effect, namely, the formation at the recipient of certain stereotypes and attitudes towards Russia, have been identified in the texts under study. This study may be relevant for specialists engaged in the study of different types of discourse, national and linguo-cultural features of the discourse of the special services, which has not yet been described in scientific research, as well as for people interested in ways of creating at mass addressee negative images of a possible enemy.

Key words: information war, ideology, statehood, nationalism, special services, military discourse, discourse of special services, occupation, aggression.

Ахметгареева Оксана Федоровна.

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», г.
Люберцы, Российская Федерация.
Доцент кафедры иностранных языков.

ORCID 0000-0002-7010-3211

E-mail: oksanafed1979@mail.ru

Akhmetgareeva Oksana Fedorovna.

Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russian
Federation.
Associate Professor at Department of Foreign
Languages.

ORCID 0000-0002-7010-3211

E-mail: oksanafed1979@mail.ru

Научная статья
УДК 81'271:82-31Пушкин
DOI: 10.5281/zenodo.10987146

СПОСОБЫ ГАРМОНИЗАЦИИ В КОНФЛИКТНОЙ РЕЧЕВОЙ СИТУАЦИИ: НА МАТЕРИАЛЕ «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ» А.С. ПУШКИНА

© 2024 А.А. Коробейникова¹, Н.М. Дмитриева², Н.В. Егорова³

¹⁻³ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

¹ORCID 0009-0002-9683-2962

²ORCID 0000-0002-5860-5374

³ORCID 0009-0001-7841-1390

В работе рассматриваются способы гармонизации в «программных диалогах», «диалогах-спорах» романа «Капитанская дочка» А.С. Пушкина, представляющих интерес в аспекте речевой конфликтологии и гармонизации общения. Актуальность обусловлена необходимостью разработки теоретических основ и практических методик лингвистического исследования гармоничного и конфликтного социально-коммуникативного взаимодействия. Процесс исследования текстов осуществляется в рамках коммуникативно-речевого подхода, который основывается на постулировании текста художественного произведения как превращённой формы реальной действительности, когда грамматическая структура признаётся производной от семантической структуры, при придании речевым единицам статуса деятельности, а понятию ситуативности речи – статуса центрального понятия. В качестве методов исследования использованы научное наблюдение и лингвистическое описание, психолингвистический метод функционального описания речевого общения и модели коммуникативной ситуации, методы текстового и дискурсивного анализов. Сделаны выводы о способах изменения полемической коммуникативной координации в русло консентной коммуникативной координации с её последующим укоренением в зоне толерантного общения.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, «Капитанская дочка», речевая коммуникация, речевая конфликтология, гармонизация общения, коммуникативная координация, диалог, спор.

Для цитирования: Коробейникова А.А. Способы гармонизации в конфликтной речевой ситуации: на материале «Капитанской дочки» А.С. Пушкина / А.А. Коробейникова, Н.М. Дмитриева, Н.В. Егорова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 1. – С. 56-63. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.10987146>, <https://zenodo.org/records/10987146>.

Отечественная речевая конфликтология является относительно новой областью лингвистики, сосредоточенной на проблемах нормализации речевого поведения носителей русского языка. В настоящее время в анализе конфликтных ситуаций учёные чаще используют живую речь, акцентируя внимание на речевой агрессии, нарушении правил этикета, выявлении и описании конфликтогенов и т. п. [2, 3, 4, 7]. Важность изучения диалогов как коммуникативных актов, в том числе литературоведческих, определяется таким общекультурным фактором, как «дефицит общения, невозможность установления контакта человека с внешним миром» [14, с. 9]. «Такие проблемы, как одиночество в толпе, невозможность высказаться и неумение слушать, необходимость посредников для осуществления коммуникации, приобретают особо острое звучание в трудах психологов, социологов, становятся одной из главных тем современной литературы» [14, с. 9]. В условиях возрастающей напряжённости, тревожности и, как следствие, агрессивности современного общества исследования в области гармонизации коммуникативного поведения приобретают особую актуальность. Одним из путей повышения культуры общения является выбор образца

для подражания, то есть сознательный выбор в пользу следования норме речевого поведения. В данной работе акцентируется внимание на способах гармоничного общения с тем, чтобы продемонстрировать возможность грамотного речевого поведения в трудных жизненных обстоятельствах. 125-летие Александра Сергеевича Пушкина позволяет ещё раз обратиться к любимым произведениям в качестве материала исследования и рассмотреть их как образцы, известные каждому носителю русской речевой культуры.

Статья посвящена исследованию конфликтно и гармонично маркированных «программных диалогов» в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Актуальность работы определяется необходимостью разработки коммуникативных моделей гармонизации конфликтного общения, направленных на формирование толерантного коммуникативного поведения. Теоретическая значимость работы заключается в определении способов бесконфликтного общения и более глубоком понимании его природы и механизмов. Теоретической основой послужили результаты исследований речевого конфликта и гармонизации общения В.С. Третьяковой, русского разговорного диалога И.Н. Борисовой, теории и практики речевого воздействия И.А. Стернина, диалогов в «Капитанской дочке» Г.П. Макогоненко, нарративных коллизий пушкинской эпохи С.В. Савинкова, поэтики диалога и проблем общения в прозе А.С. Пушкина И.С. Юхновой.

Практическая ценность определяется тем, что полученные сведения могут быть применены как научно-методические материалы в рамках учебных дисциплин «Толерантная речевая коммуникация», «Лингвистические конфликтогены», «Русский язык и культура речи», при анализе романа «Капитанская дочка» на занятиях в вузе и школе, а также в процессе преподавания русского языка как иностранного.

«Капитанская дочка» вызывает неиссякаемый исследовательский интерес педагогов, историков, культурологов, краеведов, литературоведов, языковедов. В научное поле зрения попадали хронология народного восстания, мужские и женские образы, анализ авторской позиции и принципов повествования, однако остаётся малоизученной коммуникативная деятельность героев. «Между тем, как точно заметил А.Б. Есин, словесно-речевая деятельность людей оказывается «не менее важной и характерной для общей картины жизни, чем деятельность, воплощённая в поступке, предметном мире и социальном укладе. В речевой манере, в специфическом статусе слова и его функций, писателю открывается манера мышления о мире; слово опредмечивает мирозерцание, обнажает культурные доминанты бытия, эпохи, социального среза» [Цит. по: 15, с. 320]. В данной исторической повести диалогические отношения обусловлены процессами, происходящими в обществе, во внутреннем мире человека. Ведущим принципом выступает жизнеподобие и психологическая достоверность. Главные герои в выборе речевых стратегий исходят из собственных ценностных установок, внутреннего склада, социального положения, общепринятых норм поведения. Да, у Гринёва и Пугачёва разный социальный и культурный опыт, разный кругозор, но между ними есть речевое взаимодействие, которое можно расценивать как эффективное, поскольку собеседники достигли поставленных целей, не нарушив «коммуникативного равновесия» [10, с. 53].

Понимая художественный текст как «многомерную речевую систему» [6, с. 4], мы обратились к анализу конфликтных коммуникативных ситуаций в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка», которая представляет исключительную ценность для анализа русского разговорного диалога. Данное обстоятельство объясняется тем фактом, что в речевых дискурсах основное противоречие реализуется в диалоге через

речевое обращение, направленное на героя произведения и формируемое совокупностью описываемых обстоятельств. «Неречевое действие в таких дискурсах вытекает из речевого и подчинено ему» [6, с. 4]. По наблюдению Л.В. Малова, в анализируемом произведении «диалогические дискурсы группируются по типу речевого действия (сообщающий, вопросительный, побудительный), определяется распределение инициатив, что позволяет выявить авторскую интенцию. Так, например, из шести дискурсов, описывающих ситуацию с побудительным речевым действием (приказ), в качестве инициатора в пяти из них выступает Пугачёв и лишь в одном – Гринёв с побудительным речевым действием (просьба); в большинстве дискурсов инициатива принадлежит повествователю. Процесс субъективного восприятия предъявляемой автором ситуации заключается в определении её типа, основного противоречия и характера наилучшего разрешения речевого действия» [6, с. 4]. С точки зрения лингвистической прагматики данные речевые акты можно рассматривать как директивные, в которых побудительные интенции коммуникантов обуславливают их активное участие в диалогах.

Предварим описание ситуативного контекста определением речевого конфликта, данным В.С. Третьяковой: «Речевой конфликт представляет собой воплощение противостояния коммуникантов в коммуникативном событии, обусловленном психическими, социальными и этическими факторами, экстраполяция которых происходит в речевой ткани диалога» [11, с. 6]. Доказательством того, что коммуниканты находятся в конфликтной речевой ситуации, является также её соответствие всем выделенным В.С. Третьяковой параметрам: субъекты конфликта, противоположные позиции сторон по предмету речи, противоположные цели коммуникации [12, с. 127–128]. Действие разворачивается во время крестьянских волнений 1773 года на территории Белогорской крепости Оренбургской губернии. Изначально Пугачёв и Гринёв находятся в конфронтации: у них разные коммуникативные позиции, разный социальный, культурный и интеллектуальный опыт. Пугачёв – зрелый человек, мятежник, мошенник, самозванец, бунтовщик, Пётр Гринёв – юный офицер, природный дворянин. Пугачёву не удаётся заполучить в свои ряды Гринёва, а Петру Гринёву удаётся выручить невесту, что можно расценивать как соответственно недостижение и достижение коммуникативной цели. Комендант погибает, отказываясь признавать государем «вора и самозванца», а Пётр Гринёв остаётся жив. Рассмотрим данный исход событий с коммуникативной точки зрения. Для этого обратимся к анализу одного из «программных» диалогов Гринёва и Пугачёва в главе 8 «Незванный гость».

Г.П. Макогоненко пишет: «Это не мирные беседы, а конфликт, столкновение двух враждующих сторон – России дворянской и России народной, спор двух правд» [5, с. 128]. Неравенство проявляется и в инициативе разговора: в 8 главе Пугачёв зовёт Гринёва (инициатор готов к разговору – «хочу с тобою переговорить», Гринёв – не готов, для него разговор спонтанен), а в 11 главе Гринёв инициирует просьбу, Пугачёв не был готов к данной просьбе – «А по какому делу?». Тем не менее, их речевое взаимодействие характеризуется открытостью, отсутствием коммуникативных сбоев, собеседники выступают активными слушателями, воспринимают позицию «Другого», даже если не принимают её для себя. Более того, данный диалог вписывается в риторический идеал Сократа. Во-первых, каждый участник выступает активным субъектом собственной речи и мысли. Во-вторых, пытаются достичь определённого согласия по поводу смысла, цели и результатов общения. В-третьих, их основной целью является обнаружение истины. Чем же объясняется тот факт, что

зарождающийся в условиях конфликтной речевой ситуации диалог реализуется в конечном счёте в зоне толерантного общения? Ответ на этот вопрос поможет найти характеристика видов коммуникативной координации в русском разговорном диалоге, предложенная И.Н. Борисовой. В числе «коммуникативных координаций как многоаспектных характеристик согласованности речевых поступков в диалогическом взаимодействии» автор выделяет и описывает консентную, конформную, полемическую и конфликтную [1].

Итак, анализируемый диалог характеризуется следующими приметам.

1. Согласованностью коммуникативных интенций речевых поступков в интеракции, например, вопрос – ответ и просьба – отказ в выполнении просьбы:

«– Кто же я таков, по твоему разумению?»

– Бог тебя знает; но кто бы ни был, ты шутишь опасную шутку» [8, с. 43].

«– А коли отпущу, – сказал он, – так обещаешь ли по крайней мере против меня не служить?»

– Как могу тебе в этом обещаться? – отвечал я. – Сам знаешь, не моя воля: велят идти против тебя – пойду, делать нечего» [8, с. 43].

2. Ослабленной кооперативностью поведения, так как просьба – отказ её выполнять расцениваются как некооперативное поведение:

«– Послужи мне верой и правдою, и я тебя пожалую и в фельдмаршалы и в князья. Как ты думаешь?»

– Нет, – отвечал я с твёрдостью. – Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу» [8, с. 43].

3. Отсутствием солидарности модально-оценочных смыслов: оценки одного предмета речи расходятся. Коммуниканты придерживаются различных взглядов на вопрос о том, можно ли изменить, присягнув государю. Ярче всего данная характеристика коммуникативной координации представлена в диалоге героев из главы 11 «Мятежная слобода» (сказка старой калмычки):

«Орёл клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон, чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст! – Какова калмыцкая сказка?»

– Затейлива, – отвечал я ему. – Но жить убийством и разбоем значит по мне клевать мертвечину.

Пугачёв посмотрел на меня с удивлением и ничего не отвечал. Оба мы замолчали, погружаясь каждый в свои размышления» [8, с. 58].

4. Далее удивительным образом в конфликтном диалоге-споре проступают приметы консентной коммуникативной координации. Так, полемическая коммуникативная координация характеризуется нейтральной, с возможными отклонениями от унисонной, тональностью общения. Однако наблюдается не только отсутствие рассогласованности, но, напротив, чувствуется унисонность тональности общения как экспрессивная окраска эмоционального отношения коммуникантов к предмету речи и друг к другу: *«Наконец он засмеялся, и с такою непритворной весёлостью, что и я, глядя на него, стал смеяться, сам не зная чему»*.

5. Разговор героев характеризуется не разной степенью участия коммуникантов, а равноценным вкладом в развитие диалога. Данное наблюдение подтверждается количеством коммуникативных ходов: Пугачёв – 6, Гринёв – 4, при том, что инициатором диалога выступает Пугачёв (Глава 8 «Незванный гость») [8, с. 42–43].

6. Полемической коммуникативной координации свойственен нейтральный или не вполне гармоничный результат, однако в данном диалоге наблюдается положительный коммуникативный результат:

«– Голова моя в твоей власти: отпустишь меня – спасибо; казнишь – бог тебе судья; а я сказал тебе правду.

Моя искренность поразила Пугачёва.

– Так и быть, – сказал он, ударяя меня по плечу. – Казнить так казнить, миловать так миловать. Ступай себе на все четыре стороны и делай что хочешь» [8, с. 43].

Таким образом, «диалог-спор» Пугачёва и Гринёва в захваченной Белогорской крепости характеризуется полемической коммуникативной координацией, переходящей в консентную, и тем самым укореняющуюся в зоне толерантного общения.

Это произошло, на наш взгляд, за счёт следующих условий.

1. Отсутствие посредника в разговоре, которое минимизирует возможность коммуникативных сбоев, искажения смысла при отправке сообщения адресату.

2. Использование эмоционального отражения и демонстрации открытости как механизмов активного слушания (*«мы остались с глаза на глаз», «я засмеялся – он засмеялся», «так и быть – сказал он, ударяя меня по плечу»*).

3. Демонстрируя искреннюю заинтересованность в собеседнике, герои выбирают речь прямую. Пугачёв за открытость Гринёва не карает, а милует. «В конфликте между истинностью спонтанно выраженного чувства и истиной-долгом пушкинские герои неизменно следуют классицистической норме – они встают на сторону долга, который у Пушкина осмысливается как такой незыблемый порядок вещей, на котором мир держится» [Цит. по: 14, с. 5]. Отметим, что эта истинность пушкинского произведения укоренена в русской ментальности и служит убедительной мотивацией и для современных коммуникантов.

4. В столкновении двух правд Пугачёв и Гринёв выражают несогласие к предмету спора, при этом не вторгаются в личностную сферу, что отражается положительно на межличностной модальности и тональности диалога в целом.

5. В данном «поединке великодуший», «соревновании величий» [13], каждый возвышается над собой и каждый способствует возвышению другого, демонстрируя эмпатию как способность к переживанию тех эмоций, которые возникают у собеседника в диалоге, как способность представить себя на месте другого и понять его чувства, желания, намерения, идеи, поступки:

«– А коли отпущу, так пообещаешь ли по крайней мере против меня не служить?»

– Как могу я тебе в этом обещаться? Сам знаешь, не моя воля: велят идти против тебя – пойду, делать нечего. Ты теперь сам начальник; сам требуешь повиновения от своих.

Моя искренность поразила Пугачёва» [8, с. 43].

6. Использование укрупнения собеседника, комплиментарных речевых тактик:

«– Ах! Я было и забыл благодарить тебя за лошадь и за тулуп. Без тебя я не добрался бы до города и замёрз бы на дороге.

Уловка моя удалась. Пугачёв развеселился.

– Долг платежом красен, – сказал он, мигая и прищуриваясь» [8, с. 55].

«– Что говорят обо мне в Оренбурге? – спросил Пугачёв, помолчав немного.

– Да говорят, что с тобою сладить трудновато; нечего сказать: дал ты себя знать.

Лицо самозванца изобразило довольное самолюбие.

– Да! – сказал он с весёлым видом. – Я воюю хоть куда» [8, с. 57].

Проанализированные диалоги выполняют разные функции в произведении: изображают процесс общения, герои показываются в условиях коммуникации. При этом тип общения, воспроизведённый в романе, характеризует эпоху, время, особенности взаимодействия человека с миром. Жизненный уклад героев как типически-бытовых фигур реализуется посредством иллюстративной функции диалогов. Конфронтационное противостояние присутствовало в обществе во все времена, но как показывает исторический опыт, представленный, в частности, в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка», живое слово в сочетании с грамотным применением способов гармонизации общения позволяет выйти из конфликтного спора в зону толерантного общения.

Заметим, что степень авторитетности в разговоре у Пугачёва сильнее, ибо «в ту минуту был – власть, нет, больше – насилие, нет, больше – жизнь и смерть» [13], но, к чести Гринёва, это не помешало ему быть активным участником диалога и оказаться в выигрыше в посткоммуникативной фазе. Пётр Гринёв использовал модель «подыгрывания партнёру» [11, с. 32], суть которой заключается не в обострении отношений, а в сосредоточенности на себе и собеседнике. В этом случае применяются комплиментарные тактики и уступки, что в целом соотносится с максимумами вежливости Дж. Лича. Коммуникативное поведение молодого дворянина с мятежником характеризуется следующими гармонемами:

- отсутствием лексико-семантических (полисемии, омонимии) и лексических (обсценной и пейоративной лексики; оценочной лексики, негативно характеризующей собеседника, агнонимов) маркеров речевого конфликта;

- выбором и поддержанием одного уровня вежливости: обращение на «ты» к собеседнику как ориентация на адресата, исключающая необходимость в выборе и употреблении куртуазных титулов, воинских званий, имён;

- соответствием акций и речевых реакций (вопрос – ответ, просьба – отказ выполнения, просьба – согласие выполнить), несокрытие информации, истинные суждения, прямая речь Гринёва как прагматические маркеры гармонии.

Таким образом, описание речевого поведения в конфликтной речевой ситуации в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» позволило выделить успешные способы изменения полемической коммуникативной координации в направлении консентной с последующим укоренением в зоне толерантного общения. Полагаем, что результаты выполненного исследования способов гармонизации в конфликтной речевой ситуации вносят вклад в разработку теоретических основ и практических методик лингвистического исследования конфликтного и гармоничного социально-коммуникативного взаимодействия. Перспектива исследования видится в дальнейшем изучении стратегий речевого поведения главных героев реалистической прозы А.С. Пушкина с учётом ментальности как общей системы ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: зоны толерантного и нетолерантного общения / И.Н. Борисова // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр. / Отв. ред. Н.А. Купина и М.Б. Хомяков. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – С. 364–389.
2. Горелик П.Л. Речевая агрессия как стратегическая коммуникация / П.Л. Горелик, М.М. Русакова, Л.В. Куценко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – № 4

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-agressiya-kak-strategicheskaya-kommunikatsiya> (дата обращения: 26.03.2024).

3. Карабань Н.А. Речевая агрессия в интернет-общении / Н.А. Карабань, А.В. Дикарева // Филология: научные исследования. – 2018. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-agressiya-v-internet-obschenii> (дата обращения: 04.03.2024).

4. Кирик С.В. Нарушение норм культуры речи военнослужащих / С.В. Кирик // E-Scio. – 2021. – № 5 (56) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/narushenie-norm-kultury-rechi-voennosluzhaschih> (дата обращения: 04.03.2024).

5. Макогоненко Г.П. О диалогах в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=8115j29uOXO%3D&tabid=10183&ysclid=lukrkizow9340898241> (дата обращения: 08.03.2024).

6. Малов Л.В. Коммуникативно-речевая структура категории образа автора: (На материале романа А.С. Пушкина "Капитанская дочка"): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ун-т им. П. Лумумбы. – М., 1992. – 16 с.

7. Миронова Н.И. Лингвистический анализ конфликта: реакция на различные конфликтогены / Н.И. Миронова // Вопросы психолингвистики. – 2015. – № 26 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskiy-analiz-konflikta-reaktsiya-na-razlichnye-konfliktogeny> (дата обращения: 11.03.2024).

8. Пушкин А.С. Капитанская дочка: Роман / А.С. Пушкин. – М.: Современник, 1979. – 80 с.

9. Савинков С.В. Нарративные коллизии пушкинской эпохи: два сюжета / С.В. Савинков // Новый филологический вестник. – 2010. – № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/narrativnye-kollizii-pushkinskoy-epohi-dva-syuzheta> (дата обращения: 06.03.2024).

10. Стернин И.А. Основы речевого воздействия / И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2012. – 178 с.

11. Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / В.С. Третьякова / Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2003. – 35 с.

12. Третьякова В.С. Конфликт глазами лингвиста / В.С. Третьякова // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. научн. труд. / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 127–140.

13. Цветаева М.И. Пушкин и Пугачёв [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/proza/pushkin-i-pugachev.htm?ysclid=lunxezc7z6560327836> (дата обращения: 21.03.2024).

14. Юхнова И.С. Поэтика диалога и проблемы общения в прозе А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / И.С. Юхнова / Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2011. – 41 с.

15. Юхнова И.С. Общение и диалог в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина / И.С. Юхнова // Вестник ННГУ. – 2010. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschenie-i-dialog-v-kapitanskoy-dochke-a-s-pushkina> (дата обращения: 29.02.2024).

Поступила в редакцию 09.04.2024 г.

WAYS OF HARMONIZATION IN CONFLICT SPEECH SITUATION (CASE STUDY OF “CAPTAIN’S DAUGHTER” BY A.S. PUSHKIN)

A.A. Korobeynikova, N.M. Dmitrieva, N.V. Egorova

The paper focuses on the ways of harmonization in two programme dialogues, conflict argument dialogues in the novel “The Captain’s Daughter” by A.S. Pushkin, which are of research interest in the domains of speech conflictology and communication harmonization. The topicality of the research is accounted for by the need to provide theoretical grounds and applied methods for the linguistic analysis of conflict and harmonious social and communicative interaction. The text analysis was carried out within the framework of communication and speech approach. It is grounded on the approach to the belles-lettres text as a transformed version of the objective reality. It acknowledges a grammatical structure as a derived element of the semantic structure, with speech units acquiring the activity status and speech situationality becoming central. The research methods applied include observation and linguistic description, psycholinguistic method of functional description of

speech acts and communicative situation models, as well as methods of text and discourse analysis. The conclusions are made as to the ways of changing polemic communicative coordination into the domain of consent communicative coordination with its further development in the area of tolerant communication.

Key words: A.S. Pushkin, The Captain's Daughter, speech acts, speech conflictology, communication harmonization, communicative coordination, dialogue, argument.

Коробейникова Анна Александровна.

Кандидат филологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург, Российская Федерация.
Доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка.

ORCID 0009-0002-9683-2962

E-mail: SSSR2004@yandex.ru

Дмитриева Наталья Михайловна.

Доктор филологических наук.
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург, Российская Федерация.
Доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка.

ORCID 0000-0002-5860-5374

E-mail: dmitrieva1977@yandex.ru

Егорова Наталья Валентиновна.

Кандидат филологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург, Российская Федерация.
Доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка.

ORCID 0009-0001-7841-1390

E-mail: stella-env@yande.ru

Korobeynikova Anna Alexandrovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation.

Associate Professor at Department of Russian Philology and the Russian language Teaching methods.

ORCID 0009-0002-9683-2962

E-mail: SSSR2004@yandex.ru

Dmitrieva Natalia Mikhailovna.

Doctor of Philology.
Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation.

Associate Professor at Department of Russian Philology and the Russian language Teaching methods.

ORCID 0000-0002-5860-5374

E-mail: dmitrieva1977@yandex.ru

Egorova Natalia Valentinovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation.

Associate Professor at Department of Russian Philology and the Russian language Teaching methods.

ORCID 0009-0001-7841-1390

E-mail: stella-env@yande.ru

Научная статья

УДК 811.111+81'255+811.161.1

DOI: 10.5281/zenodo.10987917

ЛИНГВОТОКСИЧНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В ПЕРЕВОДАХ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ПСИХОЛОГИИ И САМОРАЗВИТИЮ

© 2024 *Т.В. Косолапова*

ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет»

ORCID 0000-0002-9940-0930

В статье рассматриваются случаи лингвотоксичных проявлений в тексте перевода с английского языка на русский язык научно-популярного произведения по психологии и саморазвитию. В ходе проведенного исследования текста перевода и его оригинала были отмечены многочисленные неоправданные лексические заимствования из английского языка, перенос английских слов в русскоязычный текст без перевода, токсичное словотворчество. В некоторых случаях научно-популярный стиль изложения материала был снижен за счет использования большого числа вульгаризмов. В целом перевод «подражает» оригиналу произведения, т.к. в переводе сохраняются те токсичные языковые элементы, которые присутствуют в исходном тексте. Однако в переводе также отмечаются случаи сознательного снижения научно-популярного стиля там, где в оригинальном произведении присутствует нейтральный стиль. Рассматривая текст перевода на русский язык научно-популярного произведения по психологии и саморазвитию исключительно в лингвистическом ключе, мы пришли к выводу, что текст данного произведения может быть крайне «лингвотоксичен», что, в целом, может исказить представление реципиентов о научно-популярном стиле изложения, а также оказывать негативное лингвистическое влияние на развитие русского языка.

Ключевые слова: лингвистическая безопасность, лингвоэкология, лингвотоксикология, научно-популярный стиль, письменный перевод.

Для цитирования: Косолапова Т.В. Лингвотоксичные проявления в переводах научно-популярной литературы по психологии и саморазвитию / Т.В. Косолапова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 1. – С. 64–72. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.10987917>, <https://zenodo.org/records/10990771>.

Введение. В настоящее время вопросы лингвистической безопасности в области текстов разных стилей и жанров волнуют многих лингвистов. **Лингвистическая безопасность** представляет собой «устойчивое состояние языка, при котором максимально полно обеспечивается его безопасное существование, сохранение целостности, способности к саморазвитию и самосовершенствованию, несмотря на неблагоприятное внутреннее и внешнее воздействие» [4, с. 68]. Лингвистическая безопасность связана по большей части с юриспруденцией и позволяет решать вопросы, относящиеся к случаям речевого хулиганства, нанесения речевых травм и увечий посредством слова, речевого мошенничества, манипуляций и прочих действий, являющихся правонарушениями. Проводятся многочисленные лингвистические экспертизы как письменных, так и устных текстов с целью выявления и анализа языковых единиц, которые потенциально могут нанести / нанесли вред человеку. Вместе с тем, язык является достаточно подвижной системой, на развитие и изменение которой оказывают влияние различные внешние воздействия (социального, политического, геополитического, экономического характера). В настоящее время вопросы обеспечения лингвистической безопасности, сохранности национального

русского языка как государственного и как языка международного общения прорабатываются на законодательном уровне.

В этой связи исследования вопросов обеспечения лингвистической безопасности русского языка весьма актуальны и в данном исследовании определяют его *цель*, которая заключается в выявлении типов лингвотоксичных элементов, присутствующих в русскоязычных переводах современных англоязычных произведений по психологии и саморазвитию. Важным составляющим здесь является попытка провести классификацию выявленных типов лингвотоксинов и описание их характерных языковых особенностей.

Материалом для исследования послужили англоязычная книга М. Мэнсона «The Subtle Art of Not Giving a F*ck: A Counterintuitive Approach to Living a Good Life» и её перевод на русский язык «Тонкое искусство пофигизма: Парадоксальный способ жить счастливо», выполненный переводчиком Г.Г. Ястребовым.

Основная часть. С понятием лингвистической безопасности тесно связаны такие понятия как лингвоэкология и лингвотоксикология. Лингвоэкология в некоторых исследованиях именуется «экология языка», «лингвистическая экология», «эколингвистика», что согласно мнению А.П. Сквородникова, создает чрезмерную избыточность терминологического аппарата. Они по своей сути не являются полностью синонимичными понятиями, т.к. имеют некоторые расхождения в предмете изучения [12, с. 13–14]. В настоящей статье мы будем придерживаться термина *лингвоэкология*, под которым мы подразумеваем «отрасль языкознания, предметом изучения которой является состояние языка как семиотической системы (его «семиотическое здоровье»), обусловленное социальными и другими экстралингвистическими факторами, влияющими негативно или позитивно на язык, языковое сознание и речевую культуру; пути и способы защиты языка от негативных влияний, с одной стороны, и его обогащения и развития, с другой» [15, с. 70]. Лингвоэкология рассматривает язык на всех его уровнях в аспектах оппозиции концептов «вредно / полезно», «перспективно / неперспективно» для его развития [12, с. 21]. Г.Г. Молчанова под лингвоэкологией понимает когнитивную науку о взаимоотношениях между языком и обществом, которая носит социальный характер, имеет физиологическую природу и подвергается сильному воздействию со стороны людей [8, с. 9]. А. Стибб придерживается понятия «эколингвистика», что, в целом характерно для большинства зарубежных лингвистов-исследователей в этой области, и отмечает, что данный термин используется для весьма широкого спектра лингвистических исследований: для описания взаимодействия разнообразных языков друг с другом; исследования текстов разных типов, которые формируют языковую среду и оказывают на неё влияние; для изучения аспектов обучения языкам в мультикультурных классах; исследования диалектов и языковых различий в разных географических условиях проживания народов [18, р. 9]. Данные лингвистические направления стремятся понять то, как язык формируется и взаимодействует с окружающей средой в тех или иных условиях.

А.Э. Иванов и А.С. Пытель отмечают, что с точки зрения экологии язык может изучаться в трех аспектах: интерлингвальном (многоязычие, исчезающие языки и диалекты), транслингвальном (вопросы экологии перевода и межкультурной коммуникации) и интралингвальном (нарушения логичности, выразительности, правильности речи) [6, с. 56]. Вне зависимости от аспекта изучения выделяются токсические признаки воздействия на язык, которые в той или иной степени отражают принцип воздействия на язык среды, в которой он развивается. Изучением языковых элементов, оказывающих токсичное деструктивное воздействие на язык и речь, занимается особый раздел лингвоэкологии – *лингвотоксикология*.

Языковые элементы, которые наносят вред коммуникативной системе и языковому сознанию носителей языка обозначены *лингвотоксинами*, оказывающими негативное влияние на «семиотическое здоровье» языка. А.П. Сковородников и Г.А. Копнина к таким явлениям относят [14]:

1) неоправданные иноязычные заимствования (например из англ. языка: *фейл, гёрла, краш, криндж* и т.д.);

2) «токсичное словотворчество» (например: *интеллектуха, интернет-помойка, журналята* и т.д.) [11, с. 163–165];

3) ярлыкообразование (например: *оккупанты, фашист* и т.д.);

4) вульгаризация языка / речи, т.е. внедрение этически и эстетически внелитературной лексики в литературный язык: инвективов, обценизмов, грубых жаргонизмов, арготизмов, просторечной лексики (например: *потреблябство, «размандачить», «Жёна (сокращенно от Жерар Депардьё)* и т.д.);

5) лингвоцинизмы, т.е. языковые единицы, представляющие собой отражение цинизма как пренебрежение морально-нравственным нормам (например: *«хэндехохма», сухой «супержертв»* и т.д.);

6) канцеляризация речи;

7) избыточная аббревиация [11, с. 166].

Е.В. Глинка к вышеперечисленным явлениям также относит неуместное частотное использование милитаризованной метафоры и военных жаргонизмов (например: *медицинский спецназ в действии, мобилизация духа*) [5, с. 403].

Лингвотоксины часто именуют «загрязнителями» языка и могут проявляться в текстах совершенно разных жанров и стилей. Безусловно самое большое число негативно влияющих на семиотическую систему языка языковых элементов выявляется в текстах публицистического стиля (в газетных и журнальных статьях, в текстах, представленных на Интернет-порталах). Однако их наличие прослеживается и в текстах художественного стиля и даже в научных и научно-популярных текстах. Г.Г. Молчанова отмечает, что лингвотоксичные элементы затрудняют / искажают коммуникативное воздействие, вызывают эколого-когнитивную асимметрию и могут оказывать влияние на психологическое и умственное состояние реципиента [8, с. 9]. А.А. Бернацкая в своем исследовании переводной художественной литературы отмечает наличие языковых признаков информационно-психологической войны, в рамках которой в иностранной литературе (в последнее время даже в отечественной) реализуются негативные языковые элементы, пагубно влияющие на стереотипы и представления о русских людях, русской истории и культуре [3].

Наиболее часто встречающимися лингвотоксинами являются иноязычные заимствования. По своей природе заимствования являются результатом естественного развития любого языка. Причинами для появлений заимствованных слов могут быть как необходимость дать номинацию новому явлению, предмету, процессу, так и введением «лингвистической моды» на то или иное слово или выражение, в особенности в разговорной речи. Мощным двигателем для внедрения заимствований в русский язык и речи является Интернет. Сами по себе заимствования не опасны для языковой среды, наоборот, обогащают ее и делают язык и речь более живой и подвижной. Однако, в некоторых случаях заимствования могут представлять угрозу. Так, Л.С. Белоусова полагает, что заимствования могут проявлять лингвотоксичное воздействие в случае, если есть ошибки в их употреблении или использование неоправданно [2, с. 22].

Н.А. Сребрянская отмечает, что заимствования, в особенности из английского языка в русский язык, могут представлять угрозу лингвистической безопасности

языковой среды в том случае, если используются как дань моде или в целях завуалировать неприятные / непонятные реципиенту языковые единицы. В первом случае, «модные» заимствования могут иметь аналогичные с русскими словами значения и составлять с ними дублиеты (например: *тьютор* и *наставник*). Во втором случае, заимствования выполняют функцию эвфемизмов, однако часто используются говорящими не только с целью смягчения неприятного значения, но и для того, чтобы придать значимости своей речи. Последний аспект вполне объясним ролью английского языка в глобальном развитии мира [16, с. 51–52]. Избыточное использование англицизмов является признаком слепого копирования иностранной лексики, которое определяется желанием говорящего казаться более современным, «чувствующим дух времени» [1, с. 577].

Рассматривая лингвотоксические элементы в транслингвальном аспекте мы сосредоточили свое внимание на переводных текстах научно-популярной литературы. В современной межкультурной коммуникации отмечаются тенденции использования лингвотоксичных элементов, которые начинают представлять лингвистическую угрозу для языковой среды. Так, Г.Г. Молчанова отмечает, что в переводах могут применяться стратегии прямого / скрытого манипулирования в процессе переводческой межкультурной адаптации, целью которых является имплицитное влияние на реципиента, что является явным нарушением экологии языка [8, с. 10].

Небывалый всплеск интереса к научно-популярной литературе совершенно разных тематик привел к появлению на книжном рынке огромного количества переводной с английского языка научно-популярной литературы. Научно-популярный стиль, будучи подстилем научного стиля, в настоящее время активно вбирает в себя элементы и черты публицистического стиля. Э.А. Лазаревич полагает, что научно-популярные тексты помимо коммуникативно-информационной функции, обладают еще функциями сообщения (в достаточно дозированной форме научной информации) и воздействия (убедить реципиента в верности суждения автора, дать целевые установки по разным социальным и психологическим вопросам) [7, с. 297].

Множество научно-популярных книг, переведенных с английского языка на русский язык привлекают к себе лингвистическое внимание и становятся объектом лингвистического исследования. В настоящей статье рассматривается перевод на русский язык научно-популярного произведения по психологии и саморазвитию *Марка Мэнсона «Тонкое искусство пофигизма. Парадоксальный способ жить счастливо»* [9] и его оригинальный англоязычный текст *«The Subtle Art of Not Giving a F*ck: A Counterintuitive Approach to Living a Good Life»* [17]. На официальном сайте издательства «Альпина Паблишер» дается такое описание к этой книге: «Эта книга о хорошем пофигизме – о парадоксальном способе достижения гармонии с собой и миром. Под человеком, обладающим таким «искусством», Мэнсон имеет в виду не равнодушную, а умеющую расставлять приоритеты личность. С помощью примеров из собственной жизни, истории и окружающей реальности тонко и ненавязчиво дает советы, как справиться с тем или иным раздражающим фактором» [10].

В ходе сопоставительного анализа текста перевода исследуемого произведения и его аутентичного текста на английском языке было выявлено 324 пары языковых примеров, которые могут быть отнесены к случаям проявления лингвотоксичности в тексте. Так, все отобранные пары языковых единиц были разделены на шесть групп:

1) неоправданные лексические заимствования из английского языка (34 языковые пары / 10,7 % от общего количества),

2) перенос английских слов в русскоязычный текст без перевода (28 языковых пар 8,6 % от общего количества),

3) токсичное словотворчество (27 языковых пар / 8,3 % от общего количества),

4) вульгаризация текста (94 языковые пары / 29 % от общего количества),

5) подражание сниженному стилю оригинала (89 языковых пар / 27,4 % от общего количества),

6) сознательное снижение нейтрального стиля оригинала при переводе до сниженной лексики (52 языковые пары / 16 % от общего количества).

Рассмотрим каждую группу более подробно:

1. Неоправданные лексические заимствования из английского языка (34 языковые пары).

Пример 1:

Понятно, что мне на это скажут: «Ты — сачок и лузер, который сам во всем виноват» [9, с. 57].

The common cultural narratives would tell me that I somehow failed myself, that I'm a quitter or a loser, that I just didn't "have it" [17, с. 64].

В английском толковом словаре представлено определение лексемы *loser* как «*a person who is incompetent or unable to succeed*» (пер. с англ. «некомпетентный человек, не способный преуспеть в чём-либо»). Словарь современного русского языка определяет слово «лузер» как «неудачник», что означает «несчастный, неудачливый человек». Предполагаем, что, если бы переводчик отказался от использования англицизма в переводе в пользу русского слова, перевод звучал бы более лингвоэкологично.

2. Перенос английских слов в русскоязычный текст без перевода (28 языковых пар).

Пример 2:

Если верить френдленте в Facebook, все живут так, что обзавидуешься [9, с. 8].

I mean, if you look at your Facebook feed, everybody there is having a fucking grand old time [17, с. 21].

Пример 3:

Счастье — это форма действия, активность. Оно не приходит само по себе и не обнаруживается по волшебству в «горячей десятке» статей из The Huffington Post или советах какого-то гуру или учителя [9, с. 26].

Happiness is therefore a form of action; it's an activity, not something that is passively bestowed upon you, not something that you magically discover in a top-ten article on the Huffington Post or from any specific guru or teacher [17, с. 47].

В примере 2 переводчик сознательно переносит англоязычную лексему *Facebook* в русский перевод, что может быть объяснено достаточно широким её распространением. Данная социальная сеть (принадлежит компании Meta Platforms, Inc., в настоящий момент запрещена на территории Российской Федерации) известна среди широкого круга пользователей сети Интернет. Относительно примера 3, в целом непонятно, по какой причине переводчик предпочел перенести лексему *The Huffington Post* в перевод. «Хаффингтон Пост» (англ. *HuffPost, The Huffington Post*) является американским интернет-изданием, агрегатором и блогом, который характеризуется как «популярный литеральный веб-сайт». С большой долей вероятности реципиенты, читающие исследуемую книгу М. Мэнсона, не знают о том, что из себя представляет данный ресурс, и к какому типу СМИ он относится. В этой связи мы полагаем, что перенос английских слов без их перевода и переводческого комментария в русский текст не оправдано и является признаком лингвотоксичности.

3. Токсичное словотворчество (27 языковых пар).

Пример 4:

Ощущаете себя хреново? Наплюйте на это. Скажите себе: «Да, мне хреново. Ну и что с того?» Вот вам и выход из заколдованного круга. Словно по взмаху волшебной палочки (палочки-на фиг-посылалочки) вы перестаете ненавидеть себя за то, что вам плохо [9, с. 9].

...you say to yourself, "I feel like shit, but who gives a fuck?" And then, as if sprinkled by magic fuckgiving fairy dust, you stop hating yourself for feeling so bad [17, с. 24].

Токсичное словотворчество нередкое явление в журнальных и газетных статьях общественно-политической тематики. Однако использованные окказионализмы зачастую носят негативную коннотацию и отражают отрицательное отношение автора к тому или иному явлению или к ситуации. В примере 4 в русском переводе отражено лексическое добавление нейтрального стиля («волшебная палочка»), далее в скобках переводчик приводит калькированную фразу, которая напрямую соотносится с оригиналом, образована по словообразовательным моделям русского языка и носит окказиональный характер.

4. Вульгаризация текста (94 языковые пары).

Пример 5:

Безразличные люди — жалкие неадекваты. Это диванные овощи и интернетные тролли [9, с. 13].

People who are indifferent are lame and scared. They're couch potatoes and Internet trolls [17, с. 42].

Пример 6:

А сейчас что? Вам на душе кошки на...али, а за пять минут на вас высыпались 350 фотографий, где люди абсолютно счастливы и живут в свое удовольствие (так их перетак). Возникает комплекс неполноценности [9, с. 10].

But now? Now if you feel like shit for even five minutes, you're bombarded with 350 images of people totally happy and having amazing fucking lives, and it's impossible to not feel like there's something wrong with you [17, с. 23].

В примере 5 представлены несколько лексем, которые подверглись вульгаризации при переводе. Так, словосочетание «*lame and scared*» (досл. с англ. «слабые, глупые и испуганные») при переводе заменено на «жалкие неадекваты». В «Словаре современного русского языка» уточняется, что «неадекват» (жарг.) обозначает человека не в здравом уме, душевнобольного, чудака, странного человека. В данном случае при переводе подобрана лексема не соответствующая по смыслу оригиналу. Словосочетания «*couch potatoes*» и «*Internet trolls*» переведены приёмом калькирования. В английском языке выражение «*couch potato*» означает «*a lazy and inactive person especially who spends a great deal of time watching television*» (перев. с англ. «ленивый, неактивный человек, который проводит очень много времени перед телевизором»). Перевод «диванный овощ» хоть и, в целом, передаёт общее значение, однако перекликается с лексемой «овощ», имеющей два словарных значения: 1. любой человек, тип (ирон.), 2. беспомощный больной, подключенный к какому-либо аппарату, от которого зависит его жизнь (мед. сленг, арг). В рассматриваемом русском предложении очевидно, что «овощ» используется в значении крайней степени пренебрежения, подразумевая человека больного, несамостоятельного, не в себе. Словосочетание «*Internet trolls*» переведено как «интернетные тролли». В «Большом толковом словаре русского языка» лексема «тролль» является жаргонизмом и обозначает «человека, скрывающегося под вымышленным именем с целью избежать ответственности за распространение ложных сведений, за создание ситуаций конфликта между участниками сетевой переписки». В этом примере одновременно

сочетаются как неоправданное использование англицизма, так и его использование для вульгаризации текста. Вероятно, перевод данного словосочетания как «интернет хамы» могло бы снизить общий негативный вульгарный оттенок переведенного предложения.

В примере 6 словосочетание «*if you feel like shit*» (досл. «если вы чувствуете себя дерьмово») переведено словосочетанием «вам на душе кошки на...али», которое безусловно обладает метафорическим значением. В английском языке словосочетание «*like shit*» означает «*very bad or very badly*» и имеет словарную помету «*vulgar*» (вульгарное). В русском языке фразеологизм «кошки скребут на душе» означает тоскливое, тревожное, тяжелое состояние. Однако в некоторых случаях для большего эмпатического воздействия в данном фразеологизме заменяется глагол «скребут» на крайне вульгарный вариант «на...али». Предполагаем, что при переводе можно было бы использовать вариант «если вы чувствуете себя дерьмово», который отражает сниженный стиль оригинала, однако не приводит к еще большей вульгаризации текста или выбрать вариант русского фразеологизма «кошки на душе скребут», значение которого понятно носителю русского языка и культуры.

5. Подражание сниженному стилю оригинала (89 языковых пар).

Пример 7:

Впоследствии, когда мне будет за двадцать, мой терапевт назовет это «настоящим травматическим дерьмом», и у меня уйдет десять с лишним лет на то, чтобы вылезти из него и стать менее эгоистичным и претенциозным ублюдком [9, с. 42].

My therapist in my twenties would later call this “some real traumatic shit,” and I would spend the next decade-and-change working on unraveling it and becoming less of a self-absorbed, entitled little prick [17, с. 74].

При лингвистическом исследовании текста оригинала было выявлено достаточно большое количество случаев использования сленга, жаргонизмов и вульгарных слов. Их наличие в тексте научно-популярного стиля считается недопустимым, т.к. противоречит жанрово-стилистическим особенностям данного стиля. Однако в англоязычных научно-популярных текстах авторы, стремясь максимально «приблизиться» к своему читателю сознательно снижают стиль повествования до разговорного, просторечного и даже вульгарного. В системе функциональных стилей русского языка научно-популярный подстиль формально относится к научному стилю, однако обладает некоторыми характеристиками публицистического стиля. В этой связи использование разговорных фраз допустимо, но в ограниченном количестве, а использование сниженной и обценной лексики недопустимо вообще. В исследуемом переводе выявлены случаи, когда вульгаризмы оригинала переведены аналогичными вульгаризмами, что говорит о явном нарушении использования стилеобразующих элементов текста.

6. Сознательное снижение нейтрального стиля оригинала при переводе до сниженной лексики (52 языковые пары).

Пример 8:

Однако все это — фуффло. Джимми был проходимцем и авантюристом, профессиональным паразитом, который сидел на шее у близких, втирая им байки про будущее технологическое величие. У инвесторов он получал отлуп за отлупом, но это не мешало ему спускать в барах и ресторанах не меньше денег, чем на свои «бизнес-идеи» [9, с. 34].

The catch was that Jimmy was also a total deadbeat—all talk and no walk. Stoned a majority of the time, and spending as much money in bars and fine restaurants as he did on his

“*business ideas,*” Jimmy was a *professional leech, living off his family’s hard-won money by spinning them as well as everybody else in the city on false ideas of future tech glory* [17, с. 54].

В настоящем исследовании данный аспект является наиболее показательным, несмотря на то что шестая группа занимает третье место по количеству выделенных примеров (после вулгаризации текста и подражания сниженному стилю оригинала). Приведенный пример ярко показывает, что в переводе используются лексические добавления, цель которых создать негативное отношение у читателей к описываемой в тексте ситуации. В оригинале присутствуют разговорные лексемы «*deadbeat*», которая означает «*someone who does not pay debts*» (пер. с англ. «должник»), «*be all talk (and no action)*» в значении «*talking about doing things but actually never doing them*» (пер. с англ. «быть болтуном»), «*stoned*» в значении «*drunk*» (пер. с англ. «пьяный») и «*leech*» (досл. пер. «пиявка, кровосос, кровопийца»), использованное здесь в переносном значении «*a hanger-on who seeks advantage or gain*» (пер. с англ. «приспешник, надоедливый поклонник, который ищет личную выгоду, паразит»). Помимо того, что в переводе используются аналогичные по степени сниженности лексемы, мы наблюдаем ряд лексических замен, отражающих перевод нейтральных выражений сниженными вариантами («*live off his family’s hard-won money*» переведена как «сидел на шее у близких»), а также лексические добавления сниженной лексики, отсутствующей в оригинале («фуфло»).

Выводы. Результаты проведенного исследования подтверждают наличие лингвотоксичных языковых элементов в тексте перевода научно-популярного текста по психологии и саморазвитию на русский язык. Во многом это обусловлено самим характером текста: наличие вулгарных слов, обсценизмов, разговорной и сниженной лексики. Однако перевод данного текста на русский язык не нейтрализует создаваемый эффект вулгаризации речи, но даже в некоторых случаях подражая стилю автора, усиливает негативный языковой эффект. Возможно данное произведение (ориентированное на широкий круг взрослых читателей) создает нужное для реципиентов психологическое воздействие, убеждая их в правильности высказанных автором мыслей и суждений. Вместе с тем, тот языковой материал, который используется как в тексте оригинала, так и в тексте перевода может создать отрицательное представление реципиентов о научно-популярном стиле, исказить их верное понимание психологических основ самореализации и наложить негативный отпечаток на их картину мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева В.Н. Англицизмы в русскоязычном медиапространстве / В.Н. Алексеева // Медиалингвистика. – Вып. 10. Язык в координатах массмедиа: мат-лы VII Междунар. Научн. Конференции (Санкт-Петербург, 28 июня – 1 июля 2023 г.) / науч. ред. Л.Р. Дускаева, отв. Ред. А.А. Малышев. – СПб: Медиапапир, 2023. – С. 575–580.
2. Белоусова Л.С. К проблеме экологии заимствованных слов в русском языке / Л.С. Белоусова // Научные известия. Серия «Филология». – 2019. – № 16. – С. 20–23.
3. Бернацкая А.А. Признаки информационно-психологической войны в переводной художественной литературе / А.А. Бернацкая // Экология языка и коммуникативная практика. – 2019. – № 4 (1). – С. 92–104.
4. Бирюкова Ю.Н. Лингвистическая безопасность и языковая политика в современном российском контексте / Ю.Н. Бирюкова // Правовая культура. – 2011. – № 2 (11). – С. 67–72.
5. Глинка Е.В. Лингвотоксичные явления в текстах современных СМИ / Е.В. Глинка // Медиалингвистика. – Вып. 10. Язык в координатах массмедиа: мат-лы VII Междунар. Научн. Конференции (Санкт-Петербург, 28 июня – 1 июля 2023 г.) / науч. ред. Л.Р. Дускаева, отв. Ред. А.А. Малышев. – СПб: Медиапапир, 2023. – С. 401–405.
6. Иванов А.Э. К определению понятия токсичности коммуникации: лингвоэкологический подход / А.Э. Иванов, А.С. Пытель // На перекрестке культур: единство языка, литературы и образования – III: сб. науч. ст. по материалам III Междунар. науч.-практ. Интернет-конф., 12–16 дек. 2022 г., Могилёв / под ред. А.К. Шевцовой. – Могилёв: МГУ имени А.А. Кулешова, 2023. – С. 55–58.

7. Лазаревич Э.А. С веком наравне. Популяризация науки в России. Книга. Газета. Журнал / Э.А. Лазаревич. – М.: Книга, 1984. – 384 с.
8. Молчанова Г.Г. Когнитивная лингвоэкология и лингвотоксичность: Как защитить язык от человека? / Г.Г. Молчанова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 2. – С. 7–14.
9. Мэнсон М. Тонкое искусство пофигизма: Парадоксальный способ жить счастливо / М. Мэнсон [пер. с англ.]. – М.: Альпина Паблицер, 2022. – 191 с.
10. Мэнсон М. Тонкое искусство пофигизма: Парадоксальный способ жить счастливо / М. Мэнсон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://alpinabook.ru/catalog/book-tonkoe-iskusstvo-pofigizma/> (дата обращения: 10.01.2024).
11. Рацибурская Л.В. Специфика воздействия в современном медийном словотворчестве / Л.В. Рацибурская, Н.А. Самыличева // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 2. – С. 162–167.
12. Сковородников А.П. О некоторых нерешенных вопросах теории лингвоэкологии / А.П. Сковородников // Политическая лингвистика. О некоторых нерешенных вопросах теории лингвоэкологии. – 2019. – № 5 (77). – С. 12–25. – DOI 10.26170/pl19-05-01.
13. Сковородников А.П. Экология языка и коммуникативная практика / А.П. Сковородников. – Режим доступа: http://ecoling.sfu-kras.ru/?page_id=6&lang=ru (дата обращения: 15.01.2024).
14. Сковородников А.П. Лингвотоксичные явления в речи и языке / А.П. Сковородников, Г.А. Копнина // Мир русского слова. – 2017. – № 3. – С. 28–32.
15. Солодовникова Н.Г. Эмотивный аспект лингвоэкологии / Н.Г. Солодовникова, Е.А. Сорокина // Лингвистика и образование. – 2021. – Том 1, № 3 (3). – С. 67–79.
16. Сребрянская Н.А. Моя коллекция «речевых уродов» на базе англицизмов / Н.А. Сребрянская // Экология языка и коммуникативная практика. – 2020. – № 1. – С. 47–55.
17. Manson M. The Subtle Art of Not Giving a F*ck: A Counterintuitive Approach to Living a Good Life / M. Manson. – New York: Harper Int., 2016. – 252 p.
18. Stibbe A. Ecolinguistics. Language, ecology and the stories we live by / A. Stibbe. – New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2015. – 219 p.

Поступила в редакцию 25.03.2024

LINGUOTOXIC MANIFESTATIONS IN TRANSLATIONS OF POPULAR SCIENCE LITERATURE ON PSYCHOLOGY AND SELF-DEVELOPMENT

T.V. Kosolapova

The article deals with cases of linguotoxic manifestations in the text of translation from English into Russian of the popular science work on psychology and self-development. In the course of the conducted research of the text of translation and its original English version numerous unjustified lexical borrowings from the English language, transfer of English words into the Russian text without translation, toxic word creation were noted. In some cases, the popular science style of presentation has been lowered at the expense of a large number of vulgarisms. On the whole, the translation “imitates” the original work, as the translation retains the toxic linguistic elements used in the original text. However, deliberate lowering of the popular science style has been traced in translations of some cases of neutral style of the original work. Considering the text of translation into Russian of the popular science work on psychology exclusively in a linguistic way, we have come to the conclusion that the text of this work can be extremely “linguotoxic”, which, in general, can distort the recipients’ perception of the popular science style of presentation, as well as have a negative linguistic impact on the development of the Russian language.

Key words: linguistic security, ecolinguistics, linguotoxicology, popular science style, translation.

Косолапова Татьяна Валерьевна.

Кандидат филологических наук.
ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»,
г. Самара, Российская Федерация.
Доцент кафедры английской филологии и
межкультурной коммуникации.
ORCID 0000-0002-9940-0930
E-mail: kosolapova@sgspu.ru

Kosolapova Tatyana Valeryevna.

Candidate of Philology.
Samara State University of Social Sciences and
Education, Samara, Russian Federation.
Associate Professor at Department of English
Philology and Cross-cultural Communication.

ORCID 0000-0002-9940-0930
E-mail: kosolapova@sgspu.ru

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.5281/zenodo.10987985

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ ‘НЕКРАСИВЫЙ’ В ГОВОРАХ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2024 *Е.В. Кузнецова*¹, *Е.В. Тишина*²

¹ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

²НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

¹ORCID 0000-0002-7669-4147

²ORCID 0009-0001-0419-5269

В статье рассматривается группа диалектных прилагательных со значением ‘некрасивый (о человеке)’, функционирующих в говорах Волгоградской области. Материал исследования представляет собой легенду одной из лингвогеографических карт «Лексического атласа Волгоградской области». Анализу подвергаются структурное и семантическое варьирование общерусских и диалектных лексем, характеризующих внешний вид человека, особо отмечаются случаи семантических преобразований лексем общерусского фонда в говорах региона. Выявляется место лексем в системе русского национального языка, взаимодействие и взаимопроникновение единиц разных подсистем. Делаются выводы о способах номинации, материал классифицируется в соответствии с критериями оценки, выраженной рассматриваемыми прилагательными. Анализируются средства выражения эмоциональности, оценки и экспрессивности в описываемых общерусских и диалектных словах.

Ключевые слова: диалектная лексика, диалектизм, диалектология, лексический атлас, Волгоградская область, эмоциональность лексики, оценочность в языке, экспрессивная лексика.

Для цитирования: Кузнецова Е.В. Прилагательные со значением ‘некрасивый’ в говорах Волгоградской области / Е.В. Кузнецова, Е.В. Тишина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 1. – С. 73–80. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.10987985>, <https://zenodo.org/records/10987985>.

Характеристика красоты или некрасивости является наиболее обобщенной и одновременно наиболее субъективной с точки зрения описания внешности человека. В ней ярко реализуются антропоцентричность как универсальная черта познавательного процесса и оценка, отражающая сформировавшееся у русского человека представление о внешней красоте человека.

Значение ‘некрасивый (о человеке)’ в диалектах номинируется лексемами, значительно более детально, чем в литературном языке, описывающими внешний вид человека, выражающими отношение народа к той или иной черте или грани некрасивости.

Материалом нашего исследования является диалектная лексика Волгоградской области, представленная на карте № 2005 «Некрасивый, невзрачный (о человеке)» электронного «Лексического атласа Волгоградской области» [6].

Карта № 2005 [4] содержит 40 прилагательных (существительные мы не рассматриваем в рамках этой статьи) с разным количеством фиксаций в районах региона (указываем в скобках): *аляпистый* (1), *безвидный* (5), *безобразный* (2), *дуренький* (2), *дурной* (10), *дурнохарий* (5), *дурнушный* (1), *кундюбенький* (1), *лядацкий* (1), *небаской* (4), *невзглядный* (4), *невзорный* (6), *невзрачный* (10), *невидкий* (3),

невидный (невидной) (4), *негарний* (1), *неказимый* (1), *неказистый* (4), *некрасивый* (11), *неладный* (1), *неприглядный* (5), *неприметный* (5), *нерожистый* (1), *несурожий* (1), *несуразный* (11), *несуражий* (1), *несурядный* (1), *неугожий* (1), *нехороший* (1), *никудашний* (4), *плюгавенький* (2), *плюгавый* (13), *поганный* (2), *поганенький* (1), *серый* (2), *скверный* (1), *страшный* (10), *страхотворный* (1), *чумарный* (1), *щуплый* (1).

Вся лексика, представленная на карте, является эмоционально-оценочной и экспрессивной, содержит отрицательную оценку номинируемого явления, указывает на отклонение от нормы, сложившейся в сознании носителей языка.

В атласе реализован недифференцированный подход к лексическому материалу, т.е. на карты, помимо диалектных, наносятся также общерусские наименования (все, что фиксируется в процессе сбора материала). Такой подход дает возможность видеть территориальные изменения в семантике слов общерусского лексического фонда, появление у них новых оттенков значений, новой сочетаемости, проследить специфику диалектных различий в лексике, помогает понять способы формирования нового функционала лексем в языке в целом. Половина лексем на карте – общерусские, в том числе разговорные и просторечные (по данным нормативных словарей).

Рассмотрим структурно-семантические и функциональные особенности лексем в соотношении с системой литературного языка. Самыми частотными на карте являются, конечно же, общерусские прилагательные. На первом месте по количеству фиксаций на карте (13 фиксаций по всей территории региона без четкого ареала) находится прилагательное *плюгавый*. В литературном языке *плюгавый* разг. презр. ‘невзрачный, жалкий на вид’ [11, III, с. 147]. Этимологи объединяют это прилагательное с глаголом *плюти* (плевать) и производным от него существительным *плюга* ‘противная’ [14, с. 344] или с названиями *плюгавка* ‘мышь, крыса’, *плюгавик* ‘гад, пресмыкающееся’ [11, III, с. 289]. В словаре В.И. Даля (словарная статья глагола *плювать*) дано значение этого прилагательного, более близкое к этимологическому: ‘мерзкий, гадкий, отвратительный, скверный; презренный; дрянной, плохой, невзрачный’ [2, III, с. 132]. Следовательно, исконно прилагательное *плюгавый* характеризовало объект неприятный, отвратительный и, как следствие, непривлекательный внешне. В литературном языке несколько стирается семантика неприязни и отвращения, более того, появляется сема ‘жалкий’. В нашем материале лексема фиксируется по сути с общерусским значением ‘невзрачный, некрасивый (о человеке)’.

Самая высокая частотность этого слова на карте показательна с точки зрения эмоциональности и экспрессивности речи. *Плюгавый* – не единственное общерусское наименование на карте. Далее по частотности следуют общерусские прилагательные *некрасивый* (11 фиксаций, повторяет формулировку вопроса, бытует по всей территории региона); *несуразный* (11 фиксаций), ср. лит. ‘нескладный (о фигуре человека)’ [11, II, с. 483]; *дурной* (10 фиксаций) ср. лит. ‘некрасивый, безобразный (о человеке)’ [11, I, с. 454]; *невзрачный* (10 фиксаций) ср. лит. ‘непривлекательный, некрасивый на вид’ [11, II, с. 426]; *страшный* (10 фиксаций) ср. лит. ‘пугающий своим безобразным видом, громадными размерами’ [11, IV, с. 284]. Тем не менее, эмоционально окрашенное, ярко негативно оценочное и экспрессивное прилагательное *плюгавый* фиксировалось при сборе материала чаще, поскольку и носители диалектов, и собиратели материала воспринимают его как более выразительное, более подходящее для отрицательного оценивания внешнего вида человека.

Яркий негатив корня этого слова несколько смягчается при помощи суффикса –еньк- в прилагательном *плюгавенький*. Это словообразовательная единица, образующая имена прилагательные с уменьшительным, ласкательным или пренебрежительным значениями, указывая обычно на меньшую или смягченную степень качества [3, с. 138].

Плюгавенький зафиксировано как параллельно функционирующее с *плюгавый* в одном из населенных пунктов Михайловского района Волгоградской области. В лексеме *плюгавенький* реализуется сема ‘жалкий’, выражается снисходительное или жалостливое отношение к человеку, которого природа не наделила внешней красотой. Среди перечисленных общерусских лексем в рассматриваемом значении сравниться со словом *плюгавый* по яркой эмоциональности и экспрессивности могут прилагательные *страшный* ‘пугающий своим безобразным видом, громадными размерами’ [11, IV, с. 284], *безобразный* ‘крайне некрасивый; уродливый’ [11, I, с. 74], *скверный* ‘вызывающий отвращение; мерзкий, гадкий’ [11, IV, с. 106], *поганый* разг. ‘мерзкий, отвратительный, скверный’ [11, III, с. 165]. Обращает на себя внимание, что на карте есть также лексема *поганенький*, также содержащая уменьшительно-ласкательный суффикс –еньк-, образующая с лексемой *поганый* пару, подобную *плюгавый – плюгавенький*. В нашем материале есть и третья подобная пара: *дурной – дурненький*. Прилагательные с суффиксом –еньк- смягчают резко негативную оценку, содержащуюся в корне слова и выражает снисходительное отношение к объекту оценивания. При этом, *плюгавый* и *плюгавенький* зафиксированы в одном и том же населенном пункте, т.е. функционируют параллельно, тогда как другие пары функционируют в разных населенных пунктах в пределах региона. Не исключено, что их пары просто не зафиксированы в процессе сбора материала.

На карте представлены слова с указанными выше общерусскими корнями, отличающиеся от нормативных эквивалентов составом аффиксов. Среди них есть и просторечные лексемы, и собственно диалектные, являющиеся ярким примером активности диалектного словообразования и словотворчества носителей говоров. Диалектизмы органично встраиваются в словообразовательные гнезда, дополняя общерусский лексический фонд.

Например, слова с корнем –дурн-: *дурненький, дурнохарий, дурнушный*. Лексема *дурнохарий*, имея в составе корень грубого просторечного слова *харя*, является еще более экспрессивной. СРНГ упоминает прилагательное *дурнохарий* со значением ‘некрасивый, безобразный’ [10, VIII, с. 271]. *Дурнушный* – более мягкое слово с точки зрения оценочности, видимо, образовано от разговорного *дурнушка* ‘некрасивая женщина, девочка’ [11, I, с. 454], в СРНГ и других диалектных словарях не зафиксировано, находится, возможно, на границе с просторечием или функционирует относительно недавно.

В материале карты видим прилагательные *несурожий, несуражий, несурядный*, вероятно, являющиеся словообразовательными вариантами общерусского *несуразный*. Мы не можем однозначно делать выводы о родстве этих слов, поскольку в науке нет единого мнения об их происхождении. Общность рассматриваемых лексем подтверждается материалами словаря Даля, он объединяет в одно гнездо лексемы *несуразный, несуразый, несуражий, несурожий* ‘некрасивый, неказистый, безобразный, неуклюжий, нестатный, нескладный’ [2, II, с. 538]; в отдельной словарной статье Даль дает прилагательное *несурядный* ‘неопрятный, непорядочный в одежде, стряпне и пр.’, *несуряжа* ‘неряха’ [2, II, с. 538]. М. Фасмер разводит происхождение слов *суразный* (*суразина* ‘успех, порядок в деле’ от *су* + *раз* ‘удар, порез’) и *суражий* ‘видный, привлекательный’ (от *су* + *ражий* ‘коренастый, сильный, крепкий, дородный’) [11, III, с. 432, с. 806] Эти лексемы и подобные им функционируют также в других русских диалектах, по данным СРНГ: *несурожий* ‘некрасивый’ Обоян. Курск., Ворон., Казан.; *несуражий* ‘некрасивый’ Порх. Пек.; *несурядный* ‘неприглядный, невзрачный’ Пинеж. Арх., ‘неопрятный’ Новоторж. Твер. [10, XXI, с. 168]. Скорее всего, в сознании современных носителей диалектов прилагательные *несуражий, несурядный*

ассоциируются с *несуразный* благодаря близким значениям, связанным с внешним видом человека (нескладный, неопрятный, неряшливый, а значит, некрасивый) и наличию начального сочетания звуков *несу-*. Не исключено, что прилагательное *несурожий* выбивается из этой группы и в сознании носителей диалекта может ассоциироваться со словом *рожса*. В материале есть также лексема *нерожистый*, которая косвенно подтверждает наше предположение: *несурожий, нерожистый*, значит, «*рожей не вышел*».

Общерусское прилагательное *невзрачный*, повторяющее формулировку вопроса карты, сопровождается на карте однокоренной диалектной лексемой *невзорный* (лексико-словообразовательный диалектизм). Родство слов подчеркивается Далем, поместившим обе лексемы в словарную статью лексемы *невзора*: *невзорный, невзрачный* ‘невидный, непригожий, неказистый, некрасивый, невзглядный; не много обещающий, по наружности’ [2, III, с. 505]. Литературная лексема *страшный* сопровождается однокоренным просторечным прилагательным *страхолюдный*, ‘безобразный, страшный на вид’. [11, IV, с. 284]. Общерусское прилагательное *неказистый* ‘некрасивый, непривлекательный на вид; невзрачный’ [11, II, с. 450] сопровождается лексико-словообразовательным диалектизмом *неказимый*.

На рассматриваемой карте есть еще несколько менее частотных общерусских прилагательных, семантика которых в диалектах расширяется, поскольку здесь они обозначают некрасивого человека. Тем самым эти лексемы дают возможность увидеть отношение говорящего к внешней красоте и некрасивости человека, понять, что именно считается некрасивым в народе. Например, прилагательное *неприметный* в литературном языке имеет значение ‘не выделяющийся среди других; невидный, непримечательный’ [11, II, с. 470]; *неприглядный* – лит. ‘непривлекательный на вид, невзрачный’ [11, II, с. 469]; *невидный* – лит. разг. ‘не выделяющийся среди других, незаметный, неприметный’ [11, II, с. 426]; *серый* – лит. ‘перен. ничем не примечательный, бедный содержанием’ [11, IV, с. 83]. Эти общерусские прилагательные, преобразуясь в говорах, позволяют сделать вывод о том, что, по мнению носителей диалектов, красивый человек выделяется из толпы, его сразу замечают, а отсутствие красоты делает человека незаметным, слившимся с толпой. Тот же смысл содержится и в диалектных словообразовательных вариантах указанных прилагательных: *безвидный, невидкий, невзглядный*. Эти лексемы с теми же значениями функционируют также в других диалектах русского языка: *невидкий* ‘неказистый, невзрачный’ Тамб., Пинеж. Арх. [10, XX, с. 313]; *невзглядный* ‘неприглядный, неказистый’ Калуж., Смол., Даль., Том. Тамб., Влад. [10, XX, с. 338]; *безвидный* ‘невзрачный, неказистый’ Даль, Перм. [10, II, с. 182]. Наличие их на диалектной карте Волгоградской области объясняется общей подвижностью диалектной лексики и переселенческим характером говоров региона. Указанные лексемы являются лексико-словообразовательными диалектизмами.

Зрительное восприятие, безусловно, является главным в понимании красоты и некрасивости человека, вследствие этого часть прилагательных мотивированы лексемами, связанными со зрением и видением: *безвидный, невзглядный, невзорный, невзрачный, невидкий, невидный (невидной), неприглядный*. Кроме того, все они при помощи префиксов *без-*, *не-*, *ни-* указывают на отсутствие какого-либо признака, свойственного красивому человеку или противоположность этому признаку [3, с. 83, с. 288]. В нашем материале 1 прилагательное с приставкой *ни-* (*никудашний*), 2 прилагательных с приставкой *без-* (*безвидный, безобразный*) и 20 – с приставкой *не-*: *небаской, невзглядный, невзорный, невзрачный, невидкий, невидный (невидной), негарний, неказимый, неказистый, некрасивый, неладный, неприглядный, неприметный, нерожистый, несурожий*,

несуразный, несуражий, несурядный, неугожий, нехороший. При этом большая часть этих прилагательных имеет в говорах региона соответствующие однокоренные общерусские или диалектные лексемы без этих префиксов. Ранее мы рассматривали прилагательные со значением ‘красивый (о человеке)’, среди которых были лексемы *баской, взглядный, видный, гарный, гожий, красивый, ладный, оказистый, приглядный, суразный, хороший*, функционирующие в Волгоградской области [5].

Например, *неладный* образовано от *ладный* в значении ‘красивый’, сравниваем его с *ладный* лит. разг. ‘хорошо сложенный, статный’ [11, II, с. 160] и понимаем, что некрасивым считается плохо сложенный, не статный человек. Так же образовано *невидный* (от *видный*, см. выше о значении). При этом, вопрос о статусе этих и других прилагательных (выше см. *неприметный, неприглядный, серый, никудышний*), имеющих в диалектах видоизмененные значения, остается открытым и требует дополнительного анализа. Дают ли право эти территориально закрепленные семантические оттенки считать упомянутые слова семантическими диалектизмами? Или тонкие и стертые метонимические переносы (как правило от причины к следствию) укладываются в рамки значений, сформулированных нормативными словарями? Сомнительный статус таких слов является ярким свидетельством развития русского языка, проницаемости границ его разных сфер и важной роли в этом развитии территориальных диалектов, бытующих в устной форме.

В таком же соотношении, как и вышеуказанные общерусские пары лексем *красивый* и *некрасивый* (просто констатируют наличие или отсутствие признака), находятся и собственно диалектные единицы, представленные в нашем материале. Например, собственно лексический диалектизм *небаской* образован от чрезвычайно широко распространенных в русских говорах *баский, баской* ‘красивый, хороший’ [10, II, с. 132]; *негарный* является производным от украинизма *гарный* ‘красивый, хороший’, также широко распространенного в русских говорах: *гарный*, ‘хороший, красивый’ Перм., Казан., Саратов., Даль., Орл., Курск. Смолен. Иссук-Кульск [10, VI, с. 147].

Прилагательное *неугожий*, в отличие от предыдущих, не имеет в говорах Волгоградской области прямого эквивалента без префикса *не-* с префиксом *-у*, здесь функционирует прилагательное *гожий* в значении ‘красивый’ [5]. Лексему *угожий* ‘удобный, пригодный, полезный, сручный, потребный’ упоминает Даль в своем словаре [2, IV, с. 467]. Она функционирует также в современных русских диалектах со значениями, не связанными с красотой человека: *угожий* ‘пригодный для использования, удобный для чего-л.’; ‘целебный (о воде в колодце)’; ‘приличный, достойный’; ‘положительный по многим качествам, хороший (о человеке)’ и др. [10, XLVI, с. 218]. Рассматриваемое в нашем материале прилагательное *неугожий* логично соотносить с просторечным *негожий* ‘негодный, такой, который нельзя употребить на что-либо, использовать для чего-либо’ [11, II, с. 432], с устаревшим *пригожий* ‘красивый, привлекательный’ ‘такой, какой годится, требуется; годный’ и с лит. *угождать* ‘удовлетворять кого-л., сделав что-л. приятное, нужное, желаемое’ [11, IV, с. 459]. Следовательно, некрасивый (*неугожий*) человек – это не только негодный, непригодный для чего-либо (для жизни, создания семьи, ведения хозяйства и пр.), но и человек, неприятный и грубый в общении. Кстати, о «практической непригодности» некрасивого человека говорит также реализованное в значении ‘некрасивый’ общерусское прилагательное *никудышний* (ср. лит. ‘никуда не годный, плохой’ [11, II, с. 499]).

О некрасивости человека в результате отсутствия здоровья, о нездоровой худобе говорят прилагательные *лядащий* (ср. с прост. *ледащий* ‘тщедушный, слабый’ [11, II, с. 170]) и *щуплый* разг. ‘слабосильный, хилый, худой’ [11, IV, с. 744]. Здесь реализуется

традиционное, глубинное представление русского народа о красоте как о здоровье и полноте тела, о здоровой красоте в сытости и достатке.

Диалектное прилагательное (лексико-словообразовательный диалектизм) *аляпистый* сравним с лит. *аляповатый* ‘грубый, некрасивый’ [11, I, с. 34]. Содержащийся в слове суффикс –ист- образует имена прилагательные с общим значением обладания чем-либо, нередко в большом количестве, или склонности к чему-либо, названному словами, от которых соответствующие имена прилагательные образованы [3, с. 211]. Экспрессивный суффикс, усиливает метафору (*аляповатый* – от *ляпать*), содержащуюся в корне прилагательного. Эта лексема, помимо словообразовательного отличия, в говорах имеет незначительное смещение в семантике корня: характеризует внешность человека в целом, а не отдельные части тела или аспекты внешности. Подобные нюансы мы описали выше у общерусских прилагательных.

На карте зафиксирован собственно лексический диалектизм *кундюбенький*. Снова обращает на себя внимание уменьшительно-ласкательный суффикс –еньк в составе этой лексемы, наличие которого указывает на возможное существование пары этого прилагательного без суффикса –еньк. В материалах Волгоградской области такая лексема, к сожалению, не зафиксирована, однако мы ее находим в материалах диалектных словарей с указанием на ее бытование в донских говорах. Ближайшее по значению употребление фиксируется в «Большом толковом словаре донского казачества»: *кундюбий* ‘невзрачный (о человеке)’ [1, с. 251]. И *кундюбенький*, и *кундюбий* функционируют, по данным словарей, в донских говорах также со значениями ‘кривенький’ Нижне-Дон., Дон [10, XVI, с. 92], ‘кривой, мелкий (об овощах)’ [1, с. 251; 7, с. 160]. Некрасивая внешность человека здесь объясняется нескладностью, непропорциональностью, кривизной тела, в том числе в результате болезни. Лексема *кундюбенький* зафиксирована в Новониколаевском районе Волгоградской области, который располагается как раз в западной части региона, на территории бытования донских говоров (бывшая территория Области Войска Донского до 1918 г.). Возможно, лексема *кундюбенький* сохраняется в диалектах, благодаря эмоциональной окраске, привносимой суффиксом (сема ‘жалкий’, которую мы отмечали в *поганенький*, *дурненький*, *плюгавенький*), поскольку внутренняя форма слова затемнена для современного носителя языка, и в лингвистической науке нет обоснованной версии происхождения этого слова.

В отличие от предыдущей лексемы, этимология прилагательного *чомарный* более ясна, хотя и вызывает дискуссии. Прилагательное является производным от *чомор*. По данным словаря М. Фасмера, *чомор* ‘леший’ (холмогорск.) вряд ли происходит от коми *t'šom* ‘чум, палатка’, предложенного ранее другими исследователями [11, IV, с. 372]. Лексема *чомор* (*чёмор*) функционирует в русских говорах также со значением ‘черт, бес, дьявол’ [9, с. 683; 13 с. 141; 2, IV, с. 589]. С.А. Мызников в «Русском диалектном этимологическом словаре» пишет, что бытующие в коми языке *чõмер* ‘черт, дьявол’, лужск-летск. *чомор* ‘скупец, скряга’, коми *чомор* ‘бранное слово’, среднесысол. *к чомõру* ‘к черту’, возможно родственны рассматриваемой диалектной лексеме. С.А. Мызников все же отмечает, что авторы «Краткого этимологического словаря коми языка» рассматривают их [указанные лексемы] (пояснение наше. – Е.К., Е.Т.) как рефлекс общепермского **č'õmer*, при его происхождении от *č'õt* ‘шалаш, клеть, лесная избушка’, по их мнению, исходным значением слова было, вероятно, ‘дух (бог) хозяйства’, ‘бог урожая, земледелия, семейного благополучия’; значения ‘хозяин дома, тещь’, ‘домовой’, ‘черт’ могут быть вторичными [8, с. 885]. Следовательно, *чоморный* – это ‘страшно некрасивый, вызывающий отвращение’, «страшный как черт / леший». Поскольку внутренняя форма слова скорее всего не ясна для носителей современных говоров, экспрессивность этого

прилагательного основывается не на семантике корня, а на фонетической оболочке слова, звукосочетании *чѣ*, которое ассоциируется со словами *черт, черный*.

Итак, с точки зрения критериев оценки красоты человека (или ее отсутствия) диалектные лексемы на анализируемой нами карте условно можно разделить на несколько групп. Во-первых, это оценка в аспекте зрительного восприятия: приятно или неприятно смотреть на человека (*безвидный, невзорный, невзрачный, неказистый* и др.), заметен ли человек, выделяется ли из толпы (*неприметный, неприглядный, невидный, серый* и др). Во второй группе лексем осуществляется оценка состояния тела человека, его пропорциональность, здоровье: *аляпистый, несуразный, неладный, кундюбенький, лядащий, щуплый* и др. К третьей группе отнесем лексемы, содержащие оценку пригодности человека для чего-либо: *неугожий, никудышный*. В отдельную группу можно выделить прилагательные содержащие резко отрицательную оценку объекта как чего-то неприятного и/или страшного, вызывающего отвращение: *безобразный, дурнохарий, поганный, плюгавый, скверный, страхолудный, чомарный* и др. Выше мы отметили, что именно такие резко оценочные и экспрессивные прилагательные имеют пары с уменьшительно-ласкательным суффиксом –еньк. Особняком стоят наименее экспрессивные прилагательные, при помощи словообразовательного средства (префикс не-) констатирующие отсутствие красоты: *некрасивый, небаской, негарний*.

Эмоции в рассмотренных прилагательных выражаются следующими средствами: изначально эмоционально окрашенный корень слова (*дурнохарий, поганный, страшный* и др); метафорически или метонимически переосмысленный в синхронии или диахронии и вследствие этого содержащий эмоцию корень слова (*аляпистый, лядащий, кундюбенький, чоморный, нерожистый, неказистый*); эмоционально-оценочный суффикс –еньк (*кундюбенький, плюгавенький, дурненький, поганенький*). Помимо эмоциональности, оценочность большей части лексем выражена при помощи префиксов не-, ни-, без-, указывающих на отклонение от нормы вследствие противоположности признакам красоты. Экспрессивности лексем способствуют суффикс –ист (*аляпистый*), сложение слов (*страхолудный, дурнохарий*).

Проанализировав материал лингвогеографической карты, мы увидели, что диалектное словообразование активно работает как с общерусскими, так и с диалектными же корнями. Лексическая система переселенческих говоров региона органично включает в себя и «перерабатывает» слова, пришедшие в говоры не только из литературного языка и просторечия, но и из других регионов, и из других языков. Недифференцированный подход к изучению лексической системы региона дает возможность видеть структурные, семантические, функциональные преобразования единиц языка, происходящие как в отдельной группе говоров, так и в языке в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой толковый словарь донского казачества: 18000 слов и устойчив. словосочетаний / Редкол.: В.И. Дегтярев и др. – Москва: Русские словари: Астрель: АСТ, 2003. – 608 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – Москва: Рус. яз., 2000. – Т. 1–4.
3. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: ок. 1900 словообразов. единиц. – 2-е изд., испр. / Т.Ф. Ефремова. – Москва: Астрель: АСТ, 2005. – 636 с.
4. Карта № 2005 «Некрасивый, невзрачный (о человеке)». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dialekt.vspu.ru/index.php?q=object/2005/> (дата обращения: 20.03.2024).
5. Кузнецова Е.В. Прилагательные со значением 'красивый' в говорах Волгоградской области: комплексный анализ / Е.В. Кузнецова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2022. – № 8 (171). – С. 101–105.

6. Лексический атлас Волгоградской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dialekt.vspu.ru/node/2/> (дата обращения: 20.03.2024).
7. Миртов А.В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Труды Северокавказской ассоциации научно-исследовательских институтов – № 58. / А.В. Миртов. – Ростов-на-Дону. – 1929.
8. Мызников С.А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов / С.А. Мызников. – Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2019. – 1076 с.
9. Словарь говоров Соликамского района Пермской области / Сост. О.П. Беляева; Под ред. Е.А. Голушковой; М-во просвещения РСФСР. Перм. гос. пед. ин-т. – Пермь, 1973. – 706 с.
10. Словарь русских народных говоров / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз., Словарный сектор. – Москва: Наука, 1965. – 2014. Вып. 1–47. (СРНГ)
11. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингв. исслед.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – Москва: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. – Т.1–4.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / Перевод с нем. и предисловие О.Н. Трубачёва / М. Фасмер. – Москва: Астрель: АСТ, 2007.
13. Фразеологический словарь русских говоров Сибири [Сост. Л.Г. Панин, Л.В. Петропавловская, А.И. Постнова, А.И. Федоров] / Под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1983. – 232 с.
14. Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. Изд. 2-е, испр. и доп. Под ред. чл.-кор. АН СССР С.Г. Бархударова / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. – Москва, Просвещение, 1971. – 542 с.

Поступила в редакцию 12.03.2024 г.

ADJECTIVES WITH MEANING ‘UGLY’ IN DIALECTS OF VOLGOGRAD REGION

E.V. Kuznetsova, E.V. Tishina

The article deals with a group of dialectal adjectives with the meaning ‘ugly (about a person)’, functioning in dialects of the Volgograd region. The research material is a legend of one of the linguogeographical maps of the “Lexical Atlas of the Volgograd Region”. The structural and semantic variation of all-Russian and dialectal lexemes that characterize the appearance of a person is analyzed. Cases of semantic transformations of lexemes of the all-Russian fund in dialects of the region are especially noted. The place of lexemes in the system of the Russian national language, the interaction and mutual penetration of units of different subsystems are revealed. Conclusions are drawn about the ways of nomination. The material is classified in accordance with the evaluation criteria expressed by the adjectives in question. The means of expressing emotionality, evaluation and expressiveness in the described all-Russian and dialectal words are analyzed.

Key words: dialectal vocabulary, dialectal word, dialectology, lexical atlas, Volgograd region, emotionality of vocabulary, evaluative language, expressive vocabulary.

Кузнецова Елена Валентиновна.

Кандидат филологических наук.
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», г. Волгоград, Российская Федерация.
Доцента кафедры русского языка и методики его преподавания.

ORCID 0000-0002-7669-4147.

E-mail: kev7-78@mail.ru

Тишина Елена Валерьевна.

Кандидат филологических наук.
НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия», г. Москва, Российская Федерация.
Доцент кафедры филологии.

ORCID 0009-0001-0419-5269.

E-mail: lena-tishina@yandex.ru

Kuznetsova Elena Valentinovna.

Candidate of Philology.
Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation.
Associate Professor at Department of Russian Language and Methods of Teaching it.

ORCID 0000-0002-7669-4147

E-mail: kev7-78@mail.ru

Tishina Elena Valerievna.

Candidate of Philology.
Moscow financial-industrial University "Synergy", Moscow, Russian Federation.
Associate Professor at Department of Philology.

ORCID 0009-0001-0419-5269

E-mail: lena-tishina@yandex.ru

Научная статья

УДК 82-1

DOI: 10.5281/zenodo.10990610

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕЦЕПЦИЯ
АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ВОЗРАСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ 1970–2000-Х ГОДОВ)**

© 2024 *Н.Е. Пономарева*

*ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
ORCID 0009-0006-4249-3984*

В работе рассматриваются функциональные и сематические особенности антропологического типа пространства в русской поэзии 1970–2000-х годов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью расширить и углубить научные представления о художественных признаках антропологического пространства в поэтическом дискурсе. В качестве материала исследования выбраны поэтические тексты ярких представителей литературного процесса второй половины XX – начала XXI века, чье творчество продолжает и обновляет заложенную в начале XX века традицию «семантической поэтики»: Инны Лиснянской, Ольги Седаковой, Беллы Ахмадулиной. Предметом изучения являются образы и мотивы, актуализирующие пространственные модели детства и старости в их различных смысловых корреляциях. Особое внимание уделяется образной структуре авторского биографического мифа как одного из главных источников художественной семантики пространственных моделей возраста, прежде всего топосов детства и старости. Представлены различные функционально-смысловые варианты биографического мифа в поэтическом сюжете, реализующем возрастные коннотации. Подробно анализируется оптический мотивный комплекс и морбуальный код, реализуемые в литературно-культурной парадигме антропологического пространства.

Ключевые слова: антропологическое пространство, топос детства, топос старости, биографический миф, локальный текст, геокультурное пространство, мифопоэтический топос, образ ребенка, визуальная апперцепция пространства, морбуальное пространство.

Для цитирования: Пономарева Н.Е. Художественная рецепция антропологического пространства возраста (на материале поэзии 1970-х – 2000-х годов) / Н.Е. Пономарева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 1. – С. 81–87. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.10990610>., <https://zenodo.org/records/10990610>.

Введение. Антропологический тип пространства в поэтическом тексте отличается устойчивым набором художественных признаков, особое место среди которых занимают возрастные характеристики пространственных моделей и образов. В художественном тексте традиционно выделяют образы и мотивы пространства возраста, соответствующие основным этапам жизни человека от момента его рождения до старости, а также периодам кризиса, знаменующим переход от одного возрастного периода к другому: детство, подростковый возраст, молодость, зрелость, пожилой возраст, старость и долгожительство. Наиболее маркированными в поэтической традиции являются топосы детства, юности, зрелости и старости. Причем между этими возрастными моделями устанавливается различная смысловая корреляция.

Основная часть. Поэтическая антропология возраста, как правило, формируется в тесном единстве с биографическим авторским мифом. Причем нередко репрезентация знаковых событий авторского мифа о собственном детстве, юности, старости моделируется образами и мотивами, связанными с определенным геокультурным пространством, ориентированным на образную модель конкретного

географического объекта. В связи с этим можно отдельно говорить о пространственных образах, реализующих различную возрастную семантику, в фокусе исследования категории локального текста [11], как «места памяти» [15, с. 39], которое «объединяет реальные исторические события, биографии его жителей и тексты» [6].

Ярким примером данному утверждению может служить творчество одной из ярчайших фигур поэзии 2-ой половины XX – начала XXI века Инны Лиснянской, в стихах которой обнаруживается очевидное соотношение между топосами возраста и геокультурными «ландшафтно-мифологическими» (Д.Н. Замятин) [5] признаками художественного пространства. Топос детства в поэзии Лиснянской прочно связан с моделью южного приморского пространства. Поэтесса родилась в 1928 году в Баку, ее детство и юность, опаленные военными годами, прошли на южном взморье, «в городе нефти, в тылу приморском» [9, с. 241]. Смысловыми узлами биографического мифосюжета о детстве являются в художественном мире поэта образ «морского берега» и мотив возвращения домой, интерпретируемые с учётом геокультурной специфики южного приморского пространства.

В поэзии Лиснянской образы южного геокультурного ландшафта формируют авторский миф о детстве как «утраченном рае» с типичными для этой мифопоэтической модели пространства образами и мотивами: соляная метафорика, образ морского берега, древесный мотив и т.д. Идеальный мир детских грёз, воплощённый в ранней поэзии в образах «дальнего моря», «дома в виноградной оправе», вновь возникает в стихах зрелого периода, однако обретает уже новые смысловые коннотации, связанные с философскими размышлениями поэта о жизни и смерти. Два удаленных на оси времени образа пространства – дом блаженного детства из ранней лирики и переделкинский Дом-Эдем – сквозной образ-символ поздней поэзии, – обретают обобщенно-метафорическое значение дома как вечного приюта, земного предела. Семантически значимой для поздних стихов поэта становится нейтрализация темпоральных характеристик возраста: «бег времени» остановлен в вечно длящемся мгновении настоящего:

*В этом доме, занесённом снегом,
В этом доме, оглушённом ветром,
Жизнь измеряю не времени бегом,
А стихотворным мерцающим метром.*

*В окнах метель — ни пройти, ни проехать, —
Ни пешехода и ни извоза...
С неба косматого — снежная перхоть...
Молодость — действие, а старость — грёза...*

(«Возраст», 2001) [9, с. 246]

Образ «заснеженного дома», «оглушенного ветром», комплекс зимней символики, статичность и замкнутость лирического пространства становятся не только характерными приметам топоса возраста старости («молодость – время, а старость – место»), но и особыми маркерами «геобиографии» [7] автора. Даже в поздних стихах Лиснянской окончательно не преодолевается кризис юности, связанный с расставанием с городом детства на южном взморье и переездом на «чужбину» – в «холодную», «заснеженную» столицу. Топос зрелости для лирической героини Лиснянской прочно связан с зимней метафорикой и городским ландшафтом. Закрепленная в литературной и культурной традиции семантическая модель геокультурной идентификации России как северной страны в стихах Лиснянской обретает новое прочтение – в свете авторского биографического мифа. Романтизированный мотив скитающегося на чужбине поэта в

зрелом творчестве Лиснянской трансформируется в сюжет о поиске и обретении вечного дома, вечного пристанища, и в итоге в архетипический сюжет пути. В этом ракурсе прочитывается и мотив сиротства, который нередко встречается в стихах 1990–2000-х годов. «Примирение с самой собой» смещается за границы земной реальности – «после жизни», а черты города детства и мотив возвращения домой обретают уже не конкретно-географическую, а скорее метафизическую окраску:

*После жизни сама с собой помирюсь
И увижу всю музыку в ре-мажоре, –
И тебя, сироту приютившая Русь,
И тебя, моя зыбка – азийское море.*
(2001) [9, с. 469]

Художественная семантика образов антропологического пространства, связанных с возрастными характеристиками человеческого бытия, безусловно определяется спецификой поэтического мира автора, особенностями его творческого метода. Нередко образы пространства, моделирующие возрастные характеристики, актуализируют в лирическом тексте обобщенно-символическое значение, отвлеченное от геокультурных и биографических примет художественного топоса. Так, в творчестве Ольги Седаковой образы пространства возраста (младенчество, детство, старость) прочитываются в русле культурно-мифологических и символических обобщений. Психофизические признаки, связанные с антропологической поэтикой возраста, практически не проникают в художественный мир Седаковой. Философская и христианская составляющие поэтического мышления Седаковой определяют особенности рецепции моделей и образов пространства в ее творчестве. «Метафизическая поэзия» [1] О. Седаковой – это продолжение вечной истории о пути человека к Богу. Философская доминанта творческого мышления поэта определяет специфику художественной рецепции образов антропологического пространства. Топос детства, как и топос старости в творчестве поэта может быть осмыслен не столько в контексте социально-исторической реальности, сколько в семантической парадигме литературно-культурной традиции.

Так, образ ребенка в его различных мифопоэтических вариантах (младенец/дитя/мальчик) и связанный с ним мотивный комплекс семьи и дома (отец/мать/Дом/Сад) эксплицируют у Седаковой универсальную архетипическую модель человеческого бытия, понимаемую в свете христианской антропологии и представлении о единой духовно-телесной природе человека. Лирический герой у Седаковой постигает осуществление своего «здесь-бытия» в «пространстве-между», на границе «горнего» и «дольнего». «Ребенок» в этом смысле реализует идею души, образа Божия в человеке («знаю, что душа – младенец, / младенец до последнего часа») [14] и соотносится с архетипом поэт-ребенок и мотивом игры. В стихотворении «Играющий ребенок» с помощью игровой метафоры воплощается идея таинственного высшего знания «Божественного ребенка» – поэта – о мире:

*Нет, не пустая мечта человеческим сердцем играет.
Знает ребенок, зачем он так странно утешен.
Чем он играет [14].*

«Оптический сюжет» становится ключом к пониманию важнейших тем и мотивов в поэтическом мире Ольги Седаковой. В целом можно говорить о феномене «визуальности» в аспекте изучения образов антропологического пространства в ее творчестве. В поэзии автора образный комплекс *слепота* - *зрение* соотносится не столько с возрастными антропологическими характеристиками возраста, сколько с темой высшей мудрости, обретением истины на пути человека к Богу. Визуальная апперцепция пространственных образов напрямую коррелирует в ее поэзии с двумя основными образами-архетипами –

детства и старости. Традиционно мотив слепоты, утраты зрения обусловлен морбуальным кодом антропологического пространства старости (как, например, в зрелой поэзии Арс. Тарковского, И. Лиснянской, С. Липкина).

В поэтической онтологии Седаковой мотив утраты зрения, слепоты, «больных глаз» прочитывается в религиозно-философском значении. Слепцом в стихах поэта может быть как ребенок, так и старик. Нередко образы детства и старости контаминируют в одном архетипическом сюжете, например, о «блудном сыне». В стихотворении-канцоне «Возвращение блудного сына» (1976–1978) образ поэта-ребенка интерпретируется на фоне широкого спектра библейских, литературных и культурных ассоциаций:

*И путь смущения и уничтоженья,
который, может быть, и я пройду –
но ты пройди, канцона. Если ж нет
в тебе терпенья – нет и нам прощенья,
и мы лепечем, как дитя в бреду,
и променяли хлеб на лебеду [14].*

Образ блудного сына прочитывается в стихотворении Седаковой с учетом морбуального кода мировой литературы и искусства. Лейтмотив слепоты становится обобщенной метафорой экзистенциальной пустоты современного человека, пребывающего в поиске истины, взыскующего небесный идеал сквозь мрак отчаяния и сомнения. Оптический образный комплекс проецируется на известный сюжет картины Рембрандта «Возвращение блудного сына». У Седаковой визуальный семантический комплекс отражает путь духовного преображения блудного сына – поэта с душой ребенка, прозревающего, «как дитя, когда оно горит в жару предновогодней скарлатины», «будущего узкие картины». Маркеры младенчества (колыбель) и старости (морщины) переданы в осязаемой конкретике жеста («трогает морщины на лице») и актуализирует семантику двойничества, которая отражает напряжённый духовный процесс поиска через самообъективацию своего Я в образе Другого. Согласно М.М. Бахтину, «выразить самого себя» – значит сделать себя «объектом для другого и для себя самого». «Самообъективация (в лирике, в исповеди и т.п.) как самоотчуждение и в какой-то мере преодоление. Объективируя себя (то есть вынося себя вовне), я получаю возможность подлинно диалогического отношения к себе самому» [4, с. 305; 318].

Своеобразие художественной семантики антропологического пространства возраста в поэтическом тексте определяется культурологической доминантой лирического образа. Эта тенденция очевидно прослеживается в творчестве поэтов, художественное мышление которых ориентировано на традицию «русской семантической поэтики», в рамках которой «слово, язык» осмысляются «в виде диахронической культурной парадигмы» [8, с. 47]. Ярким примером освоения и обновления этой традиции являются стихи Б. Ахмадулиной, раскрывающие различные грани темы детства с учетом авторского биографического мифа. Одна из форм лирической рефлексии поэта о детстве связана с темой материнства. Современными исследователями неоднократно отмечалось, что для лирической героини Ахмадулиной характерно редуцирование материнской ипостаси женщины-поэта. Вместе с тем необходимо учесть, что рецепция детско-материнской темы в стихах Ахмадулиной не может быть сведена исключительно к конфликтному столкновению двух ипостасей образа лирической героини – женщины-матери и женщины-поэта. В стихотворении «Что за мгновенье! Родное дитя...» (1973) образ ребенка обретает амбивалентную семантику, которая реализуется именно с учетом диалектического единства всех смысловых граней образа ребенка: ребенок – «родное дитя» и ребенок – «детище речи»

(дар/творчество). Образ поэта обретает статус медиатора между миром высших сфер (Творчества, Вдохновения, Поэзии) и повседневной реальностью, в которой «лютый младенец кричит за стеной» [2, с. 115]. Однако этими семантическими полюсами восприятие образа ребенка не исчерпывается. Тема творческой рефлексии раскрывается с помощью образа зеркального двойника и мотива слепоты-зрения. Сюжет стихотворения своеобразно перекликается с визуально-акустической образностью стихотворения Пушкина «Пророк», при этом у Ахмадулиной доминирует семантика утраты, что усиливает драматизм выбора лирической героини («гаснут два фосфорных пекла на лбу», «только маленькой гибели звук»). В свою очередь мотив зеркального отражения актуализирует тему «самоотчета-исповеди» (М.М. Бахтин), раскрывающей природу напряженной и мучительной рефлексии лирической героини, для которой дар материнства равнозначен дару поэтического вдохновения.

В статье М.С. Михайловой «“Таинственный ребенок”: дети и детское начало в поэзии Беллы Ахмадулиной» обозначена одна из особенностей пространства детства в лирике поэтессы: «Ребенок у Ахмадулиной – обитатель пограничного пространства, наполненного ожиданием чудес, это отражение ее “Я”, пытающегося слить воедино реальное и идеальное, внешнее и внутреннее» [12, с. 81–82]. Однако образ ребенка, который М.С. Михайлова справедливо рассматривает как проекцию образа лирической героини поэзии Ахмадулиной, обладает и автономной художественной семантикой. И это порождает в лирике поэтессы специфическую модель пространства, обусловленную принадлежностью к миру детства [13].

В поэзии Б. Ахмадулиной 1990-х годов образ ребенка представлен в романтико-символическом ключе: реальность воспринимается сквозь «магический кристалл» детского взгляда, способного удивляться и восхищаться грандиозным замыслом Творца. В стихотворении «Одевание ребенка» (1990) пространственный континуум сосредоточен вокруг образа ребенка. Структура пространства стихотворения организована таким образом, что образ ребенка становится не только семантическим центром лирического пространства, но и моделирует сами пространственные отношения. Сюжет развивается одновременно в двух модусах – центробежном и центростремительном, что определяет в свою очередь своеобразие субъектно-объектных отношений. Лирический субъект, начиная с 5-ой строфы, воспринимает окружающее пространство сквозь сознание ребенка, вплоть до полного отождествления себя с ним:

*Он смотрит вдаль, поверх услуг людских.
В разъятый пух продеты кисти, локти.
Побыть бы им. Недолго погостить
в обители его лилейной плоти.*

*Предаться воле и опеке сил
лелеющих. Их укачать зыбкой.
Сократься в нем. Перемешаться с ним.
Стать крапунком под рисовой присыпкой [3].*

Возникает характерный для творчества Ахмадулиной образ поэта-ребенка. Маркированный детским топосом морбуальный код интерпретируется с учетом широкого спектра литературных ассоциаций: «высокая болезнь» творчества, захватывающая всё существо поэта, уводящая его в волшебный мир грёз («Меня – набег недуга полонил. / Всю ночь во лбу несло и полыхало») [3]. Микрокосм ребенка и макрокосм Вселенной отражаются друг в друге, при этом их гармоничное единство актуализировано в архитектурно-живописных образах, последовательно расширяющих

сферы художественного пространства: Дом, Храм, Дворец, Город. Эти топосы воспроизводят структуру мифопоэтической модели пространства – как замкнутого концентрического пространства, изолированного от внешнего мира обывателей:

*Для посягательств прыткого ума
возбранны створки замкнутой вселенной.
Прочь, самозванец, званный, как чума,
тем, что сияло и звалось Сиеной [3].*

С помощью топоса города воспроизводится модель мира, воплощенная – творимая – в слове, тем самым реконструируется традиция средневековой модели мироздания с присущим ей символизмом пространственных образов. Для средневекового человека мир соотнесен с Книгой, «ибо и сама Вселенная – это как бы материализованная Библия» [10, с. 24].

Отметим, что для поэтического мира Ахмадулиной в целом характерна семиотическая обусловленность пространственных образов, рождающая представление о мире как о тексте. Символическим воплощением мира детства становится пространственная модель средневекового итальянского города Сиены. Городской свертхтекст, актуализированный характерными культурно-историческими маркерами (паланкин, опахал, зурна, гобелен) и знаковыми деталями геокультурного пространства (палаццо Пикколомини, площадь, водоем), в 9–10 строфах стихотворения обретает ярко выраженную темпоральную семантику. Примечательно, что топос города наделяется антропоморфными признаками. Образ «прелестной» Девы-Вечности, что «возлежит, изгибом плавным опершись на локоть», модифицирует семантику возраста (взрослый-ребенок) и самого времени, которое подвергается инверсии. Пространственно-временной континуум стихотворения соотносится, таким образом, с единым метатекстом культуры. В этом смысле посвящение А. Битову – своеобразный ключ к прочтению текста Ахмадулиной, принципиальной особенностью которого оказывается открытость и нелинейность внутренней структуры при кажущейся архитектурной завершенности, монолитности и замкнутости пространственной модели («водвинутость и вогнутость, покатошь, объятья нежно-каменный зажим»).

Заключение. Подводя итоги, отметим, что художественная рецепция антропологического пространства возраста в поэзии 1970–2000-х годов определяется спецификой авторского биографического мифа, который, в свою очередь, прочно связан с геокультурной матрицей пространственных образов и с литературно-культурным полем традиции в поэтической картине мира автора. Наиболее частотными и семантически значимыми оказываются пространственные модели детства и старости, которые реализуются в лирическом тексте с учетом художественной специфики авторского биографического мифа. Особую актуальность в контексте пространственной семантики возраста обретает визуальный образно-мотивный комплекс, а также морбуальный код русской литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С. Метафизическая поэзия как поэзия изумления / С. Аверинцев // Континент. – 2004. – № 120. – С. 397–399.
2. Ахмадулина Б.А. Стихотворения / Б.А. Ахмадулина. – М.: Профиздат, 2001. – 302 с.
3. Ахмадулина Б. Ларец и ключ. Вступительная статья Елены Шварц / Б. Ахмадулина // Арион. – 1995. – № 2. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/arion/1995/2/larecz-i-klyuch.html> (дата обращения: 07.03.2024).
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин; сост. С.Г. Бочаров; подгот. текста Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.

5. Замятин Д.Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства / Д.Н. Замятин. – М.: Аграф, 2004. – 512 с. – (Серия «Кабинет визуальной антропологии»).
6. Коркунов В. Локальный текст: к вопросу объединения исторического и биографического контекстов / В. Коркунов // Дети Ра. – 2014. – № 7 (117). – Режим доступа: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=10785&ysclid=lta84573qz186631239> (дата обращения: 01.03.2024).
7. Лавренова О.А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII – начала XX вв. (геокультурный аспект) / О.А. Лавренова. – М.: Институт Наследия, 1998. – 128 с.
8. Левин Ю.И. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма / Ю.И. Левин, Д.М. Сегал, Р.Д. Тименчик, В.Н. Топоров, Т.В. Цивьян // Russian literature. – 1974. – № 7/8. – Режим доступа: <https://gumilev.ru/author/521/> (дата обращения: 02.03.2024).
9. Лиснянская И. Одинокий дар: стихи; поэмы / И. Лиснянская. – М.: ОГИ, 2003. – 512 с.
10. Лихачёв Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст / Д.С. Лихачёв. – изд. 3-е, испр. и дополн. – М.: Согласие; Типография «Новости», 1998. – 356 с.
11. Люсый А.П. Русская литература как система локальных текстов: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.01 / Люсый А.П.; [Вологод. гос. ун-т]. – Вологда, 2017. – 27 с.
12. Михайлова М.С. «Таинственный ребенок»: дети и детское начало в поэзии Беллы Ахмадулиной // Вестн. Алт. гос. пед. академии. Сер.: Гуманитарные науки. – 2010. – Вып. 4. – С. 81–86.
13. Рябцева Н.Е. Пространство детства в ранней поэзии Беллы Ахмадулиной / Н.Е. Рябцева, Н.Е. Тропкина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 4 (147). – С. 215–219.
14. Сedaкова О. Стихи / О. Сedaкова. – М.: Эн Эф Кью / Ту Принт, 2001. – Режим доступа: <http://www.vavilon.ru/texts/sedakova1-05.html> (дата обращения: 01.03.2024).
15. Франция-память / Санкт-Петербургский гос. ун-т; [Пьер Нора и др; пер. с фр. Д. Хапаевой]. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. – 325 с.

Поступила в редакцию 09.03.2024 г.

ARTISTIC PERCEPTION OF ANTHROPOLOGICAL SPACE OF AGE (BASED ON POETRY OF THE 1970s – 2000s)

N.E. Ponomareva

The paper addresses functional and semantic peculiarities of the anthropological type of space in Russian poetry of the 1970s - 2000s. The relevance of the research is due to the need to expand and deepen scientific views on the artistic features of the anthropological space in the poetic genre. The research material includes poetic texts by prominent representatives of the literary process of the second half of the twentieth – early twenty-first century, whose work continues and renews the tradition of "semantic poetics" laid down in the early twentieth century. Among them are Inna Lisnyanskaya, Olga Sedakova, Bella Akhmadulina. The images and motifs that actualize spatial models of childhood and old age in their various semantic correlations make the subject matter of the study. A special attention is paid to the figurative structure of the author's biographical myth as one of the main sources of artistic semantics of spatial models of age, primarily toposes of childhood and old age. Various functional and semantic variants of the biographical myth in a poetic plot realizing age connotations are presented. The optical motif complex and the morbual code implemented in the literary and cultural paradigm of the anthropological space are analyzed in detail.

Key words: anthropological space, topos of childhood, topos of old age, biographical myth, local text, geocultural space, mythopoetic topos, image of a child, visual apperception of space, morbual space.

Пономарева Наталья Евгеньевна.

Кандидат филологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», г. Волгоград, Российская Федерация.
Доцент кафедры литературы и методики ее преподавания.
ORCID 0009-0006-4249-3984.
E-mail: ryabtzeva.natalya@mail.ru

Ponomareva Natalia Evgenievna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation.
Associate Professor at Department of Literature and Methods of its teaching.
ORCID 0009-0006-4249-3984.
E-mail: ryabtzeva.natalya@mail.ru

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.5281/zenodo.10995649

ЛЕКСИКА ОГРАНИЧЕННОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ В ТЕКСТАХ ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛОВ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ

© 2024 Ю.В. Щипанова¹, Н.В. Егорова², А.А. Полуфакина³

¹⁻³ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

¹ORCID 0009-0001-4099-9678

²ORCID 0000-0002-6707-5045

³ORCID 0009-0004-0728-6037

В настоящей статье рассматривается лексика ограниченного употребления, функционирующая в текстах авторских телеграм-каналов современных российских военных корреспондентов. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения внелитературных единиц вследствие интенсификации процесса их проникновения в нормализованную форму общенародного языка. В ходе исследования журналистских интернет-публикаций применялись различные методы и приемы: сплошная выборка, анализ, синтез и дифференциация лексем. Выявлено активное использование вульгаризмов, обсценной лексики, военных и политических жаргонизмов, сленгизмов (молодежных жаргонизмов), арготизмов; определены их основные лексико-семантические группы. Сделаны выводы о роли лексики ограниченного употребления в текстах телеграм-каналов военных корреспондентов: активное использование сниженных лексем способствует реализации информационной функции, созданию эффекта достоверности, служит эффективным способом трансляции личного отношения к событиям, людям, фактам, установления доверительного контакта с аудиторией, эмоционального воздействия на интернет-читателя.

Ключевые слова: лексика ограниченного употребления, внелитературная лексика, обсценная лексика, вульгаризм, жаргонизм, сленгизм, арготизм, лексико-семантическая группа, телеграм-канал.

Для цитирования: Щипанова Ю.В. Лексика ограниченного употребления в текстах Телеграм-каналов современных российских военных корреспондентов / Ю.В. Щипанова, Н.В. Егорова, А.А. Полуфакина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 1. – С. 88–98. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.10995649>, <https://zenodo.org/records/10995649>.

Процесс активного проникновения внелитературной лексики не только в устно-разговорную речь, но и в язык средств массовой информации и художественной литературы фиксируется учеными-русистами с конца 1980-х годов XX века. На современном этапе, в условиях глобальной информатизации общества и повышения роли масс-медиа, необходимо констатировать интенсификацию и расширение «интервенции» в литературный язык элементов, традиционно находящихся за его пределами. Уже не подлежит сомнению тот факт, что СМИ, являясь масштабной площадкой речепользования, диктуют языковую моду, способствуют созданию благоприятных условий для внедрения внелитературных элементов в практику рядового носителя языка. «Говоря о языковых процессах, пусковым механизмом которых служат масс-медиа, в первую очередь можно выделить следующие: 1) тенденция к размыванию чётких стилевых границ; 2) распространение норм разговорного стиля в базовом корпусе медиаречи (новости, информационная аналитика, комментарий); 3) тиражирование ошибочного речеупотребления (неправильное ударение, грамматические ошибки, неверная сочетаемость); 4) снижение

речевой нормы за счёт употребления в СМИ жаргонизмов, ненормативной лексики и т.д. [6, с. 14].

Научный интерес к «этиологии» внелитературных лексических единиц в публицистическом тексте, попытки их классификаций, лексикографического описания, изучение особенностей использования наблюдаются в работах многих современных исследователей языка: В.Д. Бондалетова [2], И.Р. Гальперина [3], М.В. Горбаневского, Ю.Н. Караулова, В.М. Шаклеина [4], В.С. Елистратова [7], О.П. Ермаковой, Е.А. Земской, Р.И. Розиной [8].

Целью настоящей работы является описание, классификация и анализ специфики употребления внелитературных лексем, функционирующих в текстах современных российских военных корреспондентов. Источником материала послужили телеграм-каналы «Репортер Руденко V» (<https://t.me/RtrDonetsk>), «Военкор Котенок» (<https://t.me/voenkorKotenok>), «Сладков +» (https://t.me/Sladkov_plus), «Военкор 1 Z 1 Лисицын ZOV-TV» (https://t.me/evgeniy_lisitsyn), «Kotsnews» (<https://t.me/sashakots>), «Поддубный Поддубный |Z|O|V| edition» (<https://t.me/epoddubny>).

Анализируя тексты телеграмм-постов, мы пришли к выводу, что речь современного российского военкора на лексическом уровне характеризуется наличием большого количества вульгаризмов, табуированных единиц, жаргонизмов, арготизмов. Активное использование сниженных лексем свидетельствует об их огромном эмоциональном потенциале, важной роли для установления доверительного контакта с аудиторией [9], определенном коммуникативном намерении [10], обострении субъективного начала. Кроме того, «употребление в материалах фронтовых репортажей сниженной лексики, несомненно, позволяет добиться еще одного важного для этого направления журналистики эффекта – достоверности» [1, с. 12].

Вульгаризмы, обценные наименования лица или события, употребляемые военными корреспондентами, в большинстве случаев фиксируются в текстах, содержащих характеристику противоположной стороны конфликта и актуальной военной ситуации. Цель использования подобной лексики в постах военкоров – демонстрация негативного отношения журналистов к представителям «чужих» сил, транслирование напряженности обстановки на фронте и в тылу, ее чрезмерного эмоционального накала: «Этот обстрел 100% квалифицируют как террористический акт, так как эти *сволочи* били по густонаселенной застройке»; «А террористам или грабителям был бы *кабздец*»; «Думающие понимают, что к этому *ублюдству* я не имею отношения»; «Франция *раздраконивает* Европу, чтоб сохранить как можно дольше украинский фронт основным, африканский вторичным»; «Наполеон к нам шел, но мы оказались в Париже. Так себе *интрижка*»; «Сначала это были малолетние *кретины* с зажигалками у трансформаторов, потом бабки с зеленкой на участках голосования, теперь эти пастухи с автоматами»; «Судя по тому, что хуситы режут подводный кабель, и совершенно без каких-то рефлексий сбивают американские разведывательные БПЛА, и *лупят* ракетами и дронами по американским кораблям, в йеменском диалекте арабского языка совершенно отсутствует идиома "красные линии"; «Вот они пошли без техники, потому что их, как я понимаю, начали *дрючить* за потерю всех этих иностранных броне-коробок, потом пошли пешком – ещё больше потери, но снова с техникой, снова пешком и, короче говоря, так и не удалось им взять Токмак».

Наиболее обширный пласт внелитературной лексики, используемой журналистами, составляют **военные жаргонизмы**. Анализ выявленных нами жаргонных лексем позволил отнести их к следующим лексико-семантическим группам:

а) наименования военнослужащих, воинских подразделений:

полосатые братья – десантники («Бой в лесу от наших полосатых братьев»);
мобики – мобилизованные («Я слышу иногда циничное выражение «мобики», я им всегда брезговал»);

железные каски – резервисты («Вон у нас в Донбассе были новобранцы, неумехи "Железные каски", а теперь это, подчеркиваю, крутые бойцы и командиры, воюющие блестяще»);

оркестр, музыканты, оркестр, оркестранты, вагнеровцы, вагнерá – бойцы ЧВК «Вагнер» («Музыканты-Вагнера двигаются вперед и сегодня удалось занять завод Востокмаш»; «Судите сами, соболев, пономарев и т.д., и т.п., весь этот прокисший творожок уже радостно закукарекал, сучил лапками и пускал слюну, опуская дифирамбы главе «оркестра», который шел на Москву»; «... честь и хвала оркестру за битву в Бахмуте»; «ЧВК "Вагнер" планирует вернуться в полевой лагерь в ЛНР, рассказал РИА Новости один из "вагнеровцев", присутствующих в Ростове»; «Поляки очень переживают из-за Вагнеров в Белоруссии и поэтому начали переброску войск к границам с Республикой»);

всушники – военнослужащие Вооруженных сил Украины («15 всушников сдались в плен»);

«немцы» – украинские военнослужащие, придерживающиеся националистических взглядов и использующие фашистскую символику («"Немцы" сидят, копают, шкереются, чего-то активно не предпринимают»);

укровермахт – украинские вооруженные силы («Лиховой был вынужден сообщать о всё новых территориальных потерях укровермахта»);

срочник – солдат срочной службы («Рассказывают историю о том, что в результате прорыва дрз на госгранице срочники приняли бой и понесли большие потери»);

сверчок, контрактник, контрабас – солдат-сверхсрочник, заключивший контракт с армией на несколько лет («Российская армия и контрабасы. Да-да. "Контрабасы", а раньше были "сверчки". Военнослужащие контрактной службы и сверхсрочники»; «"Контрабасы" – это не уничижительное слово, просто обозначение статуса. И это слово, кстати, употребляют теперь всё реже и реже. Потому, что в армии уже сплошные «контрабасы»; «Я не удивлюсь, что ССО противника уничтожили обычные бывшие "мобики", а сегодня уже контрактники»);

спецура – подразделения специального назначения («И огромный респект уже от нас лично Андрею с Павлом за нужные подарки пограничной спецуре»);

б) наименования военной техники, оружия, разного рода оборудования:

вундервафля (от «вундерваффе») – супероружие, как правило, западного производства («Украина выкатила "вундервафлю"»);

камикадзе, птичка – боевой дрон, квадрокоптер («Раньше просто кричали друг другу: «Коптер!!!». А теперь: «Птичка!». И тут варианты: БЛА-разведчик, либо БЛА с боеприпасом, сбрасывать на нас будет, либо камикадзе (ФПВ)»);

химари – американская реактивная система залпового огня M142 HIMARS («Мы бьем всё, что приближается к нашим рубежам, прорывов нет, настроение боевое, снарядов хватает, авиация наша работает, «Герани» летят, ПВО "химари" сбивает»);

кошка – немецкий танк «Леопард» («71-й полк 42-й дивизии 58-й армии ЮВО – гроза немецких "кошек"»);

буханка – автомобиль Ульяновского автозавода с индексами УАЗ-452/УАЗ-3741 и их модификации («Кому повезло, у тех Нива или буханка»);

ананаска (или ананасик) – американская противопехотная ручная граната МК 2 («Неразорвавшиеся снаряды на каждом шагу. Буквально. Американские. В основном суббоеприпасы, так называемые, "ананаски" (BLU)»);

три топора – буксируемая гаубица калибра 155 мм. М777 («Поражение очередных трех топоров при помощи "Ланцетов"»);

СУшка (сушка) – советский и российский многоцелевой самолет-истребитель («И, все-таки, открылась "СУшка", сбившая «китайский» самолет»);

шипучка, ядерка – ядерное оружие («Однако в любом случае это уже полноценные заряды, в то время как еще несколько лет назад предполагалось, что в обозримом будущем Иран может создать лишь "шипучку" – ядерное устройство с неполной цепной реакцией»);

арта – ствольная артиллерия («Пока арта долбит по Клевцеевке, но очень скоро это село полностью перейдет под наш контроль»);

лепесток – противопехотная фугасная мина ПФМ-1 («Минирует не только противопехотными лепестками»);

мангал – устройство из металлического «козырька» и решетки, устанавливаемое над башнями танков, БМП, артиллерийских самоходок, корпусами БТР и других военных машин для защиты от атак дронов («Кроме металлического мангала, от дронов сверху техники крепили шахтную резиноканевую ленту»);

в) наименования территорий, где происходят военные действия; военных объектов:

сафари – территория Украины для иностранных военных, приехавших убивать за деньги для развлечения («Обычно желание поучаствовать в сафари на русских заканчиваются попаданием в объемистый список утилизированных "иностранцев"»);

передок – передовая линия расположения войск действующей армии, непосредственно соприкасающихся с противником («Людей нет, обученных, мотивированных людей, которые шли бы следом и делали то же, что делают их братья на передке»);

ленточка – госграница; за ленточкой – на территории противника («Там много всего передано, но дроны, по словам ребят, сейчас нужнее всего. Их реальный дефицит, и в боях "на ленточке" они уходят в тираж очень быстро»);

серая зона – нейтральная полоса между сторонами боевых действий, образованная из-за отвода вооружений от линии соприкосновения («Взяли 2-3 села, но это вообще серая зона до "линии Сурувикина"»);

котел – окруженная территория, на которой находится противник («Украинским войскам до Крыма надо еще дойти сквозь нашу оборону, по степи, и не попасть в котел»);

располага – расположение военного подразделения («Ресурсы неофициальные, в т.ч. местные паблики, подтверждают прилет по располаге ВСУ»);

опорник – опорный пункт, ключевая точка в оборонительной боевой позиции, которая закрепляет общую линию обороны («Артемовское направление – занятие украинского опорника к северо-западу от Бахмута»);

г) наименования противников России:

бандерлог – украинский националист, последователь Степана Бандеры («Бандерлоги внесли Ким Чен Ына в базу "миротворца"»);

ждун – симпатизирующий Украине житель Донбасса и Новороссии («Если кто-то думает, что ждунуны – это чисто херсонская история, ничего подобного»);

заукраинец – человек, поддерживающий современную Украину, украинцев («Показательная история в Энергодаре: в девятиэтажке жили заукраинцы до мозга костей, с УГМ — украинством головного мозга, как у нас называют»);

укр, укроп – украинский военнослужащий («Здесь примерно такой же по сложности участок лбс, как и Победа — один в поле на большой дистанции, и он пока за украми»); «Укропы подтянули танк. Пытаемся завалить. Идёт бой»);

украонаци – украинский приверженец националистических взглядов («Ряд каналов, посвященных боевой работе в СВО и не только, вербально подняли «руки в гору», капитулируя перед вопросом – зачем противник/хохлы/украонаци кладут сотни своих жизней под русским Грайвороном?»);

свидомит (свидомый + содомит) – украинский националист, активный сторонник майдана, ориентации Украины на Запад и изоляции от России («Как я и предсказывал, первому недовольному свидомиту прострелили ногу»);

вырусь – человек русского происхождения, утративший русскую идентичность, предатель («Античеловеческое качество украонацизма никуда не делось, но страшно что его культивируют бывшие русские, т.н. вырусь»);

д) наименования способов ведения боевых действий:

мясная атака – маневр, заключающийся в открытом лобовом сближении с противником и сопровождающийся большим количеством потерь («Мне нравится, как там действуют наши командиры и сами штурмовики. Никаких "мясных атак"»);

мясной штурм – штурм силами пехоты без сопровождения артиллерии, без подавления огневых точек противника («Много говорят про мясные штурмы ВСУ, когда людей ведут фактически на убой, на заклание»);

охота – целенаправленное истребление противника («Артиллерия 150 мсд РФ отработала по координатам и охота была удачной»);

нахрюк – украинское наступление («Несмотря на такое большое количество задействованных сил и средств, противник находится там же, где и до нахрюка, разница лишь в том, что теперь его намного меньше»);

контрнахрюк – украинское контрнаступление («Отсюда и провалы в хохлячем "контрнахрюке", где в безумных атаках перемалываются тысячи людей и сжигается ржавое железо, что поставили с запада»);

накат – атака или тактическое наступление на какой-нибудь мелкий объект, занятый противником («Продолжаем накаты, чтобы восстановить утраченные позиции»);

е) названия действий, осуществляемых во время войны:

вешать люстры – использовать осветительные боеприпасы для освещения местности во время ночных боев или в условиях недостатка освещения («Над Киевским районом противник вешает "люстры"»);

отправить/кидать на мясо – отправить солдат на верную смерть («Боевик ВСУ сходил в контрнаступление на комбата "Анатолыча", который хотел отправить хлопчиков на мясо»);

затрофеить – взять, захватить в качестве трофея («Уже затрофеили системы мобильного интернета Скайлинк от Илона Маска»);

задвухсотить – убить («Задвухсотили его под Лисичанском»);

прибаранить/забаранить – убить («В Артемовске была найдена камера Гоу Про, на которой видно, как хохлы случайно прибаранили хохла»);

затрехсотить – ранить («В результате затрехсотили, как минимум, двоих»);

дать джазу – поддержать огнем из тяжелого вооружения («Ох, ... там на севере "дают Джазу"»);

зачистить – освободить от кого/чего-либо ненужного, постороннего, враждебного («ВС РФ расширили зону контроля в н.п. Тоненькое и зачистили часть посадок между н.п. Тоненькое и Орловка»);

долбить – настойчиво, в течение продолжительного времени атаковать противника («Наши их отрезали, всю ночь долбили "Чебурашку" и воинскую часть»);

обнулить – уничтожить («На одном из боевых дежурств его обнулil снайпер нашей роты Саня "Араб" и отжал у него крутую оптику»);

ж) названия физического состояния человека:

винегрет – труп человека, погибшего в результате взрыва боеприпаса («Контрастун» содомитов превратился в винегрет»; «Всушник сделался винегретом»);

двухсотый – погибший солдат: («Бандеровские паблики скептически оценивают ситуацию на этом направлении, сообщая о росте числа двухсотых»);

трехсотый – раненый солдат («Также наносится огневое поражение по лодкам, на которых противник пытается эвакуировать трехсотых и восполнить потери»).

Наряду с военными жаргонизмами российские журналисты активно используют лексемы, характерные для **молодежного жаргона (сленгизмы)**:

бэкграунд – прошлое человека («На иностранную подготовку отправляют молодых людей без татуировок и участия в наци-движениях в бэкграунде»);

фейк – недостоверная информация («Сообщения о взрывах в самом городе – фейк»);

фейковый – недостоверный, заведомо ложный («Оба видео, которые до этого разошлись по СМИ и тг-каналам, в итоге оказались фейковыми»);

фейкомет – источник (человек, канал, сайт) заведомо лживой, недостоверной информации («Здесь используют только проверенные документы, ссылаются на первоисточники и каждый день разбивают доводы фейкометов»);

фейкометчик – человек, распространяющий недостоверную информацию («Предполагаем, что "бойцы", вычисляют по IP диванных фейкометчиков и наведываются к ним с приветом»);

телега – кроссплатформенная система мгновенного обмена сообщениями (мессенджер) «Телеграм» («Эти фейковые сообщения, якобы мои, все гуляют и гуляют по телеге»);

инфа – информация («Была инфа, что "Охотник" даже применяли в зоне СВО»);

коммент – публичный комментарий к информационному сообщению, передаче в сети интернет («Многие побоялись прийти из-за угрозы быть мобилизованными и предпочли зигануть где-нибудь в комментах»);

шиза – то же, что шизофрения («Конечно, шиза, но шиза с конкретными планами на будущее»);

хайповать – поднимать ажиотаж вокруг чего-либо, подстёгивая интерес к чему-либо («Хватит хайповать на победах своих дедов и прадедов»);

хайпажор – тот, кто использует широко обсуждаемые темы, события ради привлечения внимания к себе («Потому что хайпажоры со стороны беспилотной авиации украины любят бить по эвакуационным группам наших войск, выдавая это за великую победу»);

пруф – доказательство («Вот и пруф по Николаеву подъехал»);

скрин – снимок экрана мобильного устройства или компьютера, сделанный с помощью стандартных средств или специальной программы («*Коллеги, спокойно, судя по всему, данный скрин – фейк*»);

вброс – целенаправленное распространение недостоверной информации («*В ведущих британских СМИ и на официальном сайте Букингемского дворца этой информации пока нет. Не исключен вброс*»);

инсайд – информация, известная определенному кругу лиц до публикации («*Это к разговору о многочисленных "инсайдах" контролируемых европейских СМИ*»);

пиар – целенаправленная популяризация чего/кого-либо («*С этой точки зрения селфи "в осажденной крепости" ничего не меняет, но это отличный пиар*»);

лайк – отметка некоторой публикации в социальной сети как понравившейся («*Русский солдат сражается, а не собирает лайки*»);

лайкать/лайкнуть – оценить публикацию, выразив одобрение («*Потом через суд снимаем с оставшихся в живых судимости, вручаю бумаги, фотографируемся, выкладываю в соцсетях – народ "лайкает"*»);

дизлайк – отметка некоторой публикации в социальной сети как не понравившейся («*Речь Байдена о России утонула в дизлайках*»);

дизлайкать – оценивать публикацию, выразив неодобрение («*Их задача – лайкать и дизлайкать, «бить в набат», в общем наводить информационный шорох по приказу кураторов*»);

спамить – рассылать корреспонденцию лицам, не выразившим желания её получить («*Их задача – спамить комментами*»);

перепостить – разместить повторно пост (сообщение, заметку в интернете), обычно чужой, с ссылкой на первоисточник («*К каналам, которые в погоне за лайками поспешили то видео перепостить – вопросы те же самые*»);

подписота – подписчики телеграмм-канала («*Тем временем украинские паблики ради лайков и подписоты решили запустить несколько фейковых тезисов, которых нет ни в самом выступлении Макрона, ни на аутентичных французских ресурсах*»);

озверин – психотропный лекарственный препарат, устраняющий страх, тревогу, аффективную напряжённость;

наестся озверину – начать вести себя агрессивно, провокационно («*Тема транквилизаторов и поддерживающих боевой потенциал веществ на войне большая и серьезная, и вовсе не такая отрицательная, как кажется. Но если речь идет о безжалостном массовом убийстве женщин, детей и безоружных штатских мужчин, с расстрелом сравнимым с акциями фашистов в СССР, то здесь применение так называемого "озверина" возможно*»);

банчить – спекулировать незаконным товаром или перепродавать запрещенный к продаже товар («*Я понимаю, что есть мотивация для торговли оружием, для того, чтоб "банчить" экипировкой и средствами защиты*»).

Речь современного российского военкора изобилует **аргоизмами**:

гнать порожняк – лгать, не обладая способностью нести ответственность за ложь («*Сергей Авакянц не тот человек, чтоб "спать в одном ботинке", он порожняк гнать не будет*»);

отвечать за базар – нести ответственность за сказанное, выполнять обещанное («*Заставлять конкретных людей отвечать за базар это прекрасно*»);

грохнуть – убить («*В частности, украинские военные открыто обсуждают в соцсетях (куда им шастать запрещено, но всем на это плевать), что Макрона на полном серьезе могли грохнуть*»);

вмазанный – человек, находящийся в состоянии наркотического опьянения («*Хотите вмазанного презика? Их есть у меня*»);

рубилowo – ожесточенная битва («*Идет рубилowo за позиции на сопках у города, что позволит взять его под плотный огневой контроль*»);

терпила – слабый человек, который не может постоять за себя («*Походу нацисты из «азов» терпила!!!*»);

петух – низшая каста заключенных («*Теперь петухи плачут и жалуется на бандитов*»);

кукарекать – высказывать мнение, вызывающее недовольство («*Послушайте, как один из терпил кукарекает*»);

отжать – отнять что-либо («*Румыны "отжали" Су-27 ВВС Украины*»);

нагнуть – поставить в зависимое и управляемое состояние, одержать верх («*Этих клоунов нагнули местные бандосы из Запорожья*»);

бабки – деньги («*...единственное, что их интересует – бабки*»);

отморозок – безнравственный, разнузданный, обычно молодой человек, способный бездумно совершать самые жестокие поступки («*Все харьковчане, включая отморозков из «Кракена», а также, как их называют, дуремаров из местных органов власти, признают, что подобного в Харькове не наблюдалось уже порядка двух лет*»);

лох педальный – глупый, недалекий человек («*Теракт совершили "лохи педальные"*»).

Арготизмы и сленгизмы в текстах военных корреспондентов нацелены не столько на установление контакта с читателем, сколько на создание особой экспрессивной атмосферы, способной эффективно воздействовать на аудиторию, вызывать необходимую эмоциональную реакцию на сообщение. Важно также отметить, что использование маргинальной лексики допускается только в текстах, тематика которых связана с описанием боевых действий, жестокости противника, что позволяет фронтовому журналисту выразить собственное, как правило, негативное, отношение к отдельному эпизоду или к происходящему на войне в целом.

Значительный пласт внелитературной лексики, используемой военкоровскими телеграм-каналами, составляют **политические жаргонизмы**. Анализ названных лексических единиц позволил нам выделить следующие лексико-семантические группы:

а) обозначение характера политической деятельности:

печеньки – подкуп оппозиционеров Госдепартаментом США в целях стимулирования антиправительственных выступлений («*Организованный «печеньками» майдан стал орать "Убей русского!"*»; «*Вместо оплаты действий украинских солдат – "печеньки Нуланд" и "европейская идея" и "защита Родины от очень плохого врага-соседа"*»; «*Да вот так: печеньки, палатки, баррикады, перестрелки, война*»);

б) наименования государственных деятелей и политиков:

дед Бидон, самоходный дед, сонный Джо, дед на перфокартах – президент США Д. Байден («*Деда Бидона не так тронула речь Зели, Байден просто сморкается во время речи Зеленского*»; «*Внезапный визит "Сонного Джо" на Украину состоялся*»);

обиженная ливерная колбаса, ливер, Олух Шольц – федеральный канцлер Германии О. Шольц («*Назвавший Шольца обиженной ливерной колбасой посол Мельник не жалеет об этом*»; «*Люди в Германии очень хотят воевать за Украину под Авдеевкой, но диктаторский режим ливерной колбасы Шольца не выпускает их*»);

«Ливер позорит всю Германию»; «Канцлер Германии Олук Шольц потребовал от России немедленно покинуть пятерку крупнейших экономик мира»);

Зеля, Зельц, наркоман, клоун, презик, Голобородько – президент Украины В. Зеленский («Версии разносились разные, вплоть до того что Зеля пал смертью храбрых»; «Петляет Зельц, латентно подтверждает, что стрелять можно. И правда, дерьмо – а не презик»; «В настоящий момент не могут определить ни в "офисе" наркомана Зеленского, ни в СБУ и СНБОУ»; «В своё время Ращук даже успела пропиарить бандеровская пропаганда, когда клоун вручил ему "Орден мужества"; «Ваши Голобородько соврёт, не дорого возьмёт»);

Порох – украинский государственный и политический деятель, олигарх, предприниматель, бывший президент Украины П. Порошенко («"Порох" рассчитывает, что Госдеп услышит это заявление и сделает правильные выводы»);

порохобот – сторонник политики П. Порошенко («Приблизительно такие методички будут массово разосланы всем порохоботам»);

мамкин пирожок – глава ГУР Украины К. Буданов («По ликвидации Буданова – ряд источников сообщает, что глава ГУР – «все» и в ближайшее время похороны <...> Никаких подтверждений ликвидации мамкиного пирожка пока нет»);

в) наименования людей по национальной принадлежности:

кацап, москаль – русский («А еще вспоминается Бандера-поппель, который после долгих ухаживаний и подходов со стороны Власова заявил, что "с погаными кацапами дел иметь не намерен"; «Так вот, абсолютное большинство тогда отвечало в том духе, что "яка разница, за кого москали, если они всё равно москали"»);

пиндос – американец («Русские все же в Афгане были куда мягче пиндосов, пусть и с идеологией, которая рассыпалась в прах...»);

мамбет – представитель тюркских народов (То же самое – в Казахстане: власти системно унижают РФ от присоединения к санкциям до активизации мамбетов и феминисток»);

хохол – украинец («Пока хохлы мечтают о новейшем западном вооружении, старый добрый ФАБ-1500 делает бум-бум в Красногоровке»);

рагуль – глупый, бескультурный представитель украинского народа («Но лезут только ради того, чтобы поднять дух своих приунывших рагулей и бывших русских иуд, да еще показать содомитам готовность принять новую военную помощь»);

англосакс, наглосакс – англичанин и американец («Эта трагическая дата даёт понять, насколько безжалостны англосаксы в достижении своих интересов»; «Не сомневайтесь, русские остановят и наглосаксов»);

пшек, лях – поляк («Из истории хорошо известно, что обидчивые бандеровцы любили резать не только "клятых москалей", но и "пшеков"; «Ну шо, Петя, помогли тебе твои ляхи?»);

лягушатник – француз («Макрону нужно объяснить, что Украина за сутки теряет более тысячи военных безвозвратно. Так что его две тысячи лягушатников, которых готовят для отправки на Украину, по сути на два дня интенсивных боев»);

г) наименования государств:

Уркаина – Украина («Территорию РФ обстреливают из миномётов, а мы до сих пор пугаем Уркаину в официальных заявлениях МО, что можем в ответ "нанести удар по центру принятия решений"»);

Мелкобритания – Великобритания («По форме это мягче, чем заявления ястребов из Мелкобритании»).

Проведенный нами анализ позволил прийти к следующим выводам:

1. Военные журналисты в текстах, размещаемых в авторских телеграм-каналах, активно используют лексику, ограниченную в употреблении: вульгаризмы, табуированные слова, жаргонизмы.

2. Наиболее обширный пласт внелитературной лексики в военкоровских текстах составляют жаргонизмы (военные, молодежные, политические) и арготизмы.

3. Активное использование сниженных лексем позволяет авторам текстов, посвященных острым злободневным проблемам, не только реализовать информационную функцию, но и передать свое отношение к описываемым событиям, людям, фактам, установить доверительный контакт с читателем, вызвать необходимый эмоциональный отклик аудитории.

Регулярное употребление внелитературной лексики в публичной коммуникации и несомненный успех подобной языковой медиапрактики у массовой аудитории вызывают закономерные опасения, что вульгаризация речи может нанести вред не только языку как коммуникативной системе, но и языковому сознанию носителей этого языка вплоть до трансформации их картины мира [11].

Однако похожие лингвотоксичные процессы русисты XX века фиксировали неоднократно [5], отмечая их интенсификацию в периоды глобальных исторических, социальных, идеологических трансформаций, когда сниженное словоупотребление в бытовой, информационной, литературно-художественной, политической сферах возникало как эмоциональная реакция на сложившуюся коммуникативную ситуацию.

В эпицентре внимания современного российского военкора события в России и мире, напряженность ситуации в зоне вооруженного конфликта, жестокость противника, страдания мирного населения – темы, требующие объективного освещения и вызывающие глубокие эмоциональные переживания. Именно в таких текстах мы фиксируем наибольшее количество лексем ограниченного употребления и считаем возможным сделать вывод о том, что их выбор определяется в значительной степени конкретной речевой ситуацией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амиров В.М. Сниженная лексика и эффект достоверности в современном военном репортаже / В. М. Амиров // Известия Уральского федерального университета. – 2015. – № 2. – С. 14-18.
2. Бондалетов В.Д. Арготизмы в словарях русского языка: Учеб. пособие к спецкурсу / В. Д. Бондалетов. – Рязань, 1987. – 85 с.
3. Гальперин И.Р. О термине «слэнг» / И.Р. Гальперин. // Вопросы языкознания. – 1956. – № 6. – С. 107-114.
4. Горбаневский М.В. Не говори шершавым языком: О нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ / М.В. Горбаневский, Ю.Н. Караулов, В.М. Шаклеин. – М.: Трэйвоис, 2000. – 272 с.
5. Грачев М.А. Третья волна / М.А. Грачев // Русская речь. – М., 1992. – № 4. – С. 61-64.
6. Добросклонская Т.Г. Язык средств массовой информации: учеб. пособие / Т.Г. Добросклонская. – М.: КДУ, 2008. – 116 с.
7. Елистратов В.С. Арго и культура / В.С. Елистратов. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – 231 с.
8. Ермакова О.П. Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона / О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Р.И. Розина. – М.: Азбуковник, 1999. – 320 с.
9. Мятешевская А.И. Сниженная лексика в СМИ: классификация, употребление, этнокультурные различия (на материале российских и британских газет) / А.И. Мятешевская. – Саратов, 2015. – С. 12-14.
10. Нецименко Г.П. К постановке проблемы «Язык как средство трансляции культуры» / Г.П. Нецименко. – Москва, 2000. – 123 с.
11. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Лингвотоксичные явления в речи и языке / А.П. Сковородников, Г.А. Копнина // Мир русского слова. – 2017 – № 3. – С. 28-32.

12. Солганик Г.Я. Язык современных СМИ / Г.Я. Солганик // Журналистика и культура русской речи. – 2004. – № 1. – С. 3-6.

Поступила в редакцию 31.03.2024 г.

VOCABULARY OF LIMITED USE IN TEXTS OF TELEGRAM CHANNELS
OF MODERN RUSSIAN WAR CORRESPONDENTS

Yu.V. Shchipanova, N.V. Egorova, A.A. Polufakina

The article addresses the vocabulary of limited use that functions in the texts of the author's telegram channels of modern Russian war correspondents. The relevance of the work is accounted for by the need of studying non-literary units due to their intensive penetration into the normalized form of the national language. In the course of the research of journalistic online publications, a number of various methods and techniques have been used, among them are continuous sampling, analysis, synthesis, and differentiation of lexical units. The active use of vulgarisms, obscene vocabulary, military and political jargonisms, slangisms (youth jargonisms), argotisms has been revealed. Their main lexical and semantic groups have been identified. Conclusions are drawn about the role of vocabulary of limited use in the texts of telegram channels of war correspondents. The active use of sub-standard lexemes contributes to the implementation of the information function, creates the effect of reliability, and serves as an effective way of broadcasting a personal attitude to the events portrayed.

Key words: vocabulary of limited use, non-literary vocabulary, obscene vocabulary, vulgarism, jargonism, slangism, argotism, lexico-semantic group, telegram channel.

Щипанова Юлия Владимировна.

Кандидат филологических наук.
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург, Российская Федерация.
Доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка.

ORCID 0009-0001-4099-9678

E-mail: yuliya_yuliya_77@mail.ru

Егорова Наталья Валентиновна.

Кандидат филологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург, Российская Федерация.
Доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка.

ORCID 0009-0001-7841-1390

E-mail: stella-env@yande.ru

Полуфакина Анжелика Александровна.

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург, Российская Федерация.
Студент.

ORCID 0009-0004-0728-6037

E-mail: apol1213@yandex.ru

Shchipanova Yulia Vladimirovna.

Candidate of Philology.
Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation.

Associate Professor at Department of Russian Philology and Teaching methods of the Russian language.

ORCID 0009-0001-4099-9678

E-mail: yuliya_yuliya_77@mail.ru

Egorova Natalia Valentinovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation.

Associate Professor at Department of Russian Philology and the Russian language Teaching methods.

ORCID 0009-0001-7841-1390

E-mail: stella-env@yande.ru

Polufakina Angelika Alexandrovna.

Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation.
Student.

ORCID 0009-0004-0728-6037

E-mail: apol1213@yandex.ru

Научная статья

УДК 82-992

DOI: 10.5281/zenodo.10996386

ПУТИ ЗЕМНЫЕ И ДУХОВНЫЕ: ПУТЕШЕСТВИЕ КАК ИМПУЛЬС ЛИЧНОСТНОЙ ЭВОЛЮЦИИ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЭТИКИ

© 2024 М.А. Губарева

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

ORCID 0009-0001-3618-6893

В статье рассматривается путешествие как мощный импульс духовной и душевной эволюции, определяется роль личностного начала в путевой прозе, а также прослеживаются этапы взаимодействия человека и пространства в контексте геопоэтики как пограничной дисциплины; выявляются основные закономерности духовной трансформации персонажа через понятия путь, событие и впечатление. Выявляется двуплановость путешествия, *выраженная в наличии внешнего и внутреннего плана произведения*. Определяется глубинная связь литературного путешествия с духовным поиском человека, его самоопределением и картиной мира. Также в данной работе рассмотрены многоаспектность и многозначность концепта «путь», определены его особенности в контексте геопоэтики, выявлены прямые и переносные значения «пути», определена роль концепта «путь» в становлении путешествия как жанра художественной литературы.

Ключевые слова: путешествие, геопоэтика, пространство, путь, маршрут, событие, дорожная ситуация, впечатление, эволюция персонажа, духовная трансформация.

Для цитирования: Губарева М.А. Пути земные и духовные: путешествие как импульс личностной эволюции в контексте геопоэтики / М.А. Губарева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 1. – С. 99–107. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.10996386>, <https://zenodo.org/records/10996386>

Известно, что путешествия в разнообразных формах – от паломничества, торговых, светских и дипломатических хождений до исключительно художественных произведений, с древности распространены как в русской, так и в зарубежной литературе. Путевая проза берет своё начало ещё в мифологических и фольклорных текстах, однако исследовательский интерес к ней в современном литературоведении лишь возрастает. Он обусловлен спецификой жанра, неразрывно связанной с развитием личностного начала и духовным становлением человека.

Внимание исследователей в значительной степени сосредоточено вокруг самого определения «путешествия», а также выявления его стержневых отличительных особенностей. Так, В.А. Михайлов [6] в путешествии подчеркивает значимость предмета изображения, В.А. Шачкова [10] особенно выделяет хронотоп дороги, В.М. Гуминский [3] акцентирует описательный аспект, мы же хотим обратить внимание на внутренний духовный и душевный отклик личности от полученных в путешествии впечатлений. А.А. Кораблёв справедливо замечает: «Поездка – это выбранное или вынужденное движение из пункта А в пункт Б, которое не является событием в жизненном сюжете. Путешествие – это всегда больше, чем перемещение в пространстве; это ещё и ответное, внутреннее движение – духовное, душевное, смысловое. Именно они делают поездку путешествием» [5, с. 136].

Концепт «путь» соотносится здесь с обоими терминами, однако реализует различные варианты своего значения: в случае поездки он соотносится в большей степени с маршрутом – заранее определенным планом следования, в случае

путешествия подразумевает не только внешнее, но и внутреннее движение героя, его ментальную трансформацию.

Понятие жизненный путь играет важнейшую роль в осмыслении путешествия как социокультурного феномена. Оно широко используется во многих научных дисциплинах – философии, психологии, философской антропологии, теории литературы и т.д. Д.А. Мордвина подчеркивает: «В словаре по психологии развития жизненный путь – это процесс индивидуального развития человека от рождения до смерти, <...> в философии термин жизненный путь также широко используется и, хотя специально он не вводился, жизнь человека рассматривается именно как его путь» [7, с. 65].

Многоаспектность концепта «путь» в связи с человеческим фактором наглядно отображена и в толковом словаре Д.Н. Ушакова: «Слово путь имеет два толкования: путь – полоса земли, служащая для передвижения (езды, ходьбы); дорога; путь – любое место, линия в пространстве, по которым, или в пределах которых производится передвижение, сообщение.

В приведенных значениях важно указание на то, что путь проходится кем – либо. Первое предполагает наличие человека, прокладывающего его, второе предполагает способ решения задачи, достижения цели, поэтому у пути в таком случае инструментально – технологическая роль [7, с. 64].

Концепт «путь» в значении духовной и душевной личностной трансформации реализуется ещё на архаическом этапе развития путевой прозы в мифологических и фольклорных текстах. Как известно, фольклор произошёл от мифологии. Следовательно, это более позднее явление, имеющее сходства с мифологическим сознанием, но обладающее определенной спецификой.

Главная особенность фольклорных текстов состоит в том, что они являются исторически первым художественным творчеством народа. Исследователь Д.К. Зеленин замечает: «Мифология – это исторически первая форма коллективного сознания народа, целостная картина мира, в которой элементы религиозного, практического, научного, художественного познания еще не различены и не обособлены друг от друга.

Фольклор – это исторически первое художественное коллективное творчество народа (словесное, словесно-музыкальное, хореографическое, драматическое), – но добавляет, – различия между мифологией и фольклором принципиальны, однако существенна и их генетическая общность:

1) фольклор развивается из мифологии и обязательно содержит в том или ином виде мифологические элементы;

2) в архаических социумах фольклор, как и мифология, носит коллективный характер, т.е. принадлежит сознанию всех членов определенного социума» [4, с. 7].

Таким образом, концепт «путь» и, как следствие, «путешествие» обретают дополнительные сакральные смыслы от наиболее ранних этапов развития человеческого сознания. Это происходит в силу аллегоричности восприятия многих обыденных вещей в мифологическом и, позднее, фольклорном контексте. Особенно примечательно данное наблюдение применительно к фольклору, как первому образцу собственно художественного творчества народа.

Мировоззрение во времена античности отличалось от современного синкретизмом восприятия: реальные сведения в понимании людей тесно переплетались с мифологическим сознанием. Дальние путешествия и новые открытия воспринимались через призму мифов и легенд и становились их частью. Так, в виде легенд и рассказов

сохранялись, умножались и передавались из поколения в поколение и географические знания, в результате чего точные описания и топонимы соседствуют в них с традиционными мифологическими сюжетами и образами.

К примеру, первыми мореходами, согласно мифам и легендам, считаются аргонавты, которые отправились на поиски золотого руна по Черному морю из Иолка в Колхиду на корабле «Арго». Любопытно, что, по мнению ряда авторов, в путь отправился не один корабль, а целый флот. Вместе они переплыли море, посетили удивительные земли и преодолели на своём пути множество препятствий.

В фольклорных же произведениях понятие «пространство», как правило, носит вымышленный, или же сакрально-аллегорический характер и мало соотносится с реальными географическими объектами. Тем не менее, сам принцип путешествия, как и его структура, остаются неизменными. Художественная литература также может прибегать к символизму и аллегории, изображая ситуацию путешествия в вымышленном пространстве. Ключевым понятием, однако, и в этом случае остается «путь».

Так, обращаясь к современным текстам путевой прозы, мы наблюдаем схожую ситуацию: путешествие неизменно меняет героя – его личность, взгляды, мировоззрение. В некотором смысле, странствие героя в путешествии символизирует весь его жизненный путь с той лишь разницей, что сегодня путевая проза все больше связана с реально существующим пространством: поскольку эмоции и чувства трансформируются в мысли и выводы, путешествие выступает для человека, в определённой степени, «школой жизни». По возвращении домой, он уже не таков, каким был раньше: меняются некоторые взгляды, мироощущение, значительно расширяется культурная картина мира, возрастает интерес к себе как личности.

И.Л. Беккер резюмирует: «Истинное путешествие – это духовная деятельность по достижению чего-то нового, ранее неизвестного и неизведанного – того, что изменяет жизнь человека, выводит его за грань обыденности, гармонизирует его взаимоотношения с природой, людьми и самим собой» [1, с. 6].

Важно заметить, что путь в странствии не хаотичен: он всегда подразумевает наличие определенного маршрута – заранее намеченного или установленного. Выбор маршрута зависит от ряда субъективных и объективных причин, авторских интересов, целей. Цели путешествия могут быть практическими (торговое путешествие, исследования новых земель, получение образования), либо отвечать внутренним духовным потребностям человека (паломничество, поиск своего «Я»), однако всякое истинное путешествие приводит к личностной эволюции странника через путь: схема путь – препятствия – цель характерна для путевой прозы ещё на этапе фольклора. Рассуждая о целях в путевой прозе, В.М. Гуминский замечает: «Помимо собственно познавательных целей, путешествие может ставить перед собой дополнительные эстетические, политические, публицистические, философские и другие задачи» [3, с. 180].

Таким образом, возникает двуплановость, выраженная в наличии внешнего и внутреннего плана произведения. Внешний план путешествия соотносится с реальным пространством и активным передвижением героя по новой местности, выражен в наблюдениях, которыми путешественник делится с читателями. Он ориентирован на объективную действительность внешнего мира.

Внутренний план напротив: соответствует выражению переживаний и чувств героя, направлен на душевный и духовный мир личности. Таким образом, движение в истинном путешествии происходит в обе стороны: вовне – от начала маршрута к цели,

и внутри личности – от полученных впечатлений к обретаемому смыслу. О поиске смысла К. Уайт пишет: «Я далек от мысли накручивать километраж ради статуса знаменитого путешественника, я не исследую территории по части полезных ископаемых. Я вышел в путь за поэтикой пространства с пустотой в центре. И опять начинается все сначала: поиск ощущения – обретение пустоты – извержение наполненности» [9, с. 2].

Для поиска поэтики, по мнению исследователя, нужно «вживить» себя в пространство. Поскольку в геопэтике речь идет о реально существующих топосах, путешественник должен уметь не только точно подметить увиденное, но и прочувствовать «гений места», выделить в нём особенно примечательные акценты: «Большая и важная часть работы происходит вне и помимо сочинительства. Вы должны “вживить” себя в мир, олитературив бытие. В противном случае вы увязнете в патетике и придуманности» [9, с. 2].

Так, возникает определенный парадокс восприятия: погрузив себя в реальное пространство, путешественник должен отказаться от фотографической точности в пользу «прочувствования» и выявления ведущих акцентов. «Жанр, который я измыслил, позволил читателю ясно ощутить реальность дороги, понять текст, достаточно абстрактный по своей форме. Я всегда предпочитал впечатления, пойманные уголком глаза, лобовому подробному описанию», – заключает К. Уайт [9, с. 3].

На авторскую волю в контексте выбора изображаемых акцентов, будь то описание местности, событий, людей или же деталей быта также обращает внимание В.М. Гуминский. Исследователь выразил её в идее свободы и определил как основную характеристику литературы путешествий. Она, по мнению исследователя, воплощается в том, что «в жанре путешествия автор имеет максимум возможностей для неограниченного ничем выбора предметов изображения и перехода от одного изображаемого предмета к другому исключительно по воле автора, не подчиняясь закономерностям, присущим произведениям с чётко выстроенной фабулой. Текст путешествия не является замкнутым внутри себя как отдельный литературный объект. Он связан с действительностью непосредственно» [3, с. 41–42].

Непосредственная связь путешествия с действительностью, потребность постоянного освоения пространства и восприятия новых реалий стимулирует в человеке поиск, приводящий его, в конечном итоге, к личностной духовной и душевной эволюции. Определённая дистанция между привычными и новыми реалиями, их сопоставление и сравнение приводят к трансформации взглядов и мнений, существенно расширяют кругозор и картину мира.

Не случайно тексты путешествий построены дихотомически: автор сравнивает быт, людей, менталитет, культуру и архитектуру, климат и ландшафт, обычаи и традиции посещаемой местности с привычным жизненным укладом. «Восприятие путешественника построено на категориальном сопоставлении «своего» и «чужого» [11, с. 192]. Так, «вживаясь» в непривычный образ действительности, существующей столь же объективно, как привычная реальность, человек проходит ментальную трансформацию, вместе с тем, рисует и новый ментальный пейзаж.

С противопоставлением логически связана ещё одна особенность путешествия – чаще всего в тексте прослеживается отношение героя к родине. Находясь вдали от дома, путешественник осознанно или неволью предаётся воспоминаниям о нём, а сталкиваясь с реалиями и обстановкой новых стран и городов, мысленно возвращается

к сравнению с привычным жизненным укладом. Из подобных вставок можно судить об отношении путешественника к своей стране, её образу и порядкам.

Как правило, в герое ощущается любовь к дому и тёплое отношение к нему, которое путешествие лишь усиливает. Как отмечает И.Л. Беккер, «Путешествие даёт возможность по-новому увидеть и воспринять привычные грани обыденности («...когда постранствуешь, воротись домой – и дым отчества нам сладок и приятен»). И это, в общем-то, неудивительно: ведь из путешествия человек возвращается не таким, каким он туда отправился. В путешествии происходит обновление, а обновленный человек по-новому воспринимает обыденность, в лоно которой он погружается, вернувшись из путешествия» [1, с. 81].

Однако следует заметить, что в композиционном построении путешествия встречаются постоянные элементы, а именно необходимые для принадлежности к жанру «дорожные ситуации», при этом маршрут, мотивация, атрибуты персонажей и язык повествования всякий раз индивидуальны.

Так, В.А. Шачкова заключает: «Текст путешествия состоит из событий и ситуаций, формирующихся вокруг двух основных пространств – пространство дороги (процесса перемещения, плавания по морю) и города (любых пунктов, где на более или менее долгое время останавливается герой)» [10, с. 278]. К типичным дорожным ситуациям, по мнению исследовательницы, относятся общение с попутчиками, аварии, потери документов; пребывание в пространстве города, посещение трактиров, знакомства с людьми, знакомство с самим городом, пребывание в гостиницах, развлечения героев.

Дорожные ситуации как таковые в большинстве случаев не являются событием в подлинном смысле слова, лишь скрепляют и упорядочивают сюжетный каркас путешествия. Впечатления, полученные от дорожных ситуаций, также обогащают героя новыми впечатлениями, тем не менее, именно подлинные события дают наимоощнейший импульс к личностной трансформации: смена обстановки и новые события в психологическом плане делают путешествие фактором, позволяющим выйти за грань обыденного восприятия реальности, а потому широко используются в терапевтических целях при самоанализе, реабилитации.

К чётким законам единства в путешествии относятся также наличие маршрута и довлеющая роль пространства над временем, прямое линейное построение событийного ряда. Первый фактор объясняется тем, что решающую роль для автора-путешественника играют пространственные координаты и непосредственно место пребывания со своими особенностями, время же путешествия указывается автором не всегда. Однако следует уточнить, что степень значимости датировки различна для разных видов путешествий, к примеру, время как характеристика играет важную роль для дипломатических путешествий.

Так, маршрут формирует сюжетный каркас произведения, предопределяя места, которые намерен посетить герой путешественник, а также он нередко выявляет мотивы самого путешествия. Кроме того, намеченный маршрут способствует синтезу объективных факторов, относящихся к внетекстовой действительности, если путешествие, описанное автором, было совершено в действительности, и субъективного авторского отбора – на что следует обратить внимание.

Нельзя отрицать, что путешествие, несмотря на относительную свободу, отличается рядом особенностей и внутренних законов, способных обособить его от иных повествовательных форм, а также обеспечивающих ему закономерное внутреннее единство. Тем не менее, в контексте геопоэтики путешествие всегда шире и

многограннее одного литературного жанра. Её сфера – область интеллектуального, ментального и художественного освоения пространства, её задача – исследование влияния культурных явлений на структурирование человеческой вселенной посредством живого опыта. Опыт же обретается через происходящие с человеком события, «прочувствование» и проживание происходящего. «Она – от тоски человека наших дней по цельности и (не противоречащей серьёзному) игре, по единству и родству со своим миром, за который в данном случае представляет пространство» [2, с. 178].

Событийность определяется большинством литературоведов как ключевая категория повествовательных произведений и служит для обозначения динамического начала сюжета. Наиболее распространено определение Ю.М. Лотмана: «событием в тексте является перемещение персонажа через границу семантического поля» [8, с. 58]. Собственно, в основе сюжета, как правило, и лежит ключевое событие, сопоставимое с мотивом и целью путешествия в схеме, приведенной выше.

В основе события – изменение, но не всякое изменение может быть рассмотрено как событие, а лишь то, что вызывает у личности героя сильную эмоциональную реакцию, побуждает его к дальнейшим действиям, мыслям, трансформации взглядов и мнений.

Итак, событие во многом субъективно: для одного субъекта изменение может быть значительным, для другого – неважным, а для третьего – вовсе не существовать. Это зависит непосредственно от точки зрения, что связано с проявлением личностного начала в структуре текста. «Сюжет органически связан с картиной мира, дающей масштабы того, что является событием, а что его вариантом, не сообщаящим нам ничего нового» [8, с. 59].

Примечательно, что внутренний отклик в душе героя происходит через событийную вовлечённость: любому изменению образа мыслей и чувств путешественника способствуют впечатления и события. Однако происходит это за счёт их исключительности, потому под «событийностью» в подлинном смысле следует понимать не всё формально происходящее, а лишь то, что выламывается из привычного порядка, рутины и обыденности. Таким образом, путешествие имеет во многих культурах глубокую сакральную традицию, прямо сопряжено в культуре с развитием личности и познанием мира.

Напрашивается вывод: что является нормой, не может быть событием в подлинном смысле. Событие – это то, что вышло за рамки нормы, закона, традиций и т.д. К примеру, не всегда является событием смерть в композиции романских произведений, так как известно, что все люди смертны, в то время как геройская, мученическая смерти уже не представляют собой нормы, и потому вправе называться событиями. Так, событие вызывает движение сюжета, что для занимательной путевой литературы играет ключевую роль развёртывания повествования.

Следует оговориться, что под событием ошибочно представлять лишь то, что относится к внешнему материальному миру. Внутренний мир персонажа столь же богат событиями, способными на смену семантических полей (влюблённость, отречение, смена взглядов и идеалов, картины мира и т.п.), что побуждает духовный и душевный отклик на события внешние – эта связь имеет диалектический характер, что сопоставимо с внешним и внутренним планом путешествия.

Итак, подлинность события зависит от эмоционального отклика персонажа, от ракурса его восприятия происходящего вокруг, от его реакции – внутренней и внешней.

Примечательно, что еще в фольклорных и мифологических текстах акцентируется трудность, как обязательная характеристика пройденного пути. Они полны описаний препятствий, встреченных путешественниками в дороге, однако эта особенность наблюдается и в современных путешествиях. Быть может, не всякий раз препятствия в дороге несут путешественнику угрозу, однако мотив испытания и внутренней трансформации присутствует неизменно. Тем и труден путь, что он всегда предоставляет выбор – будь то подмеченные акценты окружающего мира или же способность прислушаться к себе и действовать, мыслить по-новому.

Поскольку внутренняя трансформация героя – неотъемлемая часть подлинного путешествия, важную роль в структуре текста играет образ героя, его активное и деятельное личностное начало как очевидца описанных мест и событий.

Так, обращая внимание на сложность жанра путешествия и выявляя в нем связующее звено, В.М. Гуминский замечает: «путешествие – сложное взаимодействие документальных, художественных и фольклорных форм, объединённых образом путешествующего героя» [3, с. 177].

Путешественник пропускает впечатления от увиденного через собственное восприятие, и делится с читателями полученной картиной, отчего в произведении неизменно ощущается его присутствие – таким образом, личность героя выступает в путешествии связующим звеном сюжета и повествования. Именно образ путешественника обеспечивает целостность и внутреннюю логику развёртывания сюжета: объективные реалии, сменяющие друг друга, несомненно, влияют на описательный аспект, однако только автор выбирает, на каких деталях сосредоточить своё, а заодно и читательское внимание. Образные акценты напрямую связаны с личностью путешественника: его интересами, приоритетами, взглядами и образованностью.

Однако путешествие – сложный двуплановый феномен: впечатления, мысли и выводы, личностная трансформация героя возможны лишь при его активном взаимодействии с окружающей средой. Собственно, геопоэтика и акцентирует, прежде всего, отношения человека с пространством: «Эта область опыта возникла в ответ на потребность современного человека в том, чтобы переприсвоить пространство. Заново продумать свои отношения с ним, преодолеть отчуждение от него, тщательно выработанное постпросвещенческой цивилизацией. Если угодно, снова заколдовать расколдованный ею мир – чтобы сделать его жизнеспособным и плодотворным (Игорь Сид ещё на заре геопоэтики прямо говорил о создании мифов, об управлении мифами как об основной её задаче)» [2, с. 85].

Так, пространство путешествий в контексте геопоэтики обладает особым антологическим статусом и занимает ведущую позицию в сопоставлении с временными координатами: именно место пребывания со своими особенностями формирует окружающую путешественника реальность, время же путешествия указывается автором не всегда. Однако, как уже было сказано, следует уточнить, что степень значимости датировки различна для разных видов путешествий, к примеру, время как характеристика играет важную роль для дипломатических путешествий.

Что касается способа повествования, – прямая линейная модель построения обусловлена необходимостью рассказывать о перемещениях путешественника и событиях, с ним происходящих, в хронологическом порядке: повествователь должен вести читателя согласно собственному маршруту, чтобы сохранить целостность полученного опыта.

Пройденный путь – это всегда «со-творчество» и «со-бытие», а именно та самая способность вживить себя в естественный поток жизни, прочувствовать пространство, которую акцентирует в своих трудах К. Уайт.

Л.И. Беккер заключает: «Традиционно путешествие рассматривается в его "физическом" смысле как деятельность, связанная с перемещением по Земле <...> Мы предлагаем более широкую философскую интерпретацию этого явления. В наиболее общем смысле путешествие есть шествие человека по жизненному пути, его выбор и преодоление» [1, с. 65].

Так, с точки зрения ряда исследователей путешествие обладает особым статусом социокультурного, творческого и психолого-педагогического бытия, является универсальным способом познания себя и мира, что созвучно геопоэтике как пограничной дисциплине. «Владимир Абашев, говорит, по существу, именно это: «Геопоэтика вводит нас в сферу чувственных, глубоко страстных и пристрастных отношений человека с пространством»). Если же непременно требуется ответ на вопрос, наука она, искусство или вообще что, – самым лучшим, кажется, был бы такой: это – область опыта. Или ещё лучше: культурная форма <...> это – всё, что относится к взаимодействию человека и обитаемого им пространства: и процессы этого взаимодействия, и возникающие в его результате смыслы, образы, формы самого пространства, и рефлексии на эти темы – любой степени теоретичности» [2, с. 90].

Таким образом, мы пришли к выводу, что путешествие как особая повествовательная форма и область опыта является мощным импульсом к духовной и душевной личностной эволюции, к внутренней трансформации человека, к формированию и осмыслению новых и существующих связей человека и мира. В контексте геопоэтики путешествие всегда шире и многограннее одного литературного жанра. Её сфера – область интеллектуального, ментального и художественного освоения пространства. Пройденный путь – это всегда «со-творчество» и «со-бытие» – именно поэтому во многих культурах путешествие имеет глубокую сакральную традицию, напрямую связано с мотивом инициации и глубинной внутренней трансформации героя. Исключительно важную роль в становлении и развитии путешествия как жанра художественной литературы, в осмыслении его как особого способа взаимодействия человека и мира ещё со времен античности играет концепт «путь», понимаемый нами в широком смысле – как путь жизненный, личностный, влекущий за собой перемены взглядов и мнений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беккер И.Л. Путешествие как способ социального бытия и становления личности / И.Л. Сафонов. – Известия ПГПУ. – 2006. – № 2. – С. 6–7.
2. Введение в геопоэтику: Антология. – М.: Арт-Хаус медиа; Крымский Клуб, 2013. – 368 с.
3. Гуминский В.М. Проблема генезиса и развития жанра путешествий в русской литературе: Дис. канд. филол. н. – М., 1979. – 184 с.
4. Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки / Д.К. Зеленин. – М., 1995.
5. Культура в фокусе научных парадигм [Текст]: Материалы IV Международной научно – практической конференции (Донецк 6-7 апреля 2016 г.) / научн. ред. Кравченко О.А., Каика Н.Е. – Донецк: ДонНУ, 2016. – Вып. 4. – 312 с.
6. Михайлов В. Эволюция жанра путешествия в произведениях русских писателей XVIII-XIX вв. Дис. канд. филол. н. – Волгоград, 1999. – 224 с.
7. Мордвина Д.А. Жизненный путь в философской антропологии: понятие, актуальные проблемы и аспекты исследования / Д.А. Мордвина // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2014 – № 4. – С. 64–67.

8. Тюпа В.И. Ю.М. Лотман и современная нарратология / В.И. Тюпа – Текст: непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 27, № 1, – С. 55–62.
9. Уайт К. Странствующий дух / К. Уайт // пер. с англ. Е. Гринёвой // Новая Юность. – № 5. – М. – 1997.
10. Шачкова В.А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории / В.А. Шачкова // Вестник ННГУ. – 2008. – № 3. – С. 277–281.
11. Щеглова Е.А. Репрезентация «своего» и «чужого» в путевых очерках второй половины XIX века: лексико-семантический аспект / Е.А. Щеглова // Вестник ВГУ. – 2018. – № 3. – С. 190–194.

Поступила в редакцию 02.04.2024 г.

EARTHLY AND SPIRITUAL PATHS: TRAVEL AS IMPULSE OF PERSONAL EVOLUTION IN CONTEXT OF GEOPOETICS

M.A. Gubareva

The article addresses travel as a powerful impulse for spiritual and mental evolution. The role of the personal element in travel prose is defined. The stages of interaction between man and space in the context of geopoetics are traced, with the main patterns of the character's spiritual transformation being revealed through the concepts of path, event and impression. A deep connection of the literary journey with the spiritual search of a person, his self-determination and worldview is determined. The two-plane nature of the journey, expressed in the presence of an external and internal plan of the work, has been revealed. The multidimensionality and ambiguity of the concept "path" are examined in the paper. Its features in the context of geopoetics are defined, with the direct and figurative meanings of "path" being identified. The role of the concept "path" in the development of travel as a genre of fiction is determined.

Key words: travel, geopoetics, space, path, route, event, traffic situation, impression, character evolution, spiritual transformation.

Губарева Марина Андреевна.

Магистр филологии.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, Российская Федерация.

Аспирант кафедры истории русской литературы и теории словесности.

ORCID 0009-0001-3618-6893

E-mail: marina.gubareva96@mail.ru

Gubareva Marina Andreevna.

Master of Philology.

Donetsk State University. Donetsk, Russian Federation

Postgraduate student at Department of History of Russian Literature and Theory of Literature.

ORCID 0009-0001-3618-6893

E-mail: marina.gubareva96@mail.ru

Научная статья

УДК 81-25

DOI: 10.5281/zenodo.10996487

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ МАРКЕР-АППРОКСИМАТОР КАК БУДТО (БЫ) В РУССКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ

© 2024 Сян Янань

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

ORCID 0009-0005-2279-6868

Работа посвящена анализу функционирования маркера-аппроксиматора *как будто (бы)*, который используется как в письменной, так и в устной повседневной речи. Аппроксиматор показывает неуверенность говорящего в том, о чем он говорит. Источниками материала для анализа стали устный подкорпус Национального корпуса русского языка и корпус русской повседневной речи «Один речевой день», созданный на филологическом факультете СПбГУ. В работе использованы такие научные методы, как метод сплошной выборки, описательный, сопоставительный и количественный. Проведенный анализ показал, что *как будто (бы)* в русской устной речи выполняет такие функции, как аппроксимация (снижение категоричности высказываний говорящего), хезитация (преодоление речевой заминки и оформление речевого поиска), маркирование старта или финала и некот. др., т. е. *как будто (бы)* – это полифункциональный маркер. Полученные результаты могут быть полезны для анализа русской устной речи в рамках коллоквиалистики, в практике преподавания русского языка как иностранного, а также в практике перевода русских художественных текстов на другие языки.

Ключевые слова: повседневная речь, речевой корпус, прагматический маркер, аппроксиматор, хедж, хезитатив, разграничительная функция, прагматикализация.

Для цитирования: Сян Янань. Потенциальный маркер-аппроксиматор *как будто (бы)* в русской повседневной речи / Сян Янань // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 1. – С. 108–114. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.10996487>, <https://zenodo.org/records/10996487>.

Введение. Согласно Ф. де Соссюру, *язык* является абстрактной (надиндивидуальной) системой тесно взаимосвязанных элементов, как набора языковых средств, свойственных не отдельному индивиду, но всем говорящим: это система, «виртуально существующая у каждого в мозгу, точнее сказать, у целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в коллективе», а *речь* – это конкретная реализация языковой способности, она не системна, она случайна и разнородна по своим проявлениям [8, с. 46–57].

Повседневная речь отражает социально-психологические характеристики личности и речевые акты коммуникации, что полезно в изучении разных направлений лингвистики. В связи с этим повседневная речь и ее функциональные единицы интересуют все больше и больше лингвистов. По мнению В.Д. Девкина, разговорная речь является «основой существования языка, наиболее общей его разновидностью (объединяющей всех членов нации независимо от различий социального и индивидуального характера), самой естественной и доступной каждому» [4, с. 7]. И.А. Бодуэн де Куртенэ называл «живой язык» главным источником «материала как для грамматических, так и для всяких других лингвистических исследований и выводов» [3, с. 103].

Повседневная речь, которой мы пользуемся ежедневно, носит спонтанный характер, в значительной степени отличаясь от письменной речи. В спонтанной речи

говорящие часто организуют свои высказывания непосредственно во время речепорождения и при необходимости вносят исправления одновременно с речью. В письменной же речи автор может «обдуманно отбирать языковые средства, строить высказывание постепенно, исправлять и совершенствовать текст» [10, с. 567]. Таким образом, функциональные единицы устной повседневной речи также во многом отличаются от лексикона языка [2, с. 102]. Одной из таких единиц является *как будто (бы)*, функционирующая как в письменной, так и в устной речи. Именно она стала объектом настоящего исследования.

Актуальность, научная новизна, цель и задачи. *Актуальность* данного исследования заключается в том, что анализа маркера *как будто (бы)* в русской повседневной речи с позиций коллоквиалистики еще не проводилось, тогда как он необходим, потому что полифункциональность данной единицы в живой речи совершенно очевидна.

Научная новизна исследования состоит в первой попытке проанализировать на материале речевых корпусов полифункциональный маркер неопределенности *как будто (бы)* в русской повседневной речи.

Целью работы является описание функционирования потенциального маркера-аппроксиматора *как будто (бы)* в повседневном общении на русском языке и установление его статуса среди функциональных единиц устной речи.

Задачи исследования: создание пользовательского подкорпуса материала на основе речевых корпусов, анализ контекстов, включающих рассматриваемую единицу, сопоставление данных этого анализа и данных словарей, а также обобщение полученных результатов.

Материал и методы. *Материалом* для анализа в настоящей работе являются устный подкорпус (УП) Национального корпуса русского языка [<https://ruscorpora.ru>] и корпус русской повседневной речи «Один речевой день» (ОРД) [<https://ord.spbu.ru>], созданный на филологическом факультете СПбГУ.

В работе использованы такие научные *методы*, как метод сплошной выборки (для создания пользовательского подкорпуса материала), описательный (контекстный анализ), сопоставительный (сравнение данных словарей и устных корпусов) и квантитативный (простые количественные подсчеты).

Прагматикализация и прагматические маркеры. В повседневной речи существует большое количество единиц, чье лексическое значение в практическом употреблении оказалось в значительной степени ослабленным или вовсе утраченным, и на смену ему пришло прагматическое значение, или функция в речи. С учетом данной специфики эти языковые единицы называют *прагматическими маркерами* (ПМ) [1]. В повседневном общении ПМ очень важны, поскольку они помогают говорящему порождать и структурировать свое высказывание в соответствии с коммуникативной целью.

Прагматические маркеры в русской спонтанной речи очень разнообразны. Например, *хезитативы* служат для заполнения пауз хезитации, чаще всего при поиске нужной единицы или продолжения речи, в ходе преодоления возникшего коммуникативного затруднения или в иных ситуациях. *Разграничительные маркеры* помогают говорящему строить устный текст, функционируя как стартовые, направляющие (навигационные) или финальные. *Дейктические маркеры* – это описательные ПМ с указательной функцией, содержащие три дейктических элемента подряд, по модели *вот (...) вот*. *Ритмообразующие маркеры* позволяют создать гармонию ритмических групп в речевом потоке (см. типологию ПМ: [1]). *Маркеры-*

аппроксиматоры показывают неуверенность говорящего в том, о чем он говорит, или употребляются, когда прямое название предмета, явления или положения дел является излишним, неуместным или невозможным [6, с. 631].

Близким к аппроксиматору является понятие *хеджа* (от англ. *Hedge* – ‘уклонение от прямого ответа, страховка’) [12, с. 471]. При хеджировании используются слова (единицы) «осторожной» модальности – неопределенные местоимения или наречия, а также вводные слова, маркирующие неуверенность говорящего (*какой-то, наверное, как-нибудь*). Согласно теории речевых актов, использование стратегии хеджирования направлено на ослабление иллокутивной силы высказывания, так как хеджи придают высказыванию расплывчатость, частично снимают с говорящего ответственность за сказанное и смягчают категоричность его утверждений [11]. Думается, что хеджи и маркеры-аппроксиматоры вместе усиливают неуверенность говорящего [9, с. 61], выполняя функцию снижения категоричности высказывания и подчеркивания неточности использованной номинации.

Результаты анализа. По функциональному статусу единица *как будто (бы)* близка к прагматическим маркерам-аппроксиматорам (ПМА), которые использует говорящий для выражения своей неуверенности. Типичными ПМА являются *как бы, вроде, типа, или там* [1, с. 25].

Согласно определению МАС, единица *как будто (бы)* является разговорной частицей, которая «указывает на неуверенность, предположительность высказывания, на сомнение в его достоверности: ‘кажется’» [15, с. 121]. Уже по этому определению видно, что перед нами действительно аппроксиматор, синонимичный другим ПМА.

В пользовательский подкорпус настоящего исследования вошли 60 контекстов с единицей *как будто (бы)* в качестве аппроксиматора. Анализ показал, что чаще всего данная единица появляется в середине или в начале фразы (46,7 и 43,3 % соответственно) (см. рис. 1).

Рис. 1. Положение *как будто (бы)* во фразе

Типичное положение *как будто (бы)* – между подлежащим и сказуемым (75,0 %), реже – между сказуемым и дополнением (7,1 %), ср.:

- (1) [№ 1, жен, 61, 1940, преподаватель] *Неделю не выходили на работу всё только потому/ что всё уже как будто убрано/ и отчиталось домоуправление/ а канализационный люк был забит/ ливневка вот эта/ вернее/ была забита (УП);*
- (2) [Мороз О.В. (жен, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и социальной коммуникации РАНХиГС)] *Забавно/ что все эти рекомендации*

исследователей опираются на очень важное допущение/ что необходимо выработать какую-то новую культуру взаимодействия с этими субъектами – с троллями/ потому что не существует **как будто бы** никакого офлайн-аналога такого поведения (УП).

В контексте (1) говорящий не полностью уверен в том, что *всё убрано*, и использует маркер *как будто* для выражения этой неуверенности.

В контексте (2) говорящий также не может уверенно высказать свое мнение и с помощью *как будто бы* выражает свою неуверенность в объекте действия, снимая с себя таким образом ответственность за сказанное. Видно, что в этих примерах *как будто* выполняет функцию аппроксимации.

В пользовательском подкорпусе встретились также примеры, в которых *как будто (бы)* находится в начале или в конце фразы (см. рис. 1), выполняя дополнительную функцию разграничительного маркера, ср.:

(3) [М.В. Гордина, жен, 83, 1925, лингвист] *До конца убедительных данных у меня нет. Как будто бы всё-таки звонкий! Наталья Дмитриевна/ по-Вашему?* (УП);

(4) [А. Зализняк, муж, 75, 1935, ученый] *Всё равно же это нам ничего не даёт как будто бы* (УП).

В контексте (3) у говорящей *убедительных данных нет*, она сомневается в своих звуковых ощущениях и выражает это при помощи стартового *как будто бы*.

В контексте (4) говорящий, кажется, вполне решительно выражает свою точку зрения, но в конце все же добавляет *как будто бы* в качестве финального маркера, чтобы снизить категоричность высказанного мнения. В обоих примерах *как будто (бы)* играет роль разграничительного маркера, в котором присутствует и оттенок аппроксимации.

В пользовательском подкорпусе нашлось 32 употребления (53,3 % от общего количества) *как будто (бы)* с разнообразными контекстными «соседями». Под «соседями» понимаются при этом не любые единицы, стоящие рядом с маркером, а лишь хеджи, другие ПМ или частицы, которые можно рассматривать как расширители базовой структуры. Они могут быть слева от маркера (31,3 %: *вот как будто (бы)*, *вроде как будто (бы)* и др.), справа от маркера (46,9 %: *как будто (бы) там*, *как будто (бы) такой* и др.), а также с двух сторон сразу (21,9 %: *типа как будто (бы) там* и др.). Из левых контекстных «соседей» маркера *как будто (бы)* наиболее частотны ПМА *как бы* (20,0 %) и ПМ *вот* (20,0 %); наиболее частые «соседи» справа – разнообразные хеджи (29,4 %), ПМ *вот* (23,5 %) и ПМ *там* (17,6 %) (см. рис. 2-3).

Рис. 2. Левые «соседи» *как будто (бы)*

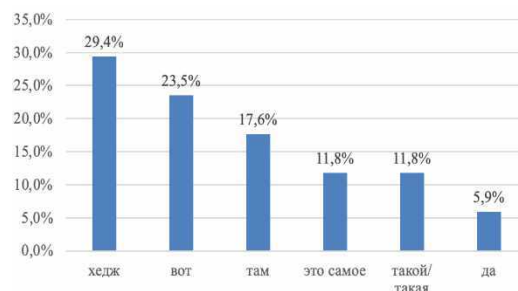

Рис. 3. Правые «соседи» *как будто (бы)*

См. соответствующие примеры:

(5) [Ирина, жен] *Пошла/ посмотрела и поняла/ что это как бы/ как будто пуля* (УП);

(6) [Собеседница1, жен] *Потом ещё сказал/ что/ вроде/ у него контры с начальством/ в этом тоже вроде как будто я виновата* (УП);

- (7) [С. Карамышев, муж, священнослужитель] *Трон/ на троне сидит седовласый старик/ ветхий днями/ как он описывает/ старый/ седой дедушка/ вот которого/ знаете/ иногда у нас изображают/ как бы Бога как будто/ да/ там Творца* (УП);
- (8) [Валентина Васильевна Х., жен, медсестра] [Смех]. *Эти чё-то сегодня прям как будто/ эт самое... Ди... а он... а он ещё мне говорит/ «Да нет/ чё-то/ – гт/ – они там... чё-то/ – гт/ – там они готовят»* (УП);
- (9) [Надежда Васильевна Г., жен, пенсионерка] *Как будто какая-то лишняя/ ну/ неприятность и всё* (УП).

В контексте (5) говорящая на самом деле не *поняла*, поэтому использует ПМА как *бы* и маркер *как будто*, которые совместно усиливают нечеткость ее высказывания. ПМА *как бы* имеет в частотном списке 60-ти базовых русских ПМ ранг 5 и IPM 900 (для 300 тыс. токенов в аннотированном подкорпусе ОРД) [7, с. 54–56].

В контексте (6) посредством комбинации ПМА *вроде* и маркера *как будто*, говорящая пытается сигнализировать о возможной недостоверности своего высказывания.

В контексте (7) говорящий хочет найти более подходящий синоним к слову *Бог* и, чтобы «выиграть время» на поиск, использует прагматические маркеры *да* и *там*.

В контексте (8) говорящий полностью «погрузился» в хезитацию: с помощью маркеров *как будто*, *эт(о) самое* и многочисленных хезитационных пауз он вербализует поиск нужного слова. Видно, что речь говорящего строится с большими затруднениями, он не может сразу подобрать правильное речевое оформление для своей мысли. В этих примерах маркер *как будто (бы)* выполняет хезитативную функцию, сопутствующую функции приблизительности.

В контексте (9) говорящий использует хедж (*какая-то*), который является частым «соседом» маркера *как будто (бы)* в русской повседневной речи.

Обнаружились в подкорпусе и примеры с цепочками ПМ разной протяженности, ср.:

- (10) *вот как бы как будто бы такой // она обо что-то будет цепляться и так* (ОРД);
- (11) *ну вот(:) / *П и он значит каждый раз восхищается / как подогнано / но (...) знаешь / действительно подогнано так / что () дырок нету нигде / вот () как будто вот (...) прям ...* (ОРД);
- (12) [Хадижа, жен, студентка] *Короче/ ну там/ типа/ когда копы выступали/ они там пели/ там все им подпевали и... ну они как бы ещё какие-то самые маленькие отрывочки там аа разыгрывали из своих сцен и/ типа/ там... типа/ как будто там умер один из копов/ и они такие/ знаешь/ там напустили такую напускную там чуть ли не слезу* (УП).

В контексте (10) реплика говорящего начинается с цепочки ПМ разного типа. Здесь можно, по-видимому, говорить о хезитации, аппроксимации и разграничительной функции используемых единиц. В контексте (11) *как будто* встраивается в дейктическую структуру *вот (...) вот*, которая в повседневной речи существует исключительно как стандартная модель, которая каждый раз заполняется новой единицей¹⁷.

¹⁷ В данном случае использованное говорящим заполнение этой структуры несколько отличается от традиционного, каким считается добавление в эту модель третьего дейктического элемента: *вот так вот, вот туда вот, вот такой вот* и под. [7, с. 109–112]. Элемент *как будто* нельзя отнести к указательным (дейктическим), его несомненный аппроксимативно-хезитативный характер поддерживается в данном контексте еще и целым рядом запинок и хезитационных пауз, а также частицей *прям*, что не позволяет дать этой цепочке однозначную трактовку. См., впрочем, похожие наблюдения Е.В. Ерофеевой над вариантами заполнения модели *вот (...) вот*, среди которых есть элементы даже предикативного типа. А в целом конструкция, которую автор обозначила как <вот + X + вот>, «может выполнять <...> хезитационную (с поиском и без поиска), навигационную/направляющую,

В контексте (12) говорящий использует множество разных ПМ, в том числе хезитационную цепочку *типа/ там... типа/ как будто там*, включающую *как будто*.

Видно, что *как будто (бы)* в разговорной речи часто появляется рядом с другими маркерами и включается в различные цепочки, демонстрируя свою явную полифункциональность.

Данный маркер может встречаться многократно в одном, даже достаточно коротком, высказывании. А рядом с ним можно видеть множество других «соседей», выступающих в различных функциях, ср.:

(13) [Володя, муж] *Я их знаю с армейских времён. Это как будто бы такие же солдаты – мусульмане/ как таджики/ узбеки/ как будто бы* (УП);

(14) [Анжела (жен)] *Гарик там наш был/ Валера там был/ там такие grit эти/ ночью/ как будто кто-то смеётся/ разговаривает/ как будто вот эти вот.../ Откуда-то вот...* (УП).

Заключение. Речь является результатом взаимодействия говорящего и предметного мира в процессе языкового мышления, она подвержена влиянию целого ряда факторов.

Значение неуверенности для единицы *как будто (бы)* зафиксировано в словаре, к тому же она используется не только в устной, но и в письменной речи, поэтому нельзя отнести ее однозначно к классу прагматических маркеров, а можно лишь признать ее несомненный аппроксимативный характер. Приведенные в статье примеры демонстрируют полифункциональность выражения *как будто (бы)*: практически во всех контекстах эта единица выступает в роли аппроксиматора, но иногда выполняет также функцию хезитатива, разграничительного маркера и др. Можно сказать, что единица *как будто (бы)* занимает промежуточное положение между значимыми единицами языка и чисто прагматическими единицами русской устной речи.

Полученные результаты могут способствовать лучшему пониманию тенденций развития устной речи как основной формы существования языка для дальнейших исследований в области коммуникативной лингвистики (теоретическая значимость). Результаты исследования могут быть полезны также в практике преподавания русского языка как иностранного и практике перевода русских художественных текстов на другие языки (в частности, на китайский) (прикладная значимость).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданова-Бегларян Н.В. Предисловие редактора / Н.В. Богданова-Бегларян // Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / Ред. Н.В. Богданова-Бегларян. – СПб.: Нестор-История, 2021. – С. 5–52.
2. Богданова-Бегларян Н.В. *Своего рода* как полифункциональный маркер-аппроксиматор русской повседневной речи / Н.В. Богданова-Бегларян // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XV Международной научной конференции, посвященной 70-летию кафедры русского языка. / Ред. М.В. Пименова. – Владимир: Транзит-ИКС, 2023. – С. 101–107.
3. Бодуэн де Куртенэ И.А. Языкознание // И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию, Т. II. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 96–117.
4. Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика / В.Д. Девкин. – М.: Международные отношения, 1979. – 256 с.
5. Ерофеева Е.В. Дискурсивная конструкция «вот + X + вот» в устной спонтанной речи: вариативность, функции и социолингвистическое варьирование / Е.В. Ерофеева // LIП Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. 19-26 марта 2024, Санкт-Петербург. Сб. тезисов. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2024. – В печати.

ритмообразующую функции, а также функцию синтагматического членения (предпаузального и постпаузального) и финального маркера» [5].

6. Подлеская В.И. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования / В.И. Подлеская // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). В двух томах. Том 1. Основная программа конференции / Гл. ред. В.П. Селегей. – М.: РГГУ, 2013. – С. 631–643.
7. Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия Н.В. Богданова-Бегларян. – СПб.: Нестор-История, 2021. – 520 с.
8. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию / Ред. А.А. Холодович. – М.: Прогресс, 1977. – С. 7–287.
9. Сян Янань Аппроксимация и хеджирование в языке и речи / Янань Сян, Н.В. Богданова-Бегларян // Анализ разговорной русской речи (АРЗ-2023). Труды десятого междисциплинарного семинара / Науч. ред. П.А. Скрелин, У.Е. Кочеткова. – СПб.: Политехника-принт, 2023. – С. 60–65.
10. Трошева Т.Б. Письменная речь / Т.Б. Трошева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Ред. М.Н. Кожина. – М.: Флинта, Наука, 2006. – С. 285–287.
11. Fraser V. Forthcoming. A Brief History of Hedging. In *Vagueness in Language*, Stefan Schneider (ed.). – Bingley: Emerald Publishing, 2013. – Pp. 201–213.
12. Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // *Journal of Philosophical Logic*. № 2. – Dordrecht-Holland: D. Reidel Publishing Company, 1973. – Pp. 458–508.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

13. ОРД – Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день» // <https://ord.spbu.ru> (дата обращения: 15.02.2024).
14. УП НКРЯ – Устный подкорпус Национального корпуса русского языка // <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.02.2024).
15. Словарь русского языка в четырех томах. Том III. П – Р. Изд. второе, испр. и доп./ Гл. ред. А.П. Евгеньева. – М.: Русский язык, 1984. – 752 с.

Поступила в редакцию 28.03.2024 г.

POTENTIAL MARKER-APPROXIMATOR КАК *BUDTO (BY)* IN RUSSIAN EVERYDAY SPEECH

Сян Янань

The contribution addresses functioning of the marker-approximator *kak budto (by)*, which is used in both written and oral everyday speech. The approximator expresses the speaker's uncertainty about what he is talking about. The sources of material for the analysis were the spoken corpus of the Russian National Corpus and the oral corpus “One Speech Day”, created at the philological faculty of St. Petersburg State University. A number of relevant research methods have been used, among them are continuous sampling, descriptive, comparative and quantitative analysis. The analysis showed that *kak budto (by)* in Russian oral speech performs such functions as approximation (making the speaker's utterances less categoric), hesitation (overcoming speech hesitation and shaping speech search), marking the start or ending, etc. *Kak budto (by)* appears to be a multifunctional marker. The results obtained can be applied in the analysis of Russian oral speech within the framework of colloquialism, in the practice of teaching Russian as a foreign language, as well as in the practice of translating Russian literary texts into other languages.

Key words: everyday speech, oral corpus, pragmatic marker, approximator, hedge, hesitation, delimiting function, pragmaticization.

Сян Янань.

Магистр филологии.
Санкт-Петербургский государственный
университет, г. Санкт-Петербург, Российская
Федерация.
Аспирант кафедры русского языка.
ORCID 0009-0005-2279-6868
E-mail: st112867@student.spbu.ru

Xiang Yanan.

Master of Philology.
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian
Federation.
Postgraduate student of the Russian Language
Department.
ORCID 0009-0005-2279-6868
E-mail: st112867@student.spbu.ru

ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 159.923.2
DOI: 10.5281/zenodo.10902380

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

© 2024 *И.А. Егорова*
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики»
ORCID 0000-0002-6707-5045

В работе рассматриваются основные тенденции социализации личности в современных условиях цифровизации общества. Актуальность исследования состоит в необходимости анализа основных тенденций социализации личности, связанных с цифровой трансформацией общественной практики, оценки новых феноменов и процессов социализации личности. В процессе исследования применялись методы теоретического анализа, синтеза, классификации и обзора информации, полученной различными учеными. Выделены четыре основные тенденции социализации личности в условиях цифровой трансформации: изменение институтов социализации и появление новых ее агентов, изменение картины мира и представлений о собственном месте в этом мире, изменение высших психических функций (прежде всего когнитивных процессов), а также трансформация процессов коммуникации. На основе анализа выделенных тенденций сделаны выводы о положительных и отрицательных аспектах влияния цифровой трансформации на процессы социализации личности, намечены перспективы изучения данного феномена в контексте «новой нормальности».

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровизация, цифровая среда, личность, социализация, агенты социализации, институты социализации, социальный опыт.

Для цитирования: Егорова И.А. Современные тенденции социализации личности в условиях цифровой трансформации / И.А. Егорова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 1. – С. 115-124. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.10902380>, <https://zenodo.org/records/10902380>.

Введение. Одним из самых актуальных для современности процессов, в той или иной мере охвативших практически все сферы жизнедеятельности человека, является цифровая трансформация. Суть этого явления заключается не только в проникновении информационных технологий в различные области человеческой практики, но и сильнейшем их влиянии на все общественные процессы, в том числе процессы развития личности как социального качества человека, формирующегося и проявляющегося в социальной реальности. Более того, наряду с внешним и внутренним миром в жизни человечества появился кардинально иной мир – виртуальный [15].

Влияние виртуального мира на личность неуклонно возрастает: люди все больше времени проводят в информационном пространстве, используя его для удовлетворения широкого спектра потребностей – органических (заказ продуктов и других товаров, контроль состояния здоровья и пр.), социальных (общение в социальных сетях, объединение в распределенные группы и пр.), познавательных (потребление цифрового контента, поиск и переработка информации), саморазвития

и личностного совершенствования (огромное количество статей, видео- и онлайн-курсов и пр.) и других.

Информационное пространство, цифровые технологии и цифровая среда в целом становятся одним из важнейших агентов социализации личности, поскольку в условиях цифровой трансформации ей необходимо осваивать не только реальный, но и виртуальный миры, интегрируя их в своем внутреннем мире.

Цифровизация общества выражается в ряде трендов, среди которых В.Н. Воронин, М.В. Ионцева и Л.Ю. Шураева выделяют широкое проникновение искусственного интеллекта практически во все сферы жизни человека, использование цифровых технологий для распознавания и имитации интернет-поведения человека, роботизацию и автоматизацию производства и информационных процессов, цифровизацию экономики, управления и образования на государственном и глобальном уровнях. Все перечисленные тренды способствуют появлению еще одной глобальной тенденции, суть которой состоит в уменьшении доли непосредственных межличностных контактов в процессе социального взаимодействия человека с миром, что, в свою очередь, ведет к трансформации и увеличению сложности процессов социализации [10].

Актуальность исследования основных тенденций социализации в условиях цифровой трансформации усиливается также за счет того, что инструменты познания этих миров и деятельности в них разнообразны и неопределенны, поскольку формируются непосредственно тут же, в процессе их освоения. Личность сталкивается с необходимостью выработки собственной системы средств и приемов взаимодействия с реальностью, которая усложняется буквально «на глазах».

Цель данного исследования – обзор и анализ основных тенденций социализации личности, связанных с цифровой трансформацией общественной практики, в которых цифровая среда выступает в качестве важнейшего агента социализации наряду с традиционными социальными институтами (семьей, школой, трудовыми коллективами, СМИ и другими).

Основная часть. Процесс социализации изучается с позиций психологии личности, возрастной психологии, социальной психологии, при этом каждая из перечисленных областей психологии наполняет трактовку данного понятия своим смыслом.

В возрастной психологии социализация трактуется с позиций возрастных особенностей различных периодов развития ребенка. В различные возрастные периоды развития личности этот процесс сосредоточен на познании пространства, времени, культуры и ее элементов, доступных пониманию и освоению для каждого конкретного этапа возрастного-психического развития личности [13].

Социализация с позиций психологии развития и возрастной психологии выступает в качестве ведущей движущей силы вхождения личности в общество и успешного функционирования в нем.

Социальная психология акцентирует внимание, с одной стороны, на социальной обусловленности поведения личности, взаимосвязи с социальными институтами, выступающими в качестве агентов социализации. С другой же стороны, социально-психологическое понимание социализации базируется на таких важнейших характеристиках социализации, как двусторонность и непрерывность в течение всей жизни личности. Иными словами, личность не только получает, но сразу же использует и передает социальный опыт, поэтому процесс социализации не

прекращается. Человек постоянно включен в социальную реальность, стремительные темпы изменения которой очевидны и не вызывают сомнений.

В психологии личности эти идеи интегрируются, и под социализацией понимается взаимодействие биологических механизмов и условий с процессом включения индивида в общество, где происходит познание и приобретение социального опыта (Б.Д. Парыгин [24]).

При этом подчеркивается, что в процессе социализации формируются базовые свойства личности – способность к саморазвитию, к целеполаганию, синтезируются традиционные и инновационные содержания приобретенного и применяемого социального опыта [13].

Акцент делается на существовании объективных и субъективных условий социализации, а также в данном процессе выделяются когнитивная, эмоциональная и поведенческая составляющие. Когнитивная сторона социализации интегрирует представления личности об окружающей социальной среде, эмоциональная связана с переживаниями, чувствами и эмоциями, которые возникают у субъекта в процессе освоения окружающей среды, а поведенческая сторона социализации реализуется в усвоенных и используемых образцах поведения.

Также много говорится об изменениях социализации личности с позиций социологического подхода, а именно – о том, что нового происходит в социуме в целом под влиянием новых особенностей социализации личности. С позиций социологии, социализация – это процесс усвоения личностью социального опыта, общественных ценностей, формирование жизненных ориентаций, «саморазвивающийся процесс социокультурного развития личности» в ходе ее взаимодействия с социумом [13, с. 91]. Анализ социализации с таких позиций приводит к пониманию, что она важна не только для личности, но и представляет собой «процесс самоорганизации общества, который происходит путем наследования и преобразования социокультурного опыта человечества» [13, с. 91].

Процессы цифровой трансформации общества приводят ряд ученых к необходимости включать ее в контекст изучения процессов социализации личности, к появлению понятий цифровой социализации (М.А. Головчин [11], Е.А. Кузнецова [17], Н.А. Перинская [25]), информационной социализации (Е.В. Грязнова, А.А. Хлап [12]), субъекта цифрового общества (Е.В. Лазина [18]), информационной культуры (С.С. Стрельников [29]), цифровой культуры (Е.В. Викторова [9]), цифровых социальных взаимодействий (А.А. Скорынин [26]) и многих других.

Цифровая трансформация является «одновременно и проблемой, и возможностью современного человека и общества в целом. Планируя проведение цифровых преобразований, необходимо учитывать культурные изменения, с которыми придется столкнуться, поскольку человек еще только приспосабливается к незнакомым технологиям. Определяющим фактором цифровой трансформации является ее темп» [30, с. 96].

Развитие цифровых технологий революционным образом изменило не только внешние условия социализации, но и саму сущность данного процесса.

Рассмотрим основные тенденции, связанные с изменениями сущности и условий социализации в связи с развитием цифровых технологий.

Первой тенденцией является кардинальная трансформация институтов социализации.

Традиционные формы социализации, основанные на непосредственном личном общении, либо на усвоении норм и образцов поведения, принятых в тех или иных

группах, социальных институтах, культурах, обществе в целом, активно и широко включают в себя цифровые технологии, а иногда и замещаются ими. Взаимодействие не с социальной, а с цифровой средой ведет к приобретению социального опыта, имеющего качественно иные характеристики, и данный процесс будет только усиливаться. Цифровая среда уже становится доминирующей по сравнению с традиционной «вещественной» и «общественной». Эти процессы носят глобальный и необратимый характер.

Г.У. Солдатова и А.Е. Войскунский в качестве основного направления цифровой трансформации современных институтов социализации отмечают появление новой системы, в рамках которой осуществляется данный процесс. Техносистема, в которую включены различные цифровые устройства, программы, приложения, платформы и среды является результатом изменения экосистемы человечества в условиях цифровых трансформаций.

Трансформация техносистемы представляет собой «не только появление новых устройств и технологических возможностей, но и бурное развитие различных цифровых пространств, определяющих новые формы социального взаимодействия между их участниками» [27, с. 432].

Цифровизация воздействует на все сферы жизни человека, обостряет социальные и нравственные проблемы, приводит к необходимости формировать новые способы совладания с действительностью. Меняется поведение людей: в него встраиваются новые виды и формы деятельности в медиапространстве, сети интернет, социальных сетях [8]. Ставятся и различным образом решаются этические проблемы взаимодействия людей с информацией, друг с другом, государственными и общественными организациями.

Вторая тенденция – изменение картины мира и представлений о собственном месте в этом мире, о возможностях влияния на объективные процессы и организации собственных условий для комфортной жизнедеятельности и саморазвития.

Погружение в цифровую среду приводит к трансформации отношения человека к окружающей действительности, которая выступает теперь в двух аспектах: реальном и виртуальном. В ряде исследований обнаруживается тот факт, что реальность оценивается субъектами социализации как менее интересная, динамичная и свободная, а виртуальность – как более открытая, разнообразная, привлекательная [8, 28].

Сравнительный анализ представлений различных поколений о виртуальном и реальном мире показывает, что оба мира оцениваются как безопасные и позволяющие узнавать новую информацию, однако подростки видят реальный мир более важным, справедливым, счастливым. По мере взросления подростки воспринимают мир уже как смешанную реальность и положительно оценивают его такое интегративное качество, при этом признают ведущую роль реального мира, а виртуальный рассматривают как способ расширения своих возможностей [28].

В виртуальном пространстве личность получает дополнительные возможности освоения новых социальных ролей, приобретения нового опыта и самоопределения. Виртуальность становится средой для экспериментирования, дает возможности «примерить» альтернативные варианты самовыражения и развития личности.

Социальный опыт поведения в цифровой среде обладает рядом характеристик, среди которых отмечаются особые личностные установки и поведенческие стратегии, обусловленные особенностями виртуальной реальности – отсутствием границ, анонимностью, особым языком и символикой, нормами и правилами [17].

Все эти особенности цифрового опыта предъявляют новые требования к человеку, его психическим процессам и свойствам, необходимым для переработки больших объемов и потоков разнообразной и разноплановой информации, работы в режиме многозадачности, принятия решений в условиях неопределенности и быстрых изменений. Между тем, люди часто не справляются с такими требованиями, что порождает большое количество рисков, связанных с недостаточной адекватностью нового образа смешанной реальности [1, 16, 19, 20].

Имеются данные о существовании различных индивидуальных стилей взаимодействия с цифровой средой, основными факторами которых являются познавательная мотивация, особенности самоотношения, уверенность в себе, склонность к многозадачности, особенности внимания и оперативной памяти и ряд других [20].

Возникают вопросы информационной идентичности личности, для решения которых еще не существует эффективных инструментов ни на уровне социума, ни на уровне групп, ни на уровне личности. Тем не менее, исследования позволили выделить информационный, нормативный и диффузный стили информационной идентичности, причем каждый из них характеризуется различными стратегиями поиска и использования информации, а также целеполагания и принятия решений [21].

Новая картина мира, построенная на основе отражения смешанной реальности, требует от личности таких характеристик, которые позволят встроиться как в реальность, так и в виртуальность, в результате происходит формирование компетентности, умений и навыков, мотивации деятельности, положительных черт характера, социальных установок.

Развитие собственного Я, усвоение норм и ценностей общества на основе имеющегося жизненного опыта, мировоззренческих ориентиров, интересов и склонностей – одна из важнейших сторон социализации. Цифровая трансформация предоставляет субъекту дополнительные возможности, которые опосредуют эти процессы и позволяют развиваться и формироваться с учетом своих собственных интересов и предпочтений.

Третьей тенденцией является изменение высших психических функций (прежде всего когнитивных процессов) под влиянием цифровой трансформации.

Эти изменения могут носить как количественный, так и качественный характер.

Количественные изменения связаны с тем, что человек быстрее отбирает релевантную информацию и анализирует ее, но этот анализ часто не отличается глубиной и критичностью [19].

Ряд зарубежных и отечественных авторов указывают на качественные трансформации, которые выражаются в том, что активное использование цифровой среды, оказывая существенное влияние на мозговую деятельность, трансформирует высшие психические функции и личность в целом [19]. В частности, большое внимание уделяется тому, как цифровая трансформация порождает когнитивные новообразования [2, 23, 30].

Авторы указывают на развитие образной (чаще всего зрительной) памяти, способности к визуализации понятий и отношений, при этом часто запоминается не содержание, а источник информации и путь ее получения.

Подробно анализируется феномен «клипового мышления» как механизма быстрой переработки информации, подающейся в сознание короткими фрагментами, содержащими визуально-вербальные образы, и имеющими яркую эмоциональную окраску. По мнению М.Д. Осадчего, это «когнитивный ответ информационному обществу и способ адаптации цифровых аборигенов к мощному контентному потоку;

развитие современных навыков поиска ключевых моментов в сложных и неопределенных условиях при высоком уровне разнообразной информации; залог успешного усвоения поступающей информации, защита от чрезмерной информационной нагрузки и новый вектор в развитии отношений человека с информацией» [23, с. 63].

Обратной стороной перечисленных процессов является снижение концентрации внимания, а также способности к восприятию и переработке текстовой информации, не имеющей ярких образов и эмоциональной составляющей. Цифровая трансформация приводит к изменениям не только в когнитивной, но и в эмоционально-волевой сфере молодых людей. Существует угроза того, что в цифровом мире снижается адекватность представлений о себе как об отдельном субъекте, ответственном за собственную жизнь, деятельность, образование, будущее [4]. Возникает необходимость развития ответственного поведения в цифровой среде, выражающегося в постановке целей, адекватной оценке собственных возможностей, оценке возможных рисков, прогнозировании результатов и последствий своих и чужих поступков [22].

Четвертая тенденция проявляется в трансформации процессов коммуникации. Исследователи отмечают кардинальные изменения в формах и способах взаимоотношений и взаимодействий между людьми, причем проявляются они не только в цифровой среде, но и в традиционном «физическом» мире.

Цифровая среда открывает возможности для расширения контактов и каналов коммуникации, накопления опыта общения с различными собеседниками, решения проблем, возникающих в реальной жизни, удовлетворения потребностей в безопасном самораскрытии, самостоятельности, включенности в группы, уважении и самоуважении [23].

Современные технологии позволяют организовать совместную деятельность (учебную, игровую, трудовую, коммуникативную) удаленных пользователей, мгновенно обмениваясь информацией и реакциями [16].

Специфические внешние условия социальной коммуникации в цифровой среде опосредуются новыми знаками и символами, особым языком, в котором традиционные лексические единицы могут заменяться более емкими визуальными образами. В итоге формируется «новый стиль коммуникации, опирающийся на автономность и независимость, открытость и инновативность» [17, с. 60]

Отсутствие же непосредственного эмоционального контакта, как при общении в режиме «лицом к лицу», не только порождает необходимость использовать новые способы выражения эмоций, но и может провоцировать отсутствие эмпатии и затруднять взаимопонимание собеседников [18].

Ответом на перечисленные вызовы цифровой коммуникативной среды становится формирование особого рода коммуникативных компетенций, которые, с одной стороны, являются необходимым условием эффективного социального взаимодействия, а с другой – критерием информационной грамотности, принадлежности к сетевому сообществу.

Благодаря анализу описанных выше тенденций становится возможным выделение преимуществ и тревожных сторон влияния цифровой трансформации на процессы социализации личности. Многие ученые сходятся в том, что данный процесс имеет как позитивные, так и негативные аспекты влияния на социализацию личности, но результаты этих влияний невозможно трактовать однозначно [3, 5, 6, 7, 14, 16, 17, 23, 25].

Противоречивость этих позиций выражается в принятии и достоинств, и недостатков влияния цифровой трансформации на процессы социализации личности без четкого описания механизмов воздействия глобальной сети на личность [25].

Теоретический анализ различных источников показывает, что положительными моментами социализации в новых условиях цифровой трансформации являются следующие:

- 1) увеличение возможностей получения информации, необходимой для удовлетворения потребностей и решения проблем;
- 2) расширение кругозора, развитие умений по переработке больших объемов разноплановой и разнообразной информации;
- 3) развитие умений решать большое количество задач (многозадачность);
- 4) новые возможности для творчества, самореализации и самопрезентации личности и результатов ее деятельности;
- 5) широкий выбор способов связи (мессенджеры, социальные сети, интернет-телефония и другие возможности);
- 6) стирание географических и социальных границ, расширение круга контактов, в том числе возможностей общения на иностранных языках;
- 7) формирование инклюзивного общества – включение в повседневную деятельность инвалидов и лиц с ограниченными возможностями, чьи особенности достаточно успешно могут компенсироваться с помощью технических устройств и информационно-коммуникационных технологий.

Среди наиболее часто описываемых минусов цифровой социализации необходимо отметить следующие:

- 1) развитие психопатологий и зависимостей от социальных сетей, Интернета, онлайн-игр, технических устройств;
- 2) обесценивание всех источников информации, кроме цифровой среды, которая часто оказывается анонимной и не заслуживающей доверия;
- 3) рост тенденций психологической и социальной отчужденности, включение психологических защит вместо решения проблем, формирование незрелых реакций на трудности;
- 4) сужение круга, частоты и глубины общения вплоть до острого дефицита, неумение и нежелание проявлять социальную активность, что ведет к переживанию одиночества, самоизоляции, снижению осмысленности собственной деятельности и жизни в целом;
- 5) деперсонализация, проблемы формирования социальной и личностной идентичности, которые существенно затрудняют процессы социального и личностного выбора;
- 6) снижение ответственности за свои действия, агрессия, деструктивное поведение в сети и в жизни, что ведет к разрушению традиционных ценностей и моральных норм, признанных в обществе образцов поведения;
- 7) утрата неприкосновенности личностного пространства, персональных данных, приватности частной жизни.

Заключение. Подведем итоги представленного теоретического анализа основных тенденций, в которых проявляется влияние цифровой трансформации на процессы социализации личности.

В настоящее время можно выделить ряд основных тенденций, отражающих коренные изменения процессов социализации: это трансформация институтов социализации, преобразование картины мира благодаря включению в него смешанной

физической и цифровой среды, изменение высших психических функций познавательной сферы, изменение процессов и средств коммуникации. Научное осмысление перечисленных тенденций выражается в оценке значения для личности и для общества в целом: обнаруживаются как позитивные, так и негативные аспекты влияния цифровой трансформации на социализацию личности. Тем не менее необходимо признать, что данный процесс неизбежен, он становится частью «новой нормальности», и необходимо вырабатывать научно обоснованные подходы к учету и использованию выделенных тенденций в различных областях общественной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Cascio J. Facing the Age of Chaos / J. Cascio. – 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaosb00687b1f51d> (дата обращения: 05.02.2024).
2. Stefaneas P., Vandoulakis I.M. The web as a tool for proving / P. Stefaneas, I.M. Vandoulakis // *Metaphilosophy*. – Vol. 43. – № 4. – pp. 480–498.
3. Van der Velden M. Digitalisation and the UN Sustainable Development Goals: What role for design / M. Van der Velden // *ID&A Interaction design & architecture(s)*. – 2018. – №. 37. – P. 160–174. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [Digitalisation and the UN Sustainable Development Goals: What role for design \(uio.no\)](https://www.uio.no/digitalisation-and-the-un-sustainable-development-goals-what-role-for-design) (дата обращения: 05.02.2024).
4. Астапенко Д.В. Особенности самосознания подростков и информационного поведения в условиях цифровизации образования / Д.В. Астапенко // *Инновационная наука: Психология, Педагогика, Дефектология*. – 2021. – № 5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-samosoznaniya-podrostkov-i-informatsionnogo-povedeniya-v-usloviyah-tsifrovizatsii-obrazovaniya> (дата обращения: 05.02.2024).
5. Ахметова Д.З. «Человек экологический» в эпоху цифровизации / Д.З. Ахметова // *Высшее образование в России*. – 2020. – Т. 29. – № 5. – С. 117–126. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-5-117-126>.
6. Баркетова Т.А. Некоторые социально-психологические проблемы личности в эпоху smart-технологий / Т.А. Баркетова, Э.Е. Воронин // *Промышленность: экономика, управление, технологии*. – 2019. – № 3 (77). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-sotsialno-psihologicheskie-problemy-lichnosti-v-epohu-smart-tehnologiy> (дата обращения: 05.02.2024).
7. Белинская Е.П. Взаимосвязь психологического благополучия и адаптации к рискам цифрового мира в молодежном возрасте / Е.П. Белинская, З.Д. Шаехов // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. – 2023. – Т. 46, № 3. – С. 239–260. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-35>.
8. Богданова В.О. Экзистенциальный подход к исследованию бытия цифрового поколения / В.О. Богданова // *Социум и власть*. – 2022. – № 3 (93). – С. 17–24. DOI 10.22394/1996-0522-2022-3-17-24. EDN HCECVI.
9. Викторова Е.В. Цифровая культура межличностных взаимодействий и импрессионг как ее элемент / Е.В. Викторова // *МНИЖ*. – 2020. – № 9-2 (99). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-kultura-mezhlichnostnyh-vzaimodeystviy-i-impressing-kak-ee-element> (дата обращения: 05.02.2024).
10. Воронин В.Н. Социально-психологические риски разных поколений в процессе цифровизации общества / В.Н. Воронин, М.В. Ионцева, Л.Ю. Шураева // *Вестник ГУУ*. – 2022. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-riski-raznyh-pokoleniy-v-protseste-tsifrovizatsii-obschestva> (дата обращения: 05.02.2024).
11. Головчин М.А. Проявления цифровой социализации в молодежной среде: на данных пилотного опроса старшеклассников / М.А. Головчин // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – Т. 15. – 2022. – № 5. – С. 237–256. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.13.
12. Грязнова Е.В. Информационная социализация личности: утраты и приобретения / Е.В. Грязнова, А.А. Хлап // *Образование и проблемы развития общества*. – 2020. – № 2 (11). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-sotsializatsiya-lichnosti-utraty-i-priobreteniya> (дата обращения: 05.02.2024).
13. Гунина Е.В. К вопросу изучения цифровой среды как фактора социализации личности / Е.В. Гунина, О.В. Дудина // *КПЖ*. – 2020. – № 6 (143). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-izucheniya-tsifrovoy-sredy-kak-faktora-sotsializatsii-lichnosti> (дата обращения: 05.02.2024).

14. Дутко Ю.А. Поколение Z: основные понятия, характеристики и современные исследования / Ю.А. Дутко // Проблемы современного образования. – 2020. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokolenie-z-osnovnye-ponyatiya-harakteristiki-i-sovremennye-issledovaniya> (дата обращения: 05.02.2024).
15. Киселева Л.С. Цифровая трансформация общества: тенденции и перспективы / Л.С. Киселева, А.А. Семёнова // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. – 2018. – № 4 (34). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-obshchestva-tendentsii-i-perspektivy> (дата обращения: 25.01.2024).
16. Крюкова О.С. Человек в цифровом мире: проблема дегуманизации личности / О.С. Крюкова // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2019. – № 2-1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-v-tsifrovom-mire-problema-degumanizatsii-lichnosti> (дата обращения: 05.02.2024).
17. Кузнецова Е.А. Цифровая социализация молодежи / Е.А. Кузнецова // Социология. – 2023. – № 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-sotsializatsiya-molodezhi> (дата обращения: 05.02.2024).
18. Лазинина Е.В. Коммуникативная компетенция в условиях цифровизации как характеристика субъекта цифрового общества / Е.В. Лазинина // Современные исследования социальных проблем. – 2022. – Т. 14, № 1. – С. 64-80. DOI 10.12731/2077-1770-2022-14-1-64-80. – EDN RRIBON.
19. Лучинкина И.С. Когнитивные детерминанты цифрового поведения личности / И.С. Лучинкина // Гуманитарные науки. – 2023. – № 2 (62). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-determinanty-tsifrovogo-povedeniya-lichnosti> (дата обращения: 15.02.2024).
20. Лучинкина И.С. Психологические особенности цифрового поведения личности / И.С. Лучинкина // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2022. – № 6 (172). – С. 306–320. DOI 10.25588/1575.2022.74.53.015. – EDN TFBUAU.
21. Марцинковская Т.Д. Информационная идентичность и восприятие информации как новая цифровая повседневность / Т.Д. Марцинковская, Н.А. Андреева (Голубева), С.В. Преображенская // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2023. – Т. 13. – Вып. 3. – С. 347–361. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.304>.
22. Москвитина О.А. Цифровизация жизнедеятельности: особенности ответственного поведения личности / О.А. Москвитина // ОмГУ. – 2020. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-zhiznedejatelnosti-osobennosti-otvetstvennogo-povedeniya-lichnosti> (дата обращения: 15.02.2024).
23. Осадчий М.Д. Психолого-педагогический портрет современных школьников как цифровых аборигенов / М.Д. Осадчий // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. – 2022. – Вып. 3. – С. 61–66.
24. Парыгин Б.Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории / Б.Д. Парыгин. – СПб.: ИГУП, 1999. – 592 с.
25. Перинская Н.А. Цифровая социализация россиян пожилого возраста / Н.А. Перинская // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2022. – № 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-sotsializatsiya-rossiyan-pozhilogo-vozrasta> (дата обращения: 25.02.2024).
26. Скорынин А.А. К проблеме отражения психологического благополучия личности в цифровом пространстве / А.А. Скорынин // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. – 2022. – № 9. – С. 58–65. <https://doi.org/10.24412/2712-827X-2022-9-58-65>.
27. Солдатова Г.У. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики / Г.У. Солдатова, А.Е. Войскунский // Психология. Журнал ВШЭ. – 2021. – № 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-kognitivnaya-kontseptsiya-tsifrovoy-sotsializatsii-novaya-ekosistema-i-sotsialnaya-evolyutsiya-psihi> (дата обращения: 25.02.2024).
28. Солдатова Г.У. Представления о реальном и виртуальном пространствах как часть актуальной картины мира подростков и родителей в цифровом обществе: возможности адаптации / Г.У. Солдатова, С.В. Чигарькова, С.Н. Илюхина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2022. – Т. 12. – Вып. 3. – С. 226–248. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.301>.
29. Стрельников С.С. Определение понятия информационной культуры студента / С.С. Стрельников, А.Л. Каткова, Р.С. Туров // Мир науки. Педагогика и психология. – 2022. – Т. 10. – № 6. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/21PDMN622.pdf> (дата обращения: 25.02.2024).

30. Шоваг А.Н. Цифровая трансформация современного познания / А.Н. Шоваг // Вестник ПГГПУ. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. – 2022. – № 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-sovremennogo-poznaniya> (дата обращения: 25.02.2024).

Поступила в редакцию 28.02.2024 г.

MODERN TRENDS OF PERSONALITY SOCIALIZATION IN DIGITAL TRANSFORMATION CLIMATE

I.A. Egorova

The contribution deals with the main trends of personality socialization in the modern climate of social digitalization. The relevance of the study is accounted for by the need for the basic tendencies analysis of the personality socialization. The trends under study are related to current conditions of the digital transformation of social practices, evaluation of the new phenomena and processes of personality socialization. The methods applied include theoretical analysis, synthesis, classification and evaluation of information, found in previous researches. The four main trends have been singled out, among them are modification of socialization institutions and its new agents emergence, changes in the worldview and beliefs of one's own place in the world, modification of the highest mental functions (mainly cognitive processes), and transformation of communication processes. Based on the analysis of the trends mentioned above, the conclusions about the positive and negative aspects of digital transformation influence on processes of personality socialization have been made. The prospects of studying this phenomenon in the context of "the new norm" are outlined.

Key words: digital transformation, digitalization, digital climate, personality, socialization, agents of socialization, institutions of socialization, social experience.

Егорова Ирина Александровна.

Кандидат социологических наук, доцент.
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог, Российская Федерация.
Доцент кафедры управления, младший научный сотрудник научно-исследовательской части.
ORCID 0000-0002-6707-5045
E-mail: i.egorova@tmei.ru

Egorova Irina Alexandrovna.

Candidate of Sociology, Associate Professor.
Taganrog Institute of Management and Economics,
Taganrog, Russian Federation.
Associate Professor at Department of Management,
Junior Researcher of the Research Unit.
ORCID 0000-0002-6707-5045
E-mail: i.egorova@tmei.ru

Научная статья

УДК 316.6

DOI: 10.5281/zenodo.10996566

ПСИХОСОМАТИКА В ГРУППОВОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

© 2024 Г.С. Джура

г. Донецк

ORCID 0009-0005-5980-4155

Статья исследует роль психосоматических проявлений в контексте групповой психотерапии. Психосоматика относится к взаимодействию между психическими факторами и физическим здоровьем. Групповая психотерапия является эффективным инструментом лечения психических расстройств, включая психосоматические симптомы. Статья также анализирует механизмы, через которые групповая психотерапия влияет на психосоматические проявления. Взаимодействие с другими участниками группы, возможность выразить и осознать свои эмоции, получение поддержки и понимания от группы – все это способствует улучшению психического состояния и, в конечном счете, снижению психосоматических симптомов. Данная статья подчеркивает важность групповой психотерапии в лечении психосоматических проявлений. Она предоставляет основу для дальнейших исследований и разработки эффективных методов лечения для данной группы пациентов. В современном мире проблемы психосоматики становятся все более актуальными. Целью данной статьи является рассмотрение эффективности групповой психотерапии в лечении психосоматических заболеваний. Мы проанализируем результаты последних исследований и практический опыт специалистов, чтобы выявить основные преимущества и потенциальные ограничения этого подхода. Дальнейшее изучение роли групповой психотерапии в лечении психосоматических заболеваний не только поможет нам лучше понять механизмы развития и проявления этих заболеваний, но и сможет дать ценные рекомендации для практикующих специалистов и облегчить страдания пациентов, которые ищут помощь в их излечении.

Ключевые слова: психосоматика, групповая психотерапия, психология, лечение, психология, психотерапия, соматическое заболевание, заболевание, медицина, отношения, эмоциональные проблемы, стресс.

Для цитирования: Джура Г.С. Психосоматика в групповой психотерапии / Г.С. Джура // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 1. – С. 125–132. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.10996566>, <https://zenodo.org/records/10996566>.

Введение. Психосоматические заболевания – актуальная проблема современного общества, оказывающая негативное влияние на качество жизни миллионов людей. В научной литературе существуют различные варианты понимания природы возникновения психосоматических заболеваний, общим для которых является представление о взаимосвязи физических и психических симптомов, в которой психоэмоциональный фактор играет первичную роль в возникновении и развитии болезни (Г. Амон, С. Гроф, Ц. Короленко, А. Менегетти, В. Райх, М Сандомирский, К. Судаков и др.). Считается, что в условиях воздействия на человека психической травмы возникает альтернатива: либо в связи со стрессоустойчивостью или под влиянием механизмов психологической защиты (хотя здесь могут быть и обратные варианты) человек остается психически и соматически здоровым, либо он заболевает неврозом или психосоматическим заболеванием. Причем, по мнению некоторых ученых (В.С. Роттенберг, В.В. Аршавский), альтернатива существует и внутри патогенного пути, и психосоматические заболевания возникают у тех, кто в силу особенностей личности не может позволить себе невротический тип реагирования, демонстрацию тревоги или страха, фиксацию на своих ощущениях.

Рис. 1 Типы реагирования индивида на психическую травму

При невротических расстройствах преобладают психологические и психопатологические функциональные нарушения как реакция личности на стресс. Невротический способ может проявляться как в условиях острого, так и в условиях хронического стресса. Психосоматические расстройства проявляются, в первую очередь, соматическими эквивалентами психических расстройств. Психосоматический способ реагирования на стресс в большей степени связан с хроническим фрустрирующим воздействием. Особенности реагирования на психическую травму связаны с индивидуально-психологическими характеристиками человека и его жизненным опытом.

Психосоматика (от греческого: *psyche* – душа, *soma* – тело) – направление в медицине и психологии, занимающееся изучением влияния психологических (в большинстве психогенных (обусловленные психической травмой)) факторов на возникновение и последующее течение соматических заболеваний, т.е. соматические симптомы могут быть непосредственным выражением психических и прежде всего аффективных переживаний. Есть мнение, что нельзя исключить влияние психических факторов на любое заболевание и в этом смысле любое заболевание можно назвать психосоматическим.

С каждым годом все больше людей сталкивается с различными заболеваниями, вызванными психологическими причинами. Это может быть депрессия, тревожность, стресс, нервные расстройства и другие психические проблемы, которые приводят к развитию различных физических заболеваний. Комплексный подход к лечению болезней в медицине включает и решение психологического компонента, позволяющий выявлять и устранять причины заболевания, а не только симптомы и, соответственно, добиваться более эффективных результатов в лечении. Поэтому вопрос поиска и анализа эффективных методов психологического воздействия становится особенно актуальным.

Одной из основных задач при лечении психосоматических заболеваний является работа с эмоциональным состоянием пациента, а также развитие его психологической устойчивости, зрелости и способности к саморегуляции. По нашему мнению, одним из эффективных методов лечения психосоматических заболеваний является групповая психотерапия. Групповая психотерапия предоставляет уникальную платформу, где участники группы делятся опытом переживаний, выражают свои эмоции и находят поддержку внутри группы, что способствует их выздоровлению.

Групповая психотерапия – это эффективный и инновационный подход к лечению психосоматических заболеваний, в котором участники работают над своими эмоциональными проблемами в групповой динамике. Групповая психотерапия позволяет людям исследовать и понять глубинные причины физических симптомов, а также разработать новые способы совладания с ними.

Преимущество групповой психотерапии состоит в интенсивной проработке актуальной темы «здесь и сейчас» и в установлении близких контактов с другими

участниками группы, дающими развитие психики и большие возможности для созревания личности. Групповая психотерапия представляет межличностный тренинг с переносом не только на терапевта, но и на других членов группы (мультилатеральный перенос), который невозможен при индивидуальной терапии. В данной статье мы рассмотрим преимущества и особенности использования групповой психотерапии в лечении психосоматических заболеваний, а также дадим практические рекомендации для специалистов, работающих с этой группой пациентов.

Основная часть. В рамках группового процесса обычно происходит изменение акцента с обсуждения симптомов на рассмотрение вопросов идентичности. В самом начале групповой терапии участники могут соревноваться в том, кто более выразительно демонстрирует собственные симптомы. Однако при успешном развитии группового процесса физические проявления симптомов уменьшаются или исчезают полностью. Врач должен оставаться на связи с пациентом, помогая ему преодолевать свои страхи, беспокойства и конфликты. Для пациентов группа иногда становится своеобразным убежищем в этом процессе [1].

Здесь возникает вопрос о применимости групповой терапии. Встречаются клиенты, которые из-за своего чрезмерного страха перед группой не могут извлечь пользу из групповой терапии. По мнению Бастианса, группа предоставляет лучшие возможности для работы над проблемами пассивности и конкуренции. Если в процессе развития возникли, например, негативные переживания или появилась привязанность к значимому взрослому, то группа изначально может обеспечить больший уровень безопасности по сравнению с индивидуальной терапией, где терапевт иногда может напоминать одного из взрослых. Групповая динамика также предполагает, что пациент не может быть в центре внимания, как любимый или избранный. Однако некоторым клиентам необходимы позитивные взаимодействия с другими людьми, и для них следует предоставить такую возможность. Однако эти взаимодействия не должны привести к появлению конкуренции в группе. Поэтому они должны быть временными и ограниченными, чтобы не нарушать общую динамику группы.

Поскольку открытые межчеловеческие отношения у психосоматических больных зачастую оказываются заторможенными или нарушенными, а принцип удовольствия вследствие этого не может реализоваться в реальном контакте, на передний план выступают принципы власти и бегства. Такие клиенты требуют тогда от других, чтобы те подчинялись их потребностям. Они могут пытаться дирижировать группой и брать на себя роль терапевта [2].

Очень четко можно наблюдать и так называемый дефицит на уровне мечтания и фантазирования. У многих психосоматических больных, которые поначалу неспособны фантазировать или мечтать, в ходе процесса и в соперничестве с другими становится очевидным, что речь здесь идет не об абсолютном дефиците, а о блокировке интрапсихических функций. В мечтах и фантазиях можно раскрыть значение языка органов. Естественно, группа иногда открывает уникальные возможности для развития навыков общения, которые ранее могли оставаться неиспользованными.

В групповой терапии речь идет не о простом отреагировании и не о формализованной психодраме отдельных членов, а скорее о групповом событии, в котором на поверхности оказывается подвергшаяся защите первично-процессуальная динамика. В этом процессе клиенты могут обучаться как невербальной, так и вербальной коммуникации в аспекте запоздалого развития Я.

Данное поведение у астматиков было описано Бастиансом и Гроеном. Например, групповая терапия с астматиками имеет некоторые отличия от терапии с диабетиками.

В начале терапии астматики проявляют себя как анархические лидеры или руководители, в то время как диабетики скорее подчиняются. Эта группа больных диабетом производит впечатление группы, которая не спешит принимать решение и отдает бразды правления терапевту. Отдельные группы больных, например, гипертоников или пациентов с язвенной болезнью, проявляют совершенно иной подход к этому вопросу [3].

Однако лечение группы астматиков и гипертоников иногда требует более высокого уровня вовлеченности терапевта по сравнению с лечением смешанных групп. Гомогенная группа чаще проявляет упорство в специфических защитных механизмах. У пациентов может возникать стремление рассматривать себя как особенных или даже героев, что может привести к излишнему сопротивлению в процессе работы с переносом и контрпереносом. В некоторых случаях такое сопротивление может исчезнуть само собой, когда возникает проблема конкуренции, заставляющая участников группы менять свое поведение [4].

Одним из ключевых преимуществ групповой терапии является возможность взаимодействия с со-терапевтом, что способствует более объективной оценке терапевтического процесса. Участие в терапевтической группе также отлично подходит для развития профессиональных навыков терапевтов. Те, кто изначально считал аналитические данные недостаточно обоснованными или бессмысленными, могут через участие в группе сами увидеть практическую пользу и ограничения этого метода. Анализ психосоматических заболеваний позволяет выделить важность и необходимость создания следующих процессов:

- неиспользование возможностей пациента для своей выгоды,
- создание устойчивого сильного контакта,
- принятие необходимости отказаться от прежней структуры отношений,
- толерантность к агрессии пациента,
- отсутствие нападения на проступки пациента.

Последние задачи легче выполнить в рамках групповой психотерапии. Что касается групповой терапии, ее главное преимущество заключается в том, что даже пациенты, которые изначально испытывали затруднения с осознанием причин своего страдания, начинают проявлять более мотивированный подход к самим себе. Более того, коллективная аналитическая деятельность порождает ситуацию переноса не только на терапевта, но и на других участников группы (мультилатеральный перенос), что отсутствует в индивидуальной аналитической терапии [5, 6]. В результате анализа индивидуальных конфликтов в групповом контексте появляется возможность осознания психогенеза болезни, личностного роста и развития. Рассмотрим несколько аспектов групповой работы при соматических заболеваниях:

1. Фактор «обмена процессами» касается обмена информацией и способами объяснений, которые постоянно существуют в группе. Этот аспект создает контекст для обсуждения, основанный на принятии и толерантности к чувствам, мыслям, ассоциациям, фантазиям или поступкам участников группы. Их личностные структуры, такие как Эго и Суперэго, могут изменяться в сторону стабилизации или увеличения гибкости.

2. Фактор «поляризации» позволяет существовать в группе противоположным составляющим, которые могут быть связаны с эдиповыми или предэдиповыми механизмами защиты, ассоциированными и диссоциированными содержаниями и переживаниями, а также автономностью и зависимостью.

3. Фактор «прогрессивной коммуникации» способствует осознанию собственной личности через «понимание других и понимание себя через других», что способствует значительному расширению и дифференциации внутриличностных и социальных процессов.

4. Фактор поддержки важен для участников группы, поскольку он способствует оказанию взаимопомощи во время сложных этапов работы группы и при разрешении личных конфликтов.

Сплоченность группы позволяет преодолевать индивидуальные различия и межличностные противоречия, создавая общее единство и устойчивость. Групповая динамика также ценна тем, что пациент не остается центром внимания, как в случае с избранным или предпочтительным членом. Однако некоторым пациентам необходимо позитивное взаимодействие с другими, и это следует учитывать в определенные моменты. Важно, чтобы такие взаимодействия не приводили к появлению конкуренции внутри группы, поэтому их следует ограничивать по времени или проводить под руководством другого специалиста [7].

В групповой терапии речь идет не о простом отреагировании и не о формализованной психодраме отдельных членов, а скорее о групповом событии, в котором на поверхности оказывается подвергшаяся защите первично-процессуальная динамика. В этом процессе клиенты могут обучаться как невербальной, так и вербальной коммуникации в аспекте запоздалого развития Я.

Бастиаанс и Гроен описали подобное поведение у астматиков. Групповая терапия с астматиками отличается, например, от групповой терапии с диабетиками тем, что астматики в первые месяцы терапии ведут себя чуть ли не как анархические лидеры или руководители, тогда как диабетики демонстрируют скорее подчиненное поведение. Эта группа диабетиков кажется собой наблюдательной и доверяет врачу в управлении. Пациенты с язвенными язвами, гипертонией или язвенным колитом ведут себя совершенно иначе в данной ситуации [8, 9].

Тем не менее, лечение группы астматиков и гипертоников иногда требует большей вовлеченности со стороны терапевта по сравнению с группами смешанного состава. В гомогенной группе чаще проявляется тенденция к укреплению специфических защитных механизмов. Участники могут воспринимать себя как особую или даже героическую группу, что может привести к излишнему сопротивлению в работе над переносом и контрпереносом. Тем не менее, такое сопротивление иногда уменьшается само по себе со временем, особенно когда возникает конкуренция внутри группы, заставляя участников пересмотреть свое поведение [10].

Последние пункты, как мне кажется легче осуществить именно в групповом формате психотерапевтической работы. Анализ психосоматических заболеваний позволяет выделить важность и необходимость создания следующих процессов:

- неиспользование возможностей пациента для своей выгоды,
- создание устойчивого сильного контакта,
- принятие необходимости отказаться от прежней структуры отношений,
- толерантность к агрессии пациента,
- отсутствие нападения на проступки пациента.

В современном мире многие люди страдают от различных психосоматических заболеваний, которые могут серьезно повлиять на их физическое и психическое благополучие. Групповая психотерапия становится все более популярным методом лечения этих состояний, так как она позволяет людям обрести поддержку, понимание и

сопереживание от других участников группы. Групповая психотерапия имеет значительные положительные эффекты на психосоматические заболевания. Участие в группе позволяет людям осознать и выразить свои эмоции, преодолеть травмы и конфликты, которые могут быть источниками стресса и болезней. Кроме того, группа обеспечивает безопасное и поддерживающее пространство, где участники могут учиться новым навыкам регуляции эмоций и межличностной коммуникации.

Показаниями к групповой терапии являются прежде всего функциональные психосоматические заболевания, а также, такие, как язвенный колит, бронхиальная астма и др., при которых больные находят большую поддержку в адекватно подобранной группе. Для клиентов с тяжело протекающей нервной анорексией, используют специальные модификации групповой терапии.

Групповая психотерапия более эффективна в отношении невротических клиентов, не склонных к глубокой рефлексии. Данные клиенты быстро привыкают к групповым тренингам и могут, проделать определенное развитие, не слишком обременяя себя этим. Психосоматические же больные, которые вначале тяжело воспринимают интерпретацию своих проблем, а также более склонные к пограничному спектру организации личности часто затрудняются говорить о них, однако в группе могут легче распознать и принять с психосоматический характер своих особенностей. Тяжелые же психосоматическими состояниями наряду с групповой терапией нуждаются в подкреплении ее индивидуальными сессиями, так же, как и больные с выраженными психоневротическими нарушениями (неврозы навязчивых состояний, социально-ориентированные невроты).

Коррекция эмоциогенных нарушений межличностных отношений проводится посредством обсуждения или моделирования некоторых ситуаций в малых группах. В процессе группового взаимодействия отрабатываются социально приемлемые формы реагирования на эмоциональное напряжение. При этом, наиболее эффективным и обоснованным можно считать применение групповых форм психокоррекции и психотерапии для однородных в медицинском отношении контингентов пациентов.

Общими целями групповой психотерапии являются:

- А. Снятие общего невроза, облегчение астении;
- В. Уравновешивание нестабильности настроения, преодоление депрессии и психоза;
- С. Повышение аппетита и уменьшение жажды;
- Д. Дифференцированное «ремоделирование» пищевых рефлексов для подавления неприемлемого влечения к пище;
- Е. Обучение тщательному соблюдению режимов лечения, в частности диеты;
- Ф. Обучение рациональному реагированию на психологические травмы, особенно хронические, связанные с необратимыми потерями.

Ценность групповых методов определяется, с одной стороны, включением дополнительных лечебных факторов социально-психологической природы, таких как групповая сплоченность, развитие позитивных межличностных отношений, чувство общности, имитирующее поведение и т.п. С другой стороны, объединение пациентов в психотерапевтические группы по основному заболеванию способствует охвату достаточно большого числа больных, и, как следствие, экономичности и возможности технологизации процесса лечения.

Выводы. В рамках групповой психотерапии участники имеют возможность поделиться своими проблемами и переживаниями с другими людьми, что способствует осознанию и преодолению эмоциональных и психологических трудностей и справиться с психосоматическим заболеванием. В целом, групповая психотерапия эффективна по следующим критериям:

1. Группа как микрокосмос (общество в миниатюре). Проблемы, решенные в группе, могут с успехом переноситься в большой социум. В семье, на работе или в группах, которые формируются по интересам, на людей ежедневно действуют такие факторы, как давление партнеров, социальные влияния, конформизм. Эти факторы и выявляются в психотерапевтических группах, что оказывает соответствующее влияние на взгляды и поведение личности. В конечном результате опыт, приобретаемый в специально созданной среде, переносится на внешний мир.

2. Возможность получить обратную связь и поддержку от других членов группы, имеющих сходные проблемы или опыт и способных благодаря этому оказать существенную помощь. В процессе происходящих в группе взаимодействий осознается ценность других людей и потребность в них. В группе отдельная личность чувствует себя принимающей других и принимаемой другими, доверяющей им и внушающей доверие, заботящейся и окруженной заботой, оказывающей помощь и получающей ее. Реакции, возникающие и прорабатываемые в контексте групповых взаимодействий, могут помочь в разрешении межличностных конфликтов вне группы.

3. Роль наблюдателя. Наблюдая со стороны за ходом групповых взаимодействий, можно отождествлять себя с активными участниками и использовать результаты этих наблюдений при оценке собственных эмоций и поступков.

4. Психическая зрелость и исследование. В группе личность неизбежно ставится в положение, вынуждающее ее к самоисследованию и интроспекции. Часто люди знают, чего они хотят, но, чтобы заявить об этом во всеулышание, им требуется участие и поддержка. Каждая попытка самораскрытия или самоизменения члена группы вызывает одобрительную реакцию со стороны других ее членов, и, соответственно, повышается самооценка личности, уверенность в себе, развивается самопринятие.

Групповая динамика способствует осознанию взаимосвязи между умственным состоянием и здоровьем организма, что помогает пациентам научиться управлять своими эмоциями, стрессом и телесными реакциями. В результате участие в групповой психотерапии может привести к снижению симптомов психосоматических заболеваний, улучшению общего самочувствия и качества жизни.

Таким образом, групповая психотерапия является эффективным инструментом в комплексном лечении психосоматических заболеваний, способствует пониманию и преодолению внутренних конфликтов, улучшению качества жизни и достижению гармонии между физическим и психическим состоянием пациентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Психотерапия при психосоматических заболеваниях – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://medvedev.ru/articles/psixoterapiya/psixoterapiya-pri-psixosomaticheskix-zabolevaniyax/> (дата обращения: 17.03.2024).
2. Преимущества групповой психотерапии в лечении психосоматических заболеваний [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.b17.ru/article/advantages_grouptherapy_psychosomatic/ (дата обращения: 17.03.2024).
3. Групповая психотерапия – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://medgz.ru/stati/article_post/grupповaya-psihoterapiya (дата обращения: 17.03.2024).
4. Терапия психосоматических заболеваний [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psy.bobrodobro.ru/36296> (дата обращения: 17.03.2024).
5. Вклад психоанализа в психосоматическую медицину [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psyjournal.ru/articles/vklad-psihoanaliza-v-psihosomaticheskuyu-medicinu>
6. Психосоматические заболевания: концепции, распространенность, качество жизни, медико-психо-социальная помощь больным (лекция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mprj.ru/archiv_global/2010_1_2/nomer/nomer12.php (дата обращения: 17.03.2024).

7. Психотерапия пациента психосоматического профиля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihoterapiya-patsienta-psihosomaticheskogo-profilya> (дата обращения: 17.03.2024).

8. Групповая психотерапия в комплексной системе психотерапии неврозов, психосоматических заболеваний, сексуальных расстройств [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goland.su/grupповaya-psixoterapiya-v-kompleksnoj-sisteme-psixoterapii-nevrozov,-psixosomaticheskix-zabolevanij,-seksualnyix-rasstrojstv.html> (дата обращения: 17.03.2024).

9. Групповая психотерапия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://medgz.ru/stati/article_post/grupповaya-psihoterapiya (дата обращения: 17.03.2024).

10. Групповая психотерапия: чем полезна работа в группе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://alandmed.ru/blog/psihoterapija/group-therapy/> (дата обращения: 17.03.2024).

Поступила в редакцию 23.03.2024 г.

PSYCHOSOMATICS IN GROUP PSYCHOTHERAPY

G.S. Dzhura

The article deals with the role of psychosomatic manifestations in group psychotherapy. Psychosomatics refers to the interaction between mental factors and physical health. Group psychotherapy is an effective tool for treating mental disorders, including psychosomatic symptoms. The mechanisms, through which group psychotherapy influences psychosomatic manifestations, are analyzed in the article. Interaction with other group members, the ability of expressing and realizing one's own emotions, as well as receiving support and understanding from the group, are the ways that contribute to the improvement of mental well-being and, ultimately, to the reduction of psychosomatic symptoms. The importance of group psychotherapy in the treatment of psychosomatic manifestations is highlighted. The basis for further research and development of effective treatment for this group of patients is provided. In the modern world, problems of psychosomatics are becoming increasingly relevant. The objective of this article is to consider the effectiveness of group psychotherapy in the treatment of psychosomatic diseases. The latest research and practical experience will be analyzed in order to reveal the main advantages and potential limitations of this approach. Further study of the role of group psychotherapy in the treatment of psychosomatic diseases will not only help better understand the mechanisms of development and manifestation of these diseases, but can also provide valuable recommendations for practitioners and relieve the suffering of patients who are seeking help in curing them.

Key words: psychosomatics, group psychotherapy, psychology, treatment, psychotherapy, somatic illness, disease, medicine, relationships, emotional problems, stress.

Джура Георгий Сергеевич.
Кандидат экономических наук.
г. Донецк, Российская Федерация
ORCID 0009-0005-5980-4155
E-mail: dzhura_egor95@mail.ru

Dzhura Georgiy Sergeevich.
Candidate of Economic Sciences.
Donetsk, Russian Federation.
ORCID 0009-0005-5980-4155
E-mail: dzhura_egor95@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований, относящихся к следующим отраслям наук:

5.9. Филология:

5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.3. Теория литературы;

5.9.5. Русский язык. Языки народов России;

5.9.6. Языки народов зарубежных стран;

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика;

5.9.9. Медиакommunikации и журналистика.

5.3. Психология:

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии;

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология.

2. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, а также статьи, не соответствующие редакционным требованиям или тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В журнале публикуются исключительно актуальные, написанные в год подачи в редколлегию материалы.

3. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Статья, задержанная на срок более трёх месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку текстов. Корректурa статей авторам не высылаётся.

4. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

5. На адреса редколлегии (vi.terkulov@mail.ru, v.korobova-latyntseva@mail.ru) во вложениях к письму присылаются следующие документы:

5.1. **Электронный текст статьи** (в формате WORD или RTF и параллельно в формате pdf), не превышающий диапазона **7-15** страниц (от **20000** до **40000** знаков). Список литературы, список источников, references, сведения об авторе и перевод аннотации в объём текста исследования не включаются. **Название файла электронного текста статьи:** «(Фамилия автора)_статья», например, «Дьякова_статья».

5.2. **Текст для оглавления.** В отдельном файле и на отдельном листе подаются фамилия и инициалы автора, а также название статьи на русском и английском языках. При этом фамилия и инициалы автора набираются курсивом через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт). Точка в конце текста не ставится

(название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Дьякова_для_оглавления»).

Образец

Дьякова Т.А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского

Diakova T. A. Historicisms as Linguistic Realias with Sociocultural Component in Works by Mikhail Matusovsky

5.3. **Согласие на обработку данных** (высылается автору после приёма статьи к публикации).

6. **ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:**

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

2. **Аннотация, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчёркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* – субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров – полужирный курсив: *Я памятник себе **воздвиг** нерукотворный*; слова категории состояния: *хорошо*, ***можно***, *пора*;

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;

8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «..."..."...»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделённое пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

*В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,*

И всюду он гусар.

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи – с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании – С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

7. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Перед УДК отдельной строкой слева указывают тип статьи, например: Научная статья, Обзорная статья, Краткое сообщение, Рецензия и т. д.

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– Текст DOI: (индекс DOI присваивается редколлегией).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов); в случае, если необходимо привести благодарность или указание на источник финансирования статьи, это делается в пристраничной сноске к названию.

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии)

– На следующей строке: официальное название организации (курсив).

– На следующей строке ORCID автора.

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объёмом не менее 100 и не более 150 слов, которая должна кратко отражать **проблему, методы, материал и основные результаты исследования. Ключевые слова:** (это словосочетание – полужирным курсивом) (8–15 слов).

– Через строчку: Для цитирования (10 кегль, в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка»).

Образец оформления начала статьи:

Научная статья

УДК 81:112

DOI:

**ИСТОРИЗМЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ С СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ
КОМПОНЕНТОМ В ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ МИХАИЛА
МАТУСОВСКОГО**

© 2024 *Т.А. Дьякова*

*ФГБОУ ВО «Луганская государственная академия культуры и искусств имени
М. Матусовского»*

ORCID 0000-0002-8440-7806.

В работе рассматриваются историзмы из произведений М. Матусовского, представляющие интерес как источники социокультурной информации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения этого слоя словаря писателя для адекватного восприятия культурно-исторических, социально-бытовых аспектов литературных произведений, отражающих различные

периоды развития общества. В процессе исследования текстов применялись различные методы и приемы: анализ и синтез, сплошная выборка единиц определенной группы, культурологический, этимологический, исторический комментарий. Историзмы, использованные писателем, объединены для анализа в несколько групп: одежда и ее детали; приборы, технические средства; музыкальные инструменты и звуковоспроизводящие аппараты; осветительные приборы и приспособления; ткани и др. Сделаны выводы о целях использования устаревших слов. В текстах они служат для создания культурно-исторического и социально-бытового колорита, обеспечения эмоционально-экспрессивного фона повествования. Историзмы применяются как детали портретных характеристик персонажей, используются как художественные средства выразительности.

Ключевые слова: историзм, социокультурный компонент, лексема, лингвистическая реалья, культурно-исторический колорит, социально-бытовой колорит, портретная характеристика.

Для цитирования: Дьякова Т.А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского / Т.А. Дьякова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 202X. – № X. – С. XX-XX.

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение. Каждый из указанных разделов должен быть озаглавлен (не курсив, выделение полужирным).

Введение. Постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешённых ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Материалы и методы исследования. Описание используемых материалов с указанием их точных характеристик, в том числе количественных и статистических, обоснованием репрезентативности выборки; описание методов исследования с изложением их значимых инструментов и процедур.

Основная часть. Основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, представление пути решения, анализ результатов.

Заключение. Констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И СПИСОК ИСТОЧНИКОВ (10 кегль без абзацного отступа). Списком литературы считается список научных работ, на которые ссылается автор, а Списком источников – список источников иллюстративного материала (словари, источники примеров: художественные произведения, тексты СМИ, тексты из национального корпуса русского языка и т.д.). Список источников приводится только в том случае, если в тексте есть примеры из словарей, национального корпуса русского языка, произведений художественной литературы и т.п.

Список литературы и список источников приводятся общим списком (со сквозной нумерацией) после Заключения в алфавитном порядке на языке оригинала (сначала – работы на русском языке, затем – на иностранных) в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть DOI, его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки.

Ссылка на источник даётся в тексте в квадратных скобках и оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Ссылки допускаются только на опубликованные работы.

Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трёх–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации. Корректными считаются не более двух ссылок на работы автора статьи.

Минимальное количество источников в списке литературы, на которые в обязательном порядке должны быть ссылки в тексте статьи, – 10.

Словосочетания **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** и **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсеньева М. Г. О тождестве слова / М. Г. Арсеньева, Т. В. Строева, А. П. Хазанович // Научные доклады высшей школы: филологические науки. – 1965. – № 2. – С. 59-68.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5–33.
3. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
4. Богданова Е.А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах : этнолингвистический аспект : дисс. канд. филол. наук : 10.02.01 Русский язык / Богданова Елена Александровна ; ВГУ. – Воронеж, 2019. – 324 с.
5. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – Режим доступа: http://www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml (дата обращения: 25.10.2024).
6. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.
7. Николаева Т.А. Социокультурный аспект гендерной маркированности якутских фразеологизмов / Т.А. Николаева, Л.М. Готовцева // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2024. – Вып. 1 (43). – С. 20-31. – <http://doi.org/10.23951/2307-6119-2024-1-20-31>.
8. Теркулов В.И. Парадигматика сложносокращённого слова как средство прогнозирования эквивалентностных отношений / В.И. Теркулов // Русистика. – 2023. – Т. 21. № 1. – С. 79–96. – <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-79-96>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

9. Ипатова О. Золотая жрица Ашвинов О. Ипатова / О. Ипатова // Ольгердово копые: романы. – Минск: Беллитфонд, 2002. – С. 3–299.
10. Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Дер–Ерепениться / Гл. ред. Ф.П. Филин. – Л. : Наука, Ленинградское отд., 1972. – 370 с.

После Списка источников или Списка литературы (в случае, если список источников отсутствует) даётся список **References**, в котором используется формат АРА с обязательной транслитерацией и переводом кириллических названий (за исключением названий периодических изданий). Слово **REFERENCES** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца. Если статья подается на английском языке, то список литературы сразу же выполняется в формате АРА. Дублировать следует только рубрику **Список литературы**. Для публикаций, имеющих DOI, необходимо указывать соответствующую ссылку.

Названия изданий на языке, использующем не латинский алфавит (например, кириллицу), должны быть транслитерированы и переведены на английский язык, при этом в качестве основного названия используется транслитерация оригинального названия, а английский перевод дается в квадратных скобках сразу после неё. Примеры оформления:

REFERENCES

1. Abaev, V. I. (1979). Skifo-sarmatskie narechiia [Scytho-Sarmatian languages]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), *Osnovy iranskogo iazykoznaniiia. Drevneiranskii iazyki* [Elements of Iranian Linguistics. Ancient Iranian Languages] (pp. 272–346). Moscow: Nauka. (In Russian)
2. Berezovich, E. L. (2007). *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniia* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik. (In Russian)
3. Blasco Ferrer, E. (1993). Tracce indeuropee nella Sardegna nuragica? [Indo-European Traces in Nuragic Sardinia?]. *Indogermanische Forschungen*, 98, 177–185. <http://doi.org/10.1515/9783110243390.177> (In Italian)
4. Sprache [Electronic Dictionary of the German Language]. Retrieved from <http://www.dwds.de/>. (In German).

5. Gammeltoft, P. (2005). Islands Great and Small: A Brief Survey of the Names of Islands and Skerries in Shetland. In P. Gammeltoft, C. Hough & D. Waugh (Eds.), *Cultural Contacts in the North Atlantic Region: The Evidence of Names* (pp. 119–126). Lerwick: NORNA.
6. Harvalík, M. (2004). *Synchronní a diachronní aspekty české onymie* [Synchronic and Diachronic Aspects of Czech Proper Names]. Praha: Academia. (In Czech).
7. Kleiber, G. (1992). Quand le nom propre prend l'article: le cas des noms propres métonymiques [When A Proper Name Takes An Article: The Case of Metonymic Proper Names]. *Journal of French Language Studies*, 2, 185–205. (In French).
8. Koznetsov, S. A. (Ed.). (2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [A Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint. (In Russian).
9. Lysova, E. V. (2002). *Ornitonimiia Russkogo Severa* [Ornithonymy of the Russian North] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg. (In Russian).
10. Pharies, D. (2002). The Origin and Development of the Spanish Suffix -azo. *Romance Philology*, 56 (1), 41–50. <http://doi.org/10.1484/J.RPH.2.304495> (In English).
11. Room, A. (1988). *Bloomsbury Dictionary of Place-Names in the British Isles*. London: Bloomsbury.
12. Zaliznyak, A. A., & Yanin, V. L. (2003). Berestiane gramoty iz novgorodskikh raskopok 2002 g. [Birch Bark Manuscripts from Novgorod Excavations in 2000]. *Voprosy yazykoznaniya*, 4, 3–11. (In Russian).

– После курсивом (10 кегль, выравнивание по правой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию хх.хх.20хх г.*

– Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
- через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по левому краю, без абзаца),
- через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание *Key words*: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине, с абзацем 1 см.

HISTORICISMS AS LINGUISTIC REALIAS WITH SOCIOCULTURAL COMPONENT IN WORKS BY MIKHAIL MATUSOVSKY

T.A. Diakova

The work examines historicisms from the works of M. Matusovsky as linguistic realias with a socio-cultural component. The historicisms used by the writer are classified into several groups: clothes and their parts; devices, hardware and apparatus; musical instruments and sound reproducing apparatus; lighting devices and gear; fabrics. Conclusions about the purposes of using historical lexemes are drawn. In the texts, they serve to create a cultural, historical and social atmosphere, to convey the temporal and local characteristics of the described epoch, to provide the narrative emotionally expressive background. Historicisms are used as means of character drawing and function as various tropes.

Key words: historicism, socio-cultural component, lexeme, linguistic realia, cultural and historical atmosphere, social and everyday atmosphere, portrait characteristic.

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание левой стороне, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора – отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – места работы каждого автора, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- ORCID
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Дьякова Татьяна Алексеевна.

Кандидат филологических наук, доцент.

ФГБОУ ВО «Луганская государственная академия

Diakova Tatiana Alekseevna.

Candidate of Philology, Associate Professor.

State Culture and Art Academy of Lugansk named

культуры и искусств имени М. Матусовского»,
Российская Федерация, г. Луганск.
Доцент кафедры социально-гуманитарных
дисциплин.

ORCID 0000-0002-8440-7806.

E-mail: diako122@rambler.ru

after M. Matusovsky, Russian Federation, Lugansk.
Associate Professor of Department of Social and
Humanitarian Disciplines.

ORCID 0000-0002-8440-7806.

E-mail: diako122@rambler.ru

8. Студенты, магистранты, аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

9. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных и других сведений.

10. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (E-mail: vi.terkulov@mail.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна**, канд. психол. наук, доцент кафедры психологии ДонГУ (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

Технический секретарь: **Коробова-Латынцева Виктория Сергеевна**, преподаватель кафедры русского языка ДонГУ (E-mail: v.korobova-latyntseva@mail.ru).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2024. – № 1

На русском и английском языках

Технический редактор: В.С. Коробова-Латынцева